

Science, Technology and Innovations

Collection of scientific articles

RSCI / РИНЦ
Science Index

Submitted for review in
Conference Proceedings Citation Index -
Social Sciences & Humanities (CPCI-SSH)

 THOMSON REUTERS

Pegasus Publishing
Lisbon, Portugal
2019

Pegasus Publishing, Lisbon, Portugal

Science, Technology and Innovations

Reviewers:

Maria Dos-Santos,

PhD. in Economics, Associate Professor, Universidade Lusófona Porto (Portugal)

John C. Crotts,

*Ph. D., Professor of Hospitality and Tourism Management at the
College of Charleston (USA)*

Science editor:

Drobyazko S.I.,

*Ph.D. in Economics, Associate Professor,
Professor European academy of sciences, Coventry (United Kingdom)
Doctor of Science, honoris causa, Professor of RANH, Akademician of AESU*

Science, Technology and Innovations: Collection of scientific articles. - Pegasus Publishing, Lisbon, Portugal, 2019. - 132 p.

ISBN 978-989-54130-5-9

Collection of scientific articles published is the scientific and practical publication, which contains scientific articles of students, graduate students, candidates and doctors of sciences, research workers and practitioners from Europe and other countries. The articles contain the study, reflecting the processes and changes in the structure of modern economy and state structure. The collection of scientific articles is for students, postgraduate students, doctoral candidates, teachers, researchers, practitioners and people interested in the trends of modern economic science development.

ISBN 978-989-54130-5-9

© 2019 Copyright by Pegasus Publishing

© 2019 Authors of the articles

CONTENT

NATIONAL ECONOMICS AND MANAGEMENT 5

Staričková Zuzana, Beličková Kornélia.

IMPACT OF INNOVATION AND TECHNOLOGY OF THE HUMANITARIAN AID TO THE POPULATION 5

Olga Mohylevska, Igor Sidak, Dmitryi Korolyov.

PROBLEMS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF NATIONAL ECONOMY 21

Cherevko Iryna.

NICHE PRODUCTION IN AGRICULTURE OF UKRAINE - CONDITION, PROBLEMS AND PROSPECTS..... 26

Omelchenko Kseniia.

THE UKRAINIAN AGROCULTURAL SECTOR AND ITS MAIN PROBLEMS.30

WORLD ECONOMY 35

Kyrchata I.M., Shershenyuk O.M., Savina D.G.

STRATEGIC ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX TO ENSURE ITS ECONOMIC SECURITY 35

Trushkina N.

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE: THE EXPERIENCE OF PORTUGAL..... 40

ENTERPRISES ECONOMICS AND MANAGEMENT 45

Mastylo A.

PROBLEM MARKET ANALYSIS INTELLECTUAL PROPERTY IN UKRAINE 45

Philip Stoyanov.

SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS: HISTORICAL DEVELOPMENT .. 50

Philip Stoyanov.

MODELS OF STATE ACTIVITY ON THE DEVELOPMENT OF PUBLIC POLICY OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY 55

Lina Shenderivska.

INVESTMENT EFFICIENCY ASSESSMENT INDICATORS: CONDITIONS OF THEIR APPLICATION..... 60

PRODUCTIVE FORCES DEVELOPMENT AND REGIONAL ECONOMY .65**Kolodynskyi S.B., Zakharchenko O.V., Babyi O.N.**

INNOVATIVE ACTIVITY STRATEGY OF REGIONAL ECONOMIC SYSTEMS 65

Kondrova A.E.

THE MAIN PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE NETWORK OF RAILWAY TRANSPORT OF RUSSIA AT THE PRESENT STAGE 70

ACCOUNTING, ANALYSIS AND AUDIT 77**Lutsyk Yuliia.**

RISK-ORIENTED CHARACTER OF MODERN INTERNAL AUDIT 77

MATHEMATICAL METHODS IN ECONOMY 81**Vasil Bozev.**

STATISTICAL STUDY OF THE PROFILE OF THE COMPANIES APPLYING COST-BASED PRICING STRATEGY AND OPERATING IN BULGARIA 81

PSYCHOLOGY, PEDAGOGY AND EDUCATION 86**Viktoriia Anishchenko.**

FEATURES OF PENITENTIARY OFFICERS' TRAINING IN THE USA AND UKRAINE 86

Ibragimova I.N., Rubtsov I.N.

TO THE ISSUE OF TRAINING STUDENTS OF THE DEPARTMENT OF FOREIGN LANGUAGES FOR WORK WITH PUPILS' PARENTS 91

Kondur O., Ridei N., Katsero O., Bogutskyi Yur., Pavlenko D.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE QUALITY MANAGEMENT POLICY OF EDUCATIONAL SYSTEMS IN UKRAINIAN UNIVERSITIES 96

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE 101**Marin Paunov.**

THE VALUES OF BULGARIAS AND PORTUGUESE (COMPARATIVE ANALYSIS IN A PAN-EUROPEAN CONTEXT) 101

Zemlianska N.G., Semigina T.V.

INTERNATIONAL ONLINE PLATFORMS AND THEIR IMPACT ON LABOUR RELATIONS 126

NATIONAL ECONOMICS AND MANAGEMENT

Staričková Zuzana,

Ph.D., Ing.

University of Economics in Bratislava, Bratislava, Slovak Republic

Beličková Kornélia,

doc., Ph.D., Ing.

University of Economics in Bratislava, Bratislava, Slovak Republic

IMPACT OF INNOVATION AND TECHNOLOGY OF THE HUMANITARIAN AID TO THE POPULATION

Staričková Zuzana,

Ph.D., Ing.

University of Economics in Bratislava, Bratislava, Slovak Republic

Beličková Kornélia,

doc., Ph.D., Ing.

University of Economics in Bratislava, Bratislava, Slovak Republic

VPLYV INOVÁCIÍ A TECHNOLOGIÍ HUMANITÁRNEJ POMOCI NA OBYVATEĽSTVO

*„EÚ reálne pomohla tisícom ľudí, ktorí vedia, že Európa
ochraňuje univerzálne hodnoty, bez ktorých sa svet
nemôže stať lepším miestom pre život.“*

*Kristalina Georgieva, komisárka pre medzinárodnú
spoluprácu, humanitárnu pomoc a krízové opatrenia*

Abstract. *Each of the 28 EU Member States provides humanitarian aid on a bilateral basis. In addition, the European Commission provides humanitarian aid financed from the EU budget (also funded by Member States). Governments have provided humanitarian aid of over \$ 25 billion worldwide. More than one third of this aid comes from the EU, of which more than two thirds were provided by Member States at bilateral level. This confirms the EU's position as the world's largest provider of humanitarian aid. Humanitarian aid is based on expressing solidarity with people in need through assistance, support and rescue operations. They are intended to help people regardless of ethnic origin, religion or political beliefs.*

Key words: *European Union, humanitarian aid, European Commission, civil protection and population*

Abstrakt. *Každý z 28 členských štátov EÚ poskytuje humanitárnu pomoc na bilaterálnej úrovni. Európska komisia poskytuje navyše humanitárnu pomoc financovanú z rozpočtu EÚ (ktorú tiež financujú členské štáty). Vlády poskytli na celom svete humanitárnu pomoc vo výške viac ako 25 miliárd USD. Viac ako jedna tretina tejto pomoci pochádza z EÚ, z toho viac ako dve tretiny poskytli členské štáty na bilaterálnej úrovni. Tým sa potvrdzuje pozícia EÚ ako najväčšieho poskytovateľa humanitárnej pomoci na svete. Podstatou humanitárnej pomoci je prejav solidarity s ľuďmi v núdzi prostredníctvom pomoci, podpory a záchranných operácií. Tie majú pomôcť ľuďom bez ohľadu na etnický pôvod, náboženské vyznanie alebo politické presvedčenie.*

Kľúčové slová: *Európska únia, humanitárna pomoc, Európska komisia, civilná ochrana a obyvateľstvo*

Úrad humanitárnej pomoci Európskej komisie (angl. *European Commission Humanitarian Office*, skratka ECHO) je organizácia založená v roku 1992, aby pomáhala koordinovať humanitárnu pomoc zo zdrojov Európskej únie a jej členských štátov. Poskytuje pomoc ľuďom v núdzi bez ohľadu na rasu, náboženstvo, farbu pleti. Projekty financované týmto úradom každý rok pomáhajú viac než 120 miliónom ľudí v 90 rôznych krajinách. ECHO pre svoje humanitárne zásahy nerealizuje priame programy pomoci, ale financuje operácie prostredníctvom siete viac ako 200 partnerov (nevládne organizácie, agentúry OSN a medzinárodné organizácie ako hnutie Červeného kríža (Červeného polmesiaca). Pobočky ECHO poskytujú analýzy aktuálnych potrieb i predpovede budúcich potrieb v danej krajine či regióne, prispievajú k vývoju stratégií zásahov a rozvoju politiky, poskytujú technickú podporu operáciám financovaným ECHO, zabezpečujú dostatočnú kontrolu týchto zásahov a uľahčujú koordináciu jednotlivých darcov v teréne. Okrem financovania humanitárnej pomoci zodpovedá ECHO navyše za mechanizmus civilnej ochrany EÚ. Tento mechanizmus vznikol v roku 2001 a podporuje spoluprácu národných orgánov pre oblasť civilnej ochrany z celej Európy. V súčasnosti sa mechanizmu zúčastňuje 31 štátov; všetkých 28 členských štátov EÚ a ďalej Island, Nórsko a Severné Macedónsko.

Humanitárna pomoc – reakcia na nepredvídateľnú, mimoriadnu udalosť v stave núdze a v tiesni

Podľa Európskeho konsenzu Rady Európskej únie chápeme humanitárnu pomoc najmä ako pomoc v stave núdze a v tiesni, ktorá je reakciou na mimoriadnu udalosť, ktorú nemožno predvídať. Spravidla je krátkodobá. Podstatou humanitárnej pomoci je prejav solidarity s ľuďmi v núdzi prostredníctvom pomoci, podpory a záchranných operácií. Tie majú pomôcť ľuďom bez ohľadu na etnický pôvod, náboženské vyznanie alebo politické presvedčenie. Pomoc smeruje predovšetkým k tým najzraniteľnejším obyvateľom rozvojových krajín, obetiam prírodných katastrof, kríz spôsobených človekom, pri stave nedostatku potravín alebo iných núdzových situácií. Núdzovou situáciou je stav vytvorený mimoriadnou udalosťou, ktorý krajina nedokáže zvládnuť z vlastných zdrojov, pričom ľudia v tejto situácii trpia alebo prichádzajú o dôstojnosť.

Humanitárna pomoc poskytovaná EÚ a jej členskými štátmi sa zakladá na štyroch medzinárodných humanitárnych zásadách, ktoré sú zakotvené aj v Európskom konsenze o humanitárnej pomoci z roku 2007. Partneri EÚ v oblasti humanitárnej pomoci sa musia riadiť týmito základnými humanitárnymi zásadami, o ktoré sa musia opierať všetky ich činnosti:

- ✓ **ľudskosť** - na utrpenie ľudí sa musí reagovať vždy, osobitne však v prípade tých najzraniteľnejších;
- ✓ **neutralita** - pri poskytovaní pomoci sa nesmie uprednostňovať žiadna časť obyvateľstva;
- ✓ **nestrannosť** - pomoc sa musí poskytovať výlučne na základe potrieb, bez diskriminácie;
- ✓ **nezávislosť** - jediným cieľom humanitárnej pomoci je zmierniť ľudské utrpenie; nemôže slúžiť na politické, ekonomické alebo vojenské ciele.

Ak by humanitárne organizácie neboli nestranné, neutrálne a nezávislé a boli by vnímané len ako pomoc „druhej strane“, čelili by ešte väčšiemu riziku, že sa stanú cieľom v ozbrojenom konflikte alebo že im bude znemožnený prístup k ľuďom v núdzi. Preto je dôležité vysvetliť všetkým stranám konfliktu, že pomoc sa poskytuje v plnom súlade s humanitárnymi zásadami. Humanitárna pomoc môže mať prvky krátkodobej pomoci zameranej na to, aby sa umožnil príchod pomoci, predišlo sa zhoršeniu dopadu krízy a začalo sa pomáhať tým, ktorí sú krízou postihnutí. Dodržiavanie týchto zásad má kľúčový význam nielen ako prejav solidarity so všetkými ľuďmi, ktorí čelia utrpeniu a ničeniu, ale aj pre zabezpečenie dodávok humanitárnej pomoci a ochranu humanitárnych pracovníkov. Humanitárnou pomocou je aj preventívne a pohotovostné programy, najmä v osobitne rizikových oblastiach, a to formou zriadenia účinnej inštitucionálnej pomoci, posilnením systémov včasného varovania a iných opatrení na ochranu obyvateľstva. Pokračovaním humanitárnej pomoci je v prípade potreby pomoc pri obnove - tzv. rehabilitačná t. j. post-humanitárna pomoc. Tá zahŕňa širokú škálu ozdravných a rekonštrukčných prác, ktoré môžu slúžiť na prípravu a tvorbu rozvojového programu.

Základnými predpokladmi pre poskytovanie humanitárnej pomoci sú:

- adresnosť a celkový dopad poskytnutej pomoci, t. j. jej aktuálna potreba, rýchlosť, vhodný obsah v závislosti na potrebách postihnutého obyvateľstva;
- účinnosť využitia dostupných zdrojov;
- primeranosť finančných a technických prostriedkov i ľudských zdrojov;
- využitie medzinárodnej koordinácie pomoci;
- koordinácia s ďalšími humanitárnymi organizáciami.

Poskytovaním humanitárnej pomoci sa EÚ a jej členské štáty usilujú o záchranu životov a zmiernenie ľudského utrpenia spôsobeného vojnami, konfliktmi, prírodnými katastrofami a inými krízovými situáciami. Podľa Organizácie Spojených národov v súčasnosti bude potrebovať humanitárnu pomoc viac ako 95 miliónov ľudí na celom svete - od sýrskych vojnových utečencov po obete sexuálneho násillia v ozbrojených konfliktoch, od osôb postihnutých ebolou v západnej Afrike po obyvateľov ostrovov zasiahnutých tropickými búrkami. Je samozrejmé, že za ochranu svojich občanov zodpovedá každý štát. EÚ a jej členské štáty sa snažia pomôcť ľuďom v núdzi, ktorým nie je schopná alebo ochotná pomôcť ich vlastná vláda. Rôzne reakcie na ozbrojený konflikt alebo prírodnú katastrofu, EÚ a jej členské štáty financujú partnerské humanitárne organizácie, ktoré poskytujú pomoc na mieste. Medzi takéto organizácie patria napr. agentúry Organizácie Spojených národov a medzinárodné organizácie. Tieto organizácie neposkytujú pomoc prostredníctvom vlád, ale priamo ľuďom v núdzi, často prostredníctvom financovania miestnych partnerských organizácií. EÚ a jej členské štáty poskytujú v závislosti od osobitných potrieb a charakteru každej krízy:

- *materiálnu pomoc* (potraviny, oblečenie, lieky, prístrešie, vodu, sanitáciu atď.);
- *technickú a logistickú pomoc*;
- *financovanie infraštruktúry a personálu* (utečeneckých táborov, poľných nemocníc atď.);
- *hotovosť alebo poukazy, ktoré možno vymeniť za potraviny alebo iné položky*.

Európska komisia spustila prvú zo šiestich cien Európskej inovačnej rady (European Innovation Council, ďalej len EIC), ktorej cieľom je vyvinúť inovatívne riešenia na poskytovanie humanitárnej pomoci, ktoré sú založené *na aplikácií vyspelých technológií*. Európska únia a jej členské štáty sú významnými humanitárnymi darcami. Humanitárne krízy a katastrofy sa za posledných 25 rokov výrazne zväčšili v počte, komplexnosti a závažnosti. Zavedenie inovatívnych riešení na poskytovanie humanitárnej pomoci má potenciál zlepšiť humanitárnu reakciu, čo je obzvlášť dôležité pre tých, ktorí sa nachádzajú v najzraniteľnejšej situácii. „EIC Horizon Prizes“ sú súčasťou pilotného projektu EIC pre roky 2018-2020 v rámci rámcového programu EÚ Horizont 2020. Ocenenie za cenovo dostupné, vysoko technologické a inovatívne riešenia pre humanitárnu pomoc odmení tie najlepšie, osvedčené, nákladovo efektívne a technologicky orientované riešenia pre humanitárnu pomoc. Výhra v hodnote 5 miliónov EUR bude rozdelená do piatich nasledovných kategórií:

- energia; zdravotná a lekárska starostlivosť;
- voda, hygiena a sanitácia;
- prístrešia a súvisiaca pomoc;
- a „otvorená“ kategória.

EÚ a jej členské štáty sa zaslúžili o obrat v medzinárodnej reakcii na epidémiu a o pokrok pri plnení cieľa, ktorým je „nulový počet prípadov eboly“. Rozhodujúcu úlohu zohrali značné finančné príspevky na medzinárodnú reakciu pod vedením OSN. Členské štáty okrem toho vyslali zdravotnícky personál, epidemiológov a civilný a vojenský personál do Guiney, Sierry Leone a Libérie a poskytli logistickú a materiálnu pomoc. Prostredníctvom mechanizmu EÚ v oblasti civilnej ochrany bola poskytnutá podpora pre viac ako 100 humanitárnych letov uskutočnených členskými štátmi. Jedenásť členských štátov spojilo svoje sily a v spolupráci s Európskou komisiou prepravilo do Afriky na palube holandskej námornej lode Karel Doorman niekoľko stoviek kontajnerov, vozidiel a viac ako 1 000 paliet dodávok pomoci. Spojené kráľovstvo viedlo koordináciu pomoci v Sierre Leone a Francúzsko v Guinei. Švédsko zriadilo základňu pre medzinárodných zdravotníckych pracovníkov v hlavnom meste Libérie, Monrovii. Taliansko poskytlo mobilné laboratórium na

analýzu vzoriek z prípadov podozrivých na ebolu. Nemecko vyvinulo a použilo evakuačné lietadlo s intenzívnou starostlivosťou o vysoko infekčných pacientov nakazených ebolou na palube. Európska rada v záujme ďalšieho posilnenia reakcie EÚ vymenovala komisára pre humanitárnu pomoc a krízové riadenie Christosa Stylianidesa za koordinátora EÚ pre boj s ebolou.

EÚ a jej členské štáty reagovali na najväčšiu svetovú humanitárnu krízu od čias druhej svetovej vojny. Zmobilizovali finančné prostriedky vyše 4 miliardy EUR núdzovej pomoci a pomoci pri obnove pre milióny Sýrčanov v ich krajine a takmer 4 milióny sýrskych utečencov a ich hostiteľské komunity v Libanone, Jordánsku, Iraku, Turecku a Egypte. Na kuvajtskej konferencii darcov sa členské štáty EÚ a Európska komisia zaviazali poskytnúť ďalšie prostriedky na humanitárnu a rozvojovú pomoc.

Konečný termín pre predkladanie žiadostí o podporu je 15. január 2020. *Ocenenia „EIC Horizon Prizes“ sú mimoriadne ambiciózne, pretože sa očakáva, že prinesú inovácie v oblastiach, v ktorých je potrebné vyriešiť dôležité spoločenské problémy.*

Politika Európskej únie v oblasti humanitárnej pomoci a civilnej ochrany

Správy o ozbrojených konfliktoch a katastrofách plnia týždeň čo týždeň titulné stránky novín a televízne obrazovky. EÚ sa snaží pomôcť ľuďom v núdzi čo najrýchlejšie. Európska únia poskytuje prostredníctvom Generálneho riaditeľstva Európskej komisie pre humanitárnu pomoc a civilnú ochranu (ECHO) pomoc obetiam konfliktov a katastrof po celom svete a je aktívna aj v oblasti prevencie humanitárnych kríz. Toto úsilie je základom všetkých jej humanitárnych a núdzových činností. V súlade so základnými hodnotami EÚ (solidarita, rešpektovanie ľudskej dôstojnosti, rovnosť a tolerancia) Únia pomáha zachraňovať ľudské životy, znižovať ľudské utrpenie a predchádzať mu, ako aj ochraňovať dôstojnosť ľudí, ktorí sa ocitli v krízovej situácii. Európska únia je prítomná vo všetkých krízových oblastiach sveta, vrátane Sýrie, Afganistanu, Palestíny, sahelskej oblasti a mnohých ďalších častí Afriky, strednej a južnej Ameriky a juhovýchodnej Ázie. EÚ sa podieľa aj na operáciách na zníženie následkov dlhodobých „zabudnutých“ kríz a povojnovej nestability. Pomoc pre najzraniteľnejších ľudí je morálnou povinnosťou medzinárodného spoločenstva a Európska komisia sa zaviazala, že bude dlhodobo

pomáhať obetiam takýchto kríz. Generálne riaditeľstvo pre humanitárnu pomoc a civilnú ochranu (ECHO) poskytuje pomoc určenú na:

- zníženie rizika katastrof, napríklad prostredníctvom stratégií zmierňujúcich negatívne dosahy zmien klímy;
- zlepšenie pripravenosti na katastrofy (napríklad vytvorením systémov včasného varovania);
- zabezpečenie hladkého prechodu po ukončení núdzových operácií mapovaním vhodných stratégií ukončenia činnosti;
- posilnenie celkovej odolnosti populácie (napríklad prepojením núdzovej pomoci s dlhodobými nástrojmi obnovy a rozvoja).

Mechanizmus civilnej ochrany EÚ bol vytvorený s cieľom pomôcť krajinám pri prevencii katastrof, príprave na núdzové situácie a pri zdieľaní zdrojov, ktoré sa môžu ponúknuť krajinám postihnutým katastrofou. Zatiaľ čo humanitárna pomoc EÚ sa zameriava na krajiny, ktoré nie sú členmi EÚ, mechanizmus civilnej ochrany možno použiť v núdzových prípadoch nielen v EÚ, ale aj mimo nej. Je to nástroj, ktorý zlepšuje európsku spoluprácu v oblasti civilnej ochrany. Slúži na podporu úsilia členských štátov na vnútroštátnej, regionálnej a miestnej úrovni a poskytuje účinné nástroje prevencie, prípravy a reakcie na prírodné katastrofy a katastrofy spôsobené ľudskou činnosťou. Činnosti Európskej komisie nie sú obmedzené len na odstraňovanie okamžitých následkov. Pokrývajú celý cyklus katastrofy – od prevencie cez pripravenosť až po reakciu a obnovu. Ak chceme obstať zoči-voči novým globálnym hrozbám, musíme existujúci rámec pomoci neustále prispôbovať novým podmienkam. Preto v roku 2010 EÚ preniesla svoju humanitárnu pomoc a civilnú ochranu pod jednu strechu. V tom istom roku bola Kristalina Georgieva vymenovaná za prvú špeciálnu európsku komisárku pre medzinárodnú spoluprácu, humanitárnu pomoc a krízové opatrenia. Tento nový rámec umožňuje EÚ lepšie koordinovať svoju reakciu a efektívnejšie využívať zdroje.

Zodpovednosť za poskytovanie humanitárnej pomoci nesú spoločne EÚ a jej členské štáty a pomoc sa poskytuje v spolupráci s medzinárodnými a miestnymi aktérmi. V oblasti civilnej ochrany je Únia zodpovedná za podporu, koordináciu a

dopĺňanie činností členských krajín EÚ. Európska únia tak má vďaka svojej koordinačnej úlohe širší pohľad a môže zjednotiť spoločné zdroje a know-how. Preto sa podarilo zvýšiť pozitívny dosah poskytovanej pomoci a zabezpečiť, že všetky krízové operácie spĺňajú prísne normy kvality. Aby bolo možné riešiť dlhodobé dosahy katastrof a posilniť prevenciu a pripravenosť, humanitárna a krízová pomoc musia ísť ruka v ruke s činnosťami v iných oblastiach, akými sú napríklad rozvojová spolupráca a ochrana životného prostredia. Preto je koordinácia na úrovni EÚ nevyhnutná. Súčasne treba posilniť odolnosť zraniteľných skupín obyvateľstva a potrebujeme dlhodobú politiku, ktorá pomôže zvýšiť odolnosť skupín obyvateľstva v rozvojových krajinách tak, aby mohli lepšie čeliť a reagovať na katastrofy.

Posilňovanie odolnosti leží na križovatke humanitárnej a rozvojovej pomoci. Preto Európska komisia predložila Európskemu parlamentu a Rade návrh novej politiky, ktorá sa zameriava na zvýšenie odolnosti osôb postihnutých katastrofami prostredníctvom zmeny rozvojovej a humanitárnej pomoci EÚ. V tomto návrhu sa uvádza desať krokov, ktoré zahŕňajú podporu pre navrhovanie národných stratégií, plánov krízového manažmentu a efektívnych systémov včasného varovania v rizikových krajinách a zavádzanie inovačných prístupov v oblasti riadenia rizík (v spolupráci s poisťovňami).

Táto politika je založená na sľubných výsledkoch, ktoré Komisia v rámci svojej humanitárnej činnosti dosiahla v oblasti posilnenia odolnosti v suchom postihnutej oblasti Sahelu a Afrického rohu. Tieto iniciatívy (AGIR-Sahel a SHARE) majú za cieľ prerušiť začarovaný kruh sucha, hladu a chudoby prostredníctvom identifikácie možných synergií a zlepšenia koordinácie humanitárnej a rozvojovej pomoci.

Opatrenia Európskej komisie v oblasti posilnenia odolnosti obyvateľstva rizikových krajín tak pomôžu zachrániť viac ľudských životov aj v časoch obmedzených finančných prostriedkov a prispejú k zníženiu chudoby. Výsledným efektom bude účinnejšia humanitárna pomoc a zvýšená podpora udržateľného rozvoja.

Rozsah a frekvencia núdzových humanitárnych situácií vyskytujúcich sa vo svete každý rok rastie. Rastúci počet prírodných katastrof, zmena klímy,

demografický rast zvyšujúci tlak na prírodné zdroje, urbanizácia, priemyselné činnosti a zhoršujúci sa stav životného prostredia sú hlavnými príčinami tohto javu. Medzi ďalšie faktory patrí zvyšujúci sa počet štátov, ktoré sú vystavené riziku nestability a občianskym konfliktom, a pretrvávajúca hrozba teroristických útokov. Únia reaguje na konkrétne potreby tým, že má účinné stratégie na to, aby peniaze európskych daňových poplatníkov rozumne a efektívne využila na pomoc tým ľuďom, ktorí ju najviac potrebujú. Aby sa zabezpečilo, že pomoc sa poskytne na správnom mieste a čase, EÚ pred prijatím rozhodnutia o financovaní každú konkrétnu situáciu analyzuje, aby zistila, aký typ humanitárnej pomoci a v akom rozsahu je potrebný. Na tento účel sa vytvorili rôzne nástroje a stanovili sa hodnotiace kritéria na posúdenie rozsahu potrebného humanitárneho zásahu. Hodnotí sa rozsah katastrofy a situácia postihnutých krajín a regiónov. EÚ venuje osobitnú pozornosť tým krízovým situáciám, u ktorých hrozí, že sa dostanú mimo pozornosti medzinárodných darcov napriek tomu, že potreba pomoci zostáva naďalej akútna. Na identifikáciu takýchto „zabudnutých“ kríz sa vykonávajú špecifické hodnotenia.

Humanitárna pomoc a civilná ochrana sa takmer vždy poskytujú za extrémnych okolností. Pomoc, ktorá sa ľuďom musí doručiť v čo najkratšom možnom čase, musí byť prispôbena ich špecifickým potrebám. Prístup k postihnutým oblastiam však často komplikujú logistické a bezpečnostné obmedzenia. EÚ zaviedla niekoľko monitorovacích a koordinačných štruktúr, ktoré plnia tieto zložité úlohy. Vytvorila celosvetovú sieť špecializovaných miestnych humanitárnych kancelárií, ktoré v krízových situáciách poskytujú technickú pomoc pre operácie financované z prostriedkov EÚ, monitorujú činnosť, pomáhajú na miestnej úrovni pri koordinácii darcov a prispievajú k intervenčným stratégiám a politikám. Skôr ako priame zásahy na mieste je základom humanitárnej pomoci Únie spolupráca – EÚ financuje približne 200 partnerov vrátane špecializovaných agentúr OSN, mimovládnych organizácií alebo agentúr a organizácií krajín EÚ (napr. Medzinárodný výbor Červeného kríža, Medzinárodná federácia Červeného kríža a Červeného polmesiaca). Financovanie týchto partnerov sa zakladá na posúdení ich návrhov na realizáciu pomoci. EÚ zaviedla rôzne mechanizmy na zabezpečenie toho, aby sa jej finančné

prostriedky koordinovali s priamou finančnou pomocou členských štátov a medzinárodných darcov.

V závislosti od druhu a okolností udalosti môže mať humanitárna pomoc financovaná z prostriedkov EÚ rôzne formy.

Potravinová pomoc zahŕňa poskytovanie potravín, hotovosti alebo poukázok, špeciálnej detskej potravy pre akútne podvyživené deti alebo semien a hnojív pre poľnohospodárov v krízových oblastiach.

Lekárska pomoc zahŕňa napríklad očkovacie kampane na prevenciu epidémií, ošetrovanie zranených a vytvorenie kliník primárnej zdravotnej starostlivosti. Medzi ostatné formy pomoci patrí poskytovanie liekov, školenie personálu a základná zdravotná starostlivosť s dôrazom na zraniteľné osoby, akými sú tehotné ženy a deti.

Voda a sanitácia sú v oblastiach postihnutých katastrofou prioritou, pretože bez čistej vody a sanitačných zariadení sa choroby rozširujú. Ide napríklad o vŕtanie studní, vybudovanie latrín, kanalizáciu, čistenie odpadových vôd a vzdelávanie v oblasti hygieny.

Ľudia, ktorých obydlia boli zničené, dostanú stany alebo iné prístrešia. Núdzové operácie môžu zahŕňať aj opravu infraštruktúry, odmiňovanie, psychologickú podporu a vzdelávanie. Mnoho činností má pripraviť miestnych obyvateľov na zvládnutie možných budúcich katastrof a na zmiernenie ich dosahov na život komunity. EÚ zabezpečuje núdzovú pomoc pre utečencov a osoby vysídlené v rámci krajiny.

Význam koordinácie humanitárnej pomoci v rámci celej EÚ

Členské štáty EÚ a Európska komisia sa snažia zabezpečiť, aby sa ich humanitárne činnosti navzájom dopĺňali a posilňovali a aby podporovali celkovú reakciu na krízu pod vedením Organizácie Spojených národov (UN-OCHA). Na túto koordináciu dohliada *pracovná skupina Rady pre humanitárnu a potravinovú pomoc (COHAFA)*, ktorej predsedá členský štát predsedajúci Rade. Pracovná skupina tiež koordinuje presadzovanie humanitárnych činností EÚ a podporuje činnosti zamerané na nachádzanie lepších spôsobov ochrany zraniteľných skupín, využitie súčinnosti s orgánmi civilnej ochrany, posilnenie odolnosti krajín ohrozovaných krízami a uľahčenie prechodu od núdzovej pomoci k dlhodobej rozvojovej pomoci.

Globálne posilnenie pripravenosti na katastrofy predstavuje *program DIPECHO*. Ak nie je možné odhadnúť riziká a predísť katastrofám, zlepšenie pripravenosti obyvateľstva a vytvorenie vhodných mechanizmov reakcie môže často obmedziť straty na životoch a majetku. Práve toto je cieľom programu pripravenosti DIPECHO, ktorý je zameraný na odbornú prípravu, budovanie kapacít, zvyšovania informovanosti, budovanie alebo zlepšovanie miestnych systémov včasného varovania a vytváranie núdzových plánov. Ide sčasti aj o jednoduché prípravné opatrenia, ktoré môžu vykonávať sami miestni obyvatelia. Tí sa vo väčšine prípadov aktívne podieľajú na činnostiach programu DIPECHO. Projekty realizujú európske agentúry a agentúry OSN v spolupráci s miestnymi mimovládnyimi organizáciami a orgánmi. DIPECHO sa zameriava na osem regiónov ohrozovaných katastrofami: karibskú oblasť, strednú Ameriku, južnú Ameriku, strednú Áziu, južnú Áziu, juhovýchodnú Áziu, juhovýchodnú Afriku, juhozápad Indického oceánu a tichomorskú oblasť.

Uvedieme hlavné činnosti a výsledky politík Únie v oblasti humanitárnej pomoci, realizovaných a podporovaných prostredníctvom Európskej komisie.

- Posledné dva roky boli pre činnosť Komisie v oblasti humanitárnej pomoci náročný. Z dôvodu spolupôsobenia pretrvávajúcich konfliktov, ktoré nevykazujú žiadne znaky zmiernovania, vplyvu zmeny klímy a rastu počtu obyvateľov potreby v oblasti humanitárnej pomoci naďalej rástli, a to nielen v bezprostrednom susedstve Európy.

- V prípade najzávažnejších kríz veľkého rozsahu sa situácia nezlepšila vôbec alebo len málo, pričom 27 % ľudí v núdzi sa sústredilo iba v troch krízových oblastiach: v Jemene, Sýrii a Iraku. Konflikt v Sýrii vyvolal najhoršiu humanitárnu krízu našich čias, vyžiadal si státisíce ľudských životov, spôsobil vysídlenie vyše 11 miliónov ľudí a na pomoc ich ostalo odkázaných takmer 19 miliónov.

- Komisia pridělila vyše 1,548 miliardy EUR z finančných prostriedkov EÚ na humanitárnu pomoc v 94 krajinách. Značná časť tejto pomoci bola poskytnutá obyvateľom v Sýrii postihnutým konfliktom a utečencom v susedných krajinách a regiónoch. EÚ ostala hlavným darcom aj v iných častiach sveta, pričom veľký podiel

z finančných prostriedkov sa naďalej vynakladal v Afrike.

- Ústredným cieľom Komisie ako darcu ostáva aj naďalej podpora zásadovej humanitárnej pomoci a dodržiavanie medzinárodného humanitného práva a v tejto súvislosti je vhodné spomenúť Európsky konsenzus o humanitárnej pomoci, ktorého najväčšia možná aktuálnosť sa opätovne potvrdila na podujatí v Európskom parlamente za účasti komisára Stylianidesa. Komisia navyše prevzala vedenie iniciatívy „Výzva k akcii na ochranu pred rodovo motivovaným násilím v núdzových situáciách“ a táto téma ostane aj naďalej hlavnou prioritou Komisie.

- V súlade s tzv. veľkou dohodou (the Grand Bargain) uzavretou v roku 2016 na Svetovom humanitárnom samite medzi darcami a operačnými agentúrami sa Komisia naďalej snažila zlepšiť účinnosť a hodnotu za peniaze v rámci financovania humanitárnej pomoci. Komisia pokračovala v činnostiach na budovanie odolnosti ako kľúčovej reakcii na „nový normál“ krízy a nestability v mnohých častiach sveta a dosiahla značný pokrok v uvádzaní prepojenia medzi humanitárnou oblasťou a rozvojom do praxe.

- V snahe maximalizovať vplyv humanitárnej pomoci sa Komisia zamerala predovšetkým na podporu inovácie a digitalizácie. V tejto súvislosti Komisia spustila v novembri 2017 projekt „Horizon Prize on Affordable High-Tech for Humanitarian Aid“ (cena Horizont za cenovo dostupné a vyspelé technológie pre humanitárnu pomoc) Európskej rady pre inováciu, ktorého cieľom je plne využiť potenciál výskumu a inovácií pri riešení krízových a núdzových situácií.

- Vzdelávanie v núdzových situáciách viac než kedykoľvek predtým ostáva jadrom politiky Komisie, ktorá vyčlenila na vzdelávanie v núdzových situáciách 6 % rozpočtu na humanitárnu pomoc.

V súlade so svojím záväzkom podporovať hotovosť ako spôsob poskytovania pomoci, kedykoľvek to bude možné, Komisia podporuje používanie hotovosti vo svojich humanitárnych programoch po celom svete a pokračuje vo vykonávaní inovatívneho programu známeho ako núdzová záchranná sociálna sieť (ESSN) pre utečencov v Turecku. EÚ už presiahla pôvodný cieľ pomôcť až jednému miliónu najzraniteľnejších utečencov v Turecku prostredníctvom pravidelných prídeltov

hotovosti. Od septembra 2018 podporuje ESSN približne 1,4 milióna utečencov.

Je nevyhnutné, aby sa prostredníctvom mechanizmov reakcie na núdzové situácie dali riešiť problémy čoraz zraniteľnejšieho sveta. EÚ sa v súčasnosti usiluje o vytvorenie systému, ktorý by bol spoľahlivejší a umožňoval by lepšie predvídať možné katastrofy. Plánovaná iniciatíva s názvom „*Európska kapacita reakcie*“ by zvýšila efektívnosť a jednotnosť činností EÚ prostredníctvom predbežného plánovania. Navyše je potrebné zlepšiť prevenciu katastrof a riadenie rizík. V praxi to znamená, že by sa vďaka tejto iniciatíve v prípade krízy mohli okamžite nasadiť špecializované tímy a vybavenie zo spoločných dobrovoľne poskytnutých zdrojov. Iniciatíva sa navyše zameriava aj na zefektívnenie dopravy, čím sa zrýchli doručenie pomoci. Plánovanie reakcie na katastrofy je potrebné zlepšiť prostredníctvom referenčných scenárov, mapovania kapacít členských štátov a núdzových plánov. Medzi ďalšie pripravované kroky patrí zvýšenie investícií do spoločnej odbornej prípravy a cezhraničných cvičení, ako aj vypracovanie celoeurópskeho prehľadu možného výskytu katastrof.

Na riadenie nového systému chce Únia vytvoriť Európske stredisko reakcie na núdzové situácie, ktoré by malo prispieť ku zvýšeniu koordinácie v núdzových prípadoch. Toto centrum bude poskytovať nepretržitú službu, aby mala Únia k dispozícii konštantný tok informácií.

V rámci diskusie o budúcom financovaní Únie sa EÚ snaží nájsť spôsoby, ako konzistentnejšie začleniť pripravenosť a prechod od humanitárnej pomoci k rozvojovej pomoci do svojej rozvojovej politiky. *Z rozpočtu EÚ na obdobie rokov 2014 - 2020 sa podporujú hlavne opatrenia zamerané na urýchlenie reakcie, zvýšenie predvídateľnosti núdzových situácií a zlepšenie prechodu na rozvojové opatrenia v dlhodobom horizonte po katastrofe.*

Význam Európskeho dobrovoľníckeho zboru pre humanitárnu pomoc

Dobrovoľnícky zbor Európanom umožňuje zapojiť sa do realizácie humanitárnych operácií. Dobrovoľníci zboru EÚ, ktorý vznikol na základe Lisabonskej zmluvy, je skutočným prínosom v oblasti poskytovania humanitárnej pomoci a doplnkom existujúcich schém.

Komisia predstavila plány, ktoré počas rokov 2014 - 2020 umožnia až 10 000

ľuďom vykonávať dobrovoľnícku činnosť v rámci humanitárnych operácií na celom svete. Účastníkmi programu môžu byť buď mladí ľuďí, ktorí chcú pracovať v oblasti poskytovania núdzovej pomoci alebo experti na humanitárnu pomoc. Zbor dobrovoľníkov zabezpečí, že dobrovoľníci sa dostanú tam, kde sú ich zručnosti najviac potrebné a kde prispievajú k posilneniu miestnych kapacít a miestnej dobrovoľníckej činnosti. Bezpečnosť dobrovoľníkov je najvyššou prioritou.

V rámci prvej série pilotných projektov bolo do viac ako 30 krajín (napr. Indonézie, Mozambiku, Tadžikistanu a na Haiti) vyslaných vyše 200 Európanov. Dobrovoľníci pred svojím odchodom absolvujú odbornú prípravu, ktorá pozostáva z teoretických a praktických školení. Program sa v nasledujúcich rokoch bude ďalej rozvíjať a má potenciál vychovať ďalšiu generáciu lídrov v oblasti humanitárnej pomoci a umožní mladým Európanom, aby preukázali svoju solidaritu s ľuďmi v núdzi.

Špeciálny prieskum Eurobarometer v oblasti humanitárnej pomoci za posledné dva roky ukázal, že občania v Európe vykazujú vysokú mieru solidarity s obeťami konfliktov a prírodných pohrôm za hranicami. 9 z 10 občanov si myslelo, že „je podstatné, že EÚ financuje humanitárnu pomoc za svojimi hranicami“ a 8 z 10 sa domnievalo, že „koordinovaná akcia civilnej ochrany EÚ je účinnejší než individuálne akcie jednotlivých štátov“.

Európska únia poskytuje pomoc krajinám a obyvateľstvu v Európe i mimo nej pri veľkých katastrofách alebo humanitárnych krízach Táto pomoc predstavuje 1 % celkového ročného rozpočtu EÚ – približne 4 EUR na občana EÚ. Činnosť EÚ v tejto oblasti sa riadi zásadami ľudskosti, neutrality, nestrannosti a nezávislosti. Pomoc sa poskytuje prostredníctvom viac než 200 medzinárodných a miestnych partnerských organizácií a agentúr a s podporou tisícov európskych dobrovoľníkov. Každý európsky občan alebo osoba s dlhodobým pobytom v členskom štáte EÚ sa môže zapojiť do dobrovoľníckeho programu na účely poskytovania pomoci EÚ. Prostredníctvom mechanizmu EÚ v oblasti civilnej ochrany zohráva EÚ spolu s niekoľkými ďalšími európskymi krajinami kľúčovú úlohu pri koordinácii reakcií na krízy v Európe a vo svete. Existujúce a potenciálne krízy sa neustále monitorujú a zúčastnené krajiny spolupracujú aj v oblasti hodnotenia rizík, predchádzania

katastrofám, pripravenosti a plánovania opatrení. Núdzová pomoc sa môže poskytovať vo forme materiálnej pomoci, ako sú potraviny, prístrešie alebo vybavenie, alebo môže spočívať vo vyslaní špeciálne vybavených tímov či v hodnotiacich a koordinačných činnostiach expertov vyslaných do terénu. Tímy núdzovej pomoci, experti a vybavenie, ktoré poskytl zúčastnené krajiny, sú neustále v pohotovosti, aby EÚ mohla rýchle reagovať na krízy na celom svete. Komisia zabezpečuje rýchle a účinné poskytovanie pomoci EÚ prostredníctvom dvoch hlavných nástrojov: humanitárnej pomoci a civilnej ochrany. Každý rok sa humanitárna pomoc dostane k viac ako 120 miliónom obetí konfliktov a katastrof. Zabezpečuje záchranu a ochranu života, predchádzanie ľudskému utrpeniu a jeho zmierňovanie, ochrana integrity a ľudskej dôstojnosti osôb postihnutých prírodnými katastrofami alebo krízami spôsobenými ľudskou činnosťou.

EÚ zabezpečuje núdzová pomoc pre utečencov a osoby vysídlené v rámci krajiny. Rozsah a frekvencia núdzových humanitárnych situácií vyskytujúcich sa vo svete každý rok rastie. Len počet prírodných katastrof sa neustále zvyšuje. Zmena klímy, demografický rast zvyšujúci tlak na prírodné zdroje, urbanizácia, priemyselné činnosti a zhoršujúci sa stav životného prostredia sú hlavnými príčinami tohto javu. Medzi ďalšie faktory patrí zvyšujúci sa počet štátov, ktoré sú vystavené riziku nestability a občianskym konfliktom a pretrvávajúca hrozba teroristických útokov.

Na záver je potrebné vysloviť otázku, ak je EÚ najväčším poskytovateľom humanitárnej pomoci na svete, či je poskytovanie pomoci nevinným obetiam morálnou povinnosťou EÚ a jej členských štátov s dopadom na jej všetkých obyvateľov alebo sa konflikty v konečnom dôsledku musia vyriešiť na politickej úrovni?

Acknowledgement:

This contribution is the result of the project VEGA (1/0215/18) *Finančná pozícia sektora domácností vo väzbe k rodovo citlivému rozpočtovaniu a sociálnej nerovnosti*.

As well as the project VEGA (1/0239/19) *Implikácie behaviorálnej ekonómie pre zefektívnenie fungovania súčasných ekonomík*.

References:

1. Európsky dvor audítorov: Reakcia EÚ na utečeneckú krízu. Prístup založený na hotspotoch. Osobitná správa č. 06, 2017 Finančné informácie o činnosti Európskej komisie v oblasti humanitárnej pomoci v roku 2017: https://publications.europa.eu/sk/publication-detail/-/publication/483a9bfc-77f6-11e7-b2f2-01aa75ed71a1/language-sk?WT.mc_id=Selectedpublications&WT.ria_c=677&WT.ria_f=664&WT.ria_ev=search
2. Generálne riaditeľstvo pre komunikáciu (Európska komisia): EÚ a migračná kríza. (2017).
3. https://publications.europa.eu/sk/publication-detail/-/publication/e9465e4f-b2e4-11e7-837e-01aa75ed71a1/language-sk?WT.mc_id=Selectedpublications&WT.ria_c=677&WT.ria_f=664&WT.ria_ev=search
4. Hodnotiace správy GR ECHO: http://ec.europa.eu/echo/funding-evaluations/evaluations_en
5. Oficiálna rozvojová spolupráca Slovenskej republiky a členského štátu Európskej únie. In: Strategické zameranie zahraničnej a bezpečnostnej politiky SR ako členského štátu EÚ a NATO. <http://www.publikacie.fpvmv.umb.sk/terem/assets/files/Ucebnica-pre-gymnazia-107-112.pdf>
6. Operačné informácie z predchádzajúcich rokov: http://ec.europa.eu/echo/about/annual_reports_en.htm.
7. Rada Európskej únie. HUMANITÁRNA POMOC. Závhrana životov a zmiernenie ľudského utrpenia. <https://www.consilium.europa.eu/media/30120/qc0415260skn.pdf>
8. Smetana M., (2013): Vydanie : 1.vydanie, Jazyk : český, Popis : kniha, 96 str., formát A5, brožovaná väzba, HUMANITÁRNÍ POMOC PŘI ZVLÁDÁNÍ ROZSÁHLÝCH MIMOŘÁDNÝCH UDÁLOSTÍ ISBN 978-80-7385-138-5.
9. Topol'ská A., Žuffa J.: Humanitárna a rozvojová pomoc Slovenskej katolíckej charity 2004-2009. https://www.charita.sk/wp-content/uploads/2018/02/SKCH_humanitarna-pomoc.pdf
10. Údaje o financovaní humanitárnej pomoci Európskou komisiou a členskými štátmi: <https://euaideexplorer.ec.europa.eu>
11. Výročná správa o činnosti za rok 2017, GR ECHO:m https://ec.europa.eu/info/publications/annual-activity-reports-2017_en
12. Všeobecné informácie o GR ECHO: <http://ec.europa.eu/echo/en>
13. Výročná správa o hospodárení a výkonnosti za rok 2016: <https://ec.europa.eu/info/node/10237>

Olga Mohylevska,
PhD in Economics, Associate Professor,
Kyiv international University (Kyiv, Ukraine)
Igor Sidak,
Postgraduate Student,
European University (Kyiv, Ukraine)
Dmitryi Korolyov
Postgraduate Student,
European University (Kyiv, Ukraine)

PROBLEMS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF NATIONAL ECONOMY

Abstract. *The article raises the problem of the formation of an innovative concept of the national economy development. Indeed, in the context of global imbalances and transformation of national economies, there is a need to identify vectors that will ensure the sustainability of the economic system and provide an opportunity to build a national innovative development model based on the integrated use of all possible activators.*

Key words: *innovations, economic system, national economy, government regulation, effectiveness.*

INTRODUCTION

Innovations in a national economy are key concepts of development. This is proved by world practice, which shows that economic actors that are able to innovate show higher rates of economic growth. At the level of national economy, this manifests itself in higher rates of GDP growth, the improvement of the quality of the socio-economic life of the population, and so on. In a globalized world, they are increasingly trying to create their own system of actions that will foster the emergence and spread of innovation. Countries are developing adaptation mechanisms that can ensure the viability and competitiveness of their own national economic systems. The most effective tool in this process is the transition to an innovative model for the development of national economy, which is envisaged by the development of a national strategy for national development.

The innovative development model is the key mechanism where the system-forming role in the development of national economy belongs to innovation. The basis of modern interpretation of innovations is the dynamic changes in the surrounding economic, political, natural, and ecologic environment, and the main function of innovation in the macroeconomic approach is just the function of change, transition, transformation, and regeneration.

The innovative development of economy is derived from innovation, the former being treated by most scholars as a way of economic growth based on innovation. In this case, there are several conceptual conditions, namely, innovations should be aimed at improving the economic activity of the national system, involve the use of resource factors in the creation of innovative products and the formation of competitive advantages [9].

Oddly enough, innovation is not a discovery of the XXI century. On the contrary, innovation was present throughout the period of existence of mankind. What else explains the fact that the emergence and implementation of novelties, inventions, know-how's, the implementation of innovation in engineering and technology accompany the whole history of mankind, contributing to the growth of labor productivity and the global economy as a whole. The main feature of the modern innovation system that sets it apart from the previous ones is only the speed of their implementation.

The development of world civilization suggests that the phenomenon of "innovation" is considered as a paradigm of national development. Accordingly, by the innovative type of development of national economy one generally means the process of social production, the key characteristic of which is the use of accumulated knowledge and its transformation into innovation. And only afterwards, innovations form the basis for the growth of national economy with an appropriate adaptation to dynamically changing conditions. This process, provided that it is initiated in the strategy of economic growth, involves updating the engineering and technology bases of production, which is related to the reduction of energy and resource intensity, the reduction of the burden on the environment, the growth of labor productivity, the comprehensive development of personality abilities, an increase in motivation for performing creative (including scientific) activities, processes of democratization in society, etc.

The innovative concept for the development of national economy can be implemented through a developed system of relations and institutions that create the necessary conditions for the implementation of scientific and technological progress within the framework of a defined national strategy of national development [2].

From the standpoint of macroeconomic regulation, the innovative concept of the development of national economy should be considered as a concept that contains a set of identified socio-economic priorities, tools, and mechanisms, criteria and indicators of innovation and economic development. The innovative concept of the development of national economy is the foundation of the national innovation policy, the priority of which is orientation towards the development of education, science, research and development, intellectualization of society, etc.

Dynamic processes associated with transformation of strategic priorities promote the formation of an economic environment that is maximally oriented to the use and commercialization of innovations. Thus, the transition to the innovative development of national economy is associated with the modification of innovation priorities in the real sector of the economy, the growth of the level of intellectualization of society and, thirdly, the creation of business centers (clusters) that commercialize innovation.

Macroeconomic possibilities of the transition of national economies to the policy of innovative type of development are determined by the choice of strategy and concept. Quite often, the innovative type of development is treated as investments that stimulate the process of transforming knowledge into competitive products, of transforming scientific research costs into economic profit. It is a question of the fact that, in the context of this type of development, innovation is transformed from an indicator into a paradigm of development, thereby contributing to the transformation of the existing in society way of thinking, worldview, values, motivation and, most importantly, system of management of economic activities of all economic subjects without distinction. Activator of innovation arises at the junction of three areas: the natural one, the organized one, and the heuristic one. Thus, activator of innovation is a process, an information carrier, and a group of people with knowledge about the needs and prospects of future benefits and the benefits of operating innovations that will lead to the growth of national economies.

The main prerequisites that contributed to the transition to the innovative type of development of national economies are the following factors:

- change of principles of competition and mechanisms of obtaining competitive advantages;
- the deepening of the shortage of natural resources and the intensifying of the struggle for limited raw materials, which contributed to the transformation of the paradigm of their use;
- growth of the needs of society along with the strengthening of requirements for economic processes (especially environmental ones);
- aggravation of energy, raw materials, social, industrial, and other problems;
- the increasing of the role of scientific and technological progress in ensuring economic development;
- psychological awareness of the benefits of introducing innovations;
- increase of profitability norm in the production and sales of innovative products; increase of profitability of innovation activity in general [5].

In our opinion, the main signs of the innovative type of economic development are:

- high level of education and science development;
- production of new knowledge;
- development of education;
- introduction of resource-saving technologies;
- reduction of the time lag between the implementation of a scientific discovery and its commercialization;
- combination of science and production;
- increased intellectualization of production and growth of the role of intellectual capital.

The development of the innovative concept of the development of national economy is an objective necessity, since it can: accelerate the rates of productivity growth of factors of production; ensure acceleration of economic growth and socio-economic development; accelerate structural shifts; promote redistribution of resources; improve the quality of life standards; improve the country's status in the global economy; strengthen the national competitiveness, etc.

The pace of transition to the innovative development of economy depends to a large extent on the state, because it is state that is capable of influencing the processes of generating innovations and their commercialization. At the same time, the state is the main subject that is responsible for the innovative offer, finances fundamental research and development, regulates innovation activity, the educational and scientific processes, influences the development of innovation infrastructure, stimulates processes of stimulating innovation, etc.

References:

1. Freeman, C. (2001). As Time Goes By: From the Industrial Revolutions to the Information Revolution. *Cambridge Journal of Economics*, 19, p. 432.
2. Geets, V. (2012). On the unity and contradictions in the development of society, state and economics. *Ukraine economy*, 10, pp. 4-21.
3. Kindzersky, Yu. (2013). Industry of Ukraine: strategy and policy of structural and technological modernization. 536 p.
4. Lukyanenko, D. (2008). The Global Economy of the Twenty-first Century: Human Dimension: Monograph. 460p.
5. Marchenko O. (2012). National Innovation System as an Integrator of Knowledge. 242 p.
6. Sedlyar, M. (2012). Interconnection of knowledge and innovations in the modern economy. *Scientific journal of the National Academy of Sciences of Ukraine. MP Drahomanov Economics and Law*, 18, pp. 61-67.
7. Shtuler, I., Cherlenyak, I., Domyshche-Medyanik, A., Voitovych, S. (2017). Conditions of formations and stimulation of the activators of innovative development of Ukraine. *Problems and Perspectives in Management (PPM)*, 15 (4), pp.150-160.
8. Vovkanych, S. (2011). Modernization of Economics and Society: Axiological, Socio-Humanistic, and Intellectual-Innovative Contexts. *Logistics*. pp. 15-30.
9. Zakharchenko, V. (2012). Innovation Management: Theory and Practice in the Transformation of the Economy: Teach. manual. 448 p.

Cherevko Iryna
Ph.D., Associate Professor
Lviv National Agrarian University

NICHE PRODUCTION IN AGRICULTURE OF UKRAINE - CONDITION, PROBLEMS AND PROSPECTS

Черевко І.В.
канд. екон. наук, доцент
Львівський національний аграрний університет

НІШОВЕ ВИРОБНИЦТВО У СІЛЬСЬКОМУ ГОСПОДАРСТВІ УКРАЇНИ – СТАН, ПРОБЛЕМИ І ПЕРСПЕКТИВИ

The article deals with the situation in the niche agriculture development as an effective way of small producers confronting with the modern challenge of the highly dynamic competitive situation in the agrarian economy in Ukraine.

Key words: *agriculture, small producers, niche production*

У статті розглядається ситуація в розвитку нішевого сільського господарства як ефективного способу протистояння дрібних виробників сучасним викликам високодинамічної конкурентної ситуації в аграрній економіці України,

Ключові слова: *сільське господарство, дрібні виробники, нішеве виробництво*

Серед тенденцій розвитку сучасної аграрної економіки України особливо виділяється зростання активності виробників «нішової» сільськогосподарської продукції, що відповідним чином впливає на особливості формування структури сільського господарства, його експортного потенціалу та наповнення споживчого кошика українців. Актуальність дослідження цієї тенденції є високою з огляду на важливість дальшого розвитку та підвищення ефективності цього напрямку діяльності як для безпосередніх виробників «нішової» сільськогосподарської продукції, так і для суспільства в цілому.

Проблеми виробництва нішевої продукції сільським господарством України певним чином знаходять відображення у результатах досліджень окремих науковців і практиків, зокрема таких як В.Арістов [1], Ю.Кернасюк [3,4], В.Медведюк [5], П.Скрипчук, В.Пічура, В.Рибак [8] Б.Шаповал [10] та інші. Проте результати їх досліджень є ще досить розрізнені і потребують певної систематизації, а масштаби «нішового» сільськогосподарського виробництва в Україні є ще настільки малі, що особливої «погоди» у

сільському господарстві воно ще не робить, тому ситуація формує широке поле для продовження досліджень у цьому секторі українського сільського господарства з метою аналізу дійсного стану речей, виявлення основних чинників, що впливають на неї та накреслення відповідних шляхів щодо покращення існуючої ситуації.

У країнах Східної Європи понад 20 років тому, а в Україні – вже більше ніж 10 років, нішевій продукції почали приділяти усе більше уваги, зокрема органічній. Як наслідок, зростає чисельність господарств — виробників нішевої продукції, в тому числі екологічного та органічного статусу [8, с.19]. Вирощування нішевої продукції є складовим елементом Концепції багатофункціональності сільського господарства, яка сформульована ФАО наприкінці 1990-х років і активно використовується провідними державами світу для орієнтації своїх аграрних політик на розв’язання завдань сільського розвитку [8, с.23]. Причому спробувати себе в ніші намагаються як і малі фермерські господарства, так і великі агрохолдинги. Привабливість цього сегменту ринку полягає у досить високій рентабельності, можливості диверсифікувати ризики виробництва та урізноманітнити сівозміну. Крім того, нішеве виробництво характеризується експортоорієнтованістю і здебільшого низьким рівнем конкуренції. Експерти вважають, що вирощування нішевих культур може стати для агропідприємства своєрідною подушкою безпеки. Зокрема, ніша дозволяє застрахувати себе від таких ризиків як несприятливі для традиційні культур погодні умови, падіння цін на них або ж переповнення ринку і загострення конкуренції [7].

Останнім часом нішеві культури приваблюють все більше малих та середніх фермерів: можна обійтися невеликими земельними ресурсами, можна швидко змінити спеціалізацію, є велика зацікавленість в отриманні максимальних доходів, нішевий бізнес не потребує значних інвестицій в організацію виробництва [6]. За даними Ю. Кернасюка, нині в Україні налічується близько 9000 таких фермерських господарств, які мають у землекористуванні до 20 га. [2]. Власне нішеві сільськогосподарські культури представляють для них значний економічний інтерес, бо максимально

витримати сівозміну і забезпечити ефективний рівень урожайності у галузі вирощування традиційних зернових та олійних культур за нинішніх умов є досить складно. Для дрібних виробників не менш складно є вигідно продати продукцію за високою ціною через невеликі її обсяги. Тому у цьому секторі господарств із невеликою площею сільськогосподарських угідь досить привабливим може бути вирощування власне нішевих культур, які в силу своєї «нішовості» мають певні конкурентні переваги на ринку та порівняно високу ціну реалізації у своїй відповідній ніші на ринку.

Певна динаміка розвитку нішевого сільського господарства в Україні спостерігається. Високими темпами здійснюється поширення вирощування таких культур як амарант, лохина, шафран, кунжут, кизил, маш, нут, сочевиця, сорго,, в окремих регіонах вирощується спаржа, трюфелі, коріандр та інші прянощі, жимолость, спельта, кіноа, виробляється продукція вирощування равликів, молоко –ослине, буйволяче, козяче, кобиляче, м'ясо і яйця страусів та багато іншої, досить малопоширеної продукції.

Перспективи для розвитку нішевого сільського господарства в Україні однозначно є, особливо – у секторі малих сільськогосподарських виробників, включаючи господарства населення. Перспективними для вирощування в Україні експерти вважають батат, гарбуз, спаржу, смородину, цвітну капусту та броколі, а на думку інших експертів, нішею на українському ринку можна вважати всі культури, крім пшениці, соняшнику, кукурудзи та ячменю нішею на українському ринку можна вважати всі культури, крім пшениці, соняшнику, кукурудзи та ячменю [9]. Однак наразі високих темпів розвиток цього напряму сільськогосподарського виробництва в Україні ще не набув. Основними причинами такого стану є брак в українських виробників необхідного досвіду, що стосується технології виробництва продукції, маркетингу, практично повна відсутність кооперації у цій сфері, нерозвиненість відповідного інформаційно-консультативного обслуговування, відсутність необхідної державної підтримки. Дрібні масштаби виробництва не дозволяють формувати потрібні партії високоякісної продукції на експорт. Потужно стримують розвиток нішевого сільськогосподарського виробництва відсутність переробки продукції та

відповідних ринків збуту. Виробники нішевої сільськогосподарської продукції є переважно розрізнені, віддалені один від одного географічно, діють у більшості випадків «на свій страх і ризик», не мають жодної інформації про наявні успіхи у подібній діяльності в більш успішних співвітчизників і не мають можливості перейняти їх досвід чи налагодити співпрацю у споріднених сферах діяльності. Основними сприяючими заходами для подальшого розвитку цього напрямку виробництва може стати сприяння держави у розвитку кооперації та кредитуванні виробників нішевої продукції і у налагодженні спеціалізованого дорадництва та забезпеченні наукового супроводу.

Оскільки видів нішевої сільськогосподарської продукції на сьогодні навіть в Україні є дуже багато, актуальним стає формування певної їх класифікації з метою полегшення точного орієнтування в їх різноманітності та ефективного пошуку відповідної інформації для проведення потрібного аналізу та обґрунтування необхідних рішень, що в цілому є достатньо перспективним напрямом подальших досліджень висвітленої проблеми.

Література:

1. Арістов Вадим. Фермери або агрохолдинги? Оптимальна модель розвитку українського агробізнесу. 2017. <https://uhbdp.org.ua/news/agro-news/1330-fermery-abo-ahrokhodynny-optymalna-model-rozvytku-ukrainskoho-ahrobiznesu>.
2. Дрібні фермери України у пошуках ринкової ніші. 2019. <https://infoindustria.com.ua/dribni-fermeri-ukrayini-u-poshukah-rinkovoyi-nishi/>.
3. Кернасюк Юрій. 2015. Експортний тренд – нішеві культури. Агробізнес сьогодні. №4(299). –с.32-33.
4. Кернасюк Юрій. Ринок нішевих агрокультур. Агробізнес сьогодні, 2018.- №22 (389).- с.12-16.
5. Медведюк Валентин.. Нішеві культури — це «подушка безпеки» для аграріїв.. 2017. <http://agroportal.ua/ua/views/mnenie-eksperta/nishevye-kultury-eto-podushka-bezopasnosti-dlya-agrariev/>.
6. Нішеві культури. Нішеві продукти. 2017. <https://www.pro-of.com.ua/nishevi-kulturi-nishevi-produkti/>.
7. Нішеві культури. Проблеми та перспективи. 2019. <http://www.proagro.com.ua/events/niche2019/http://www.proagro.com.ua/events/niche2019/>.
8. Скрипчук Петро, Пічур Віталій, Рибак Віктор. Аспекти виробництва нішевої продукції на засадах економіки природокористування // Збалансоване природокористування 2017.- № 3 – с. 18-2.
9. У Києві відбулась II конференція «Нішеві культури. Проблеми та перспективи 2019». 2019. <https://infoindustria.com.ua/u-kiyevi-vidbulas-ii-konferentsiya-nishevi-kulturi-problemi-ta-perspektivi-2019/>.
10. Шаповал Богдан. Можливості для експорту нішевих культур: куди варто постачати та які особливості враховувати. 2018. <http://agravery.com/uk/posts/show/mozlivosti-dla-eksportu-nisevih-kultur-kudi-varto-postacati-ta-aki-osoblivosti-vrahovuvati>.

Omelchenko Kseniia

Associate professor, PhD

National University of Food Technology, Kiev, Ukraine

THE UKRAINIAN AGROCULTURAL SECTOR AND ITS MAIN PROBLEMS

Abstract *All agricultural markets will be negatively affected by the poor macroeconomic fundamentals in Ukraine. There will be limited investment into the country over the coming quarters given the unstable situation, which will affect agricultural production over forecast period. Russia's ban on imports from Ukraine will weigh on production for the dairy and livestock industries, as Russia represents one of Ukraine's largest agricultural export markets. Furthermore, significant currency depreciation will limit imports, hitting input usage and domestic investment.*

Key words: *agricultural sector, agricultural enterprises, agro-industrial complex, land, agricultural markets, agricultural production.*

Introduction. Ukraine is blessed with rich farming and forestry resources. Agriculture has traditionally been one of the most important sectors of the Ukrainian economy, given the high quality and availability of fertile land. More than two thirds (71,2%) of the total land area is agricultural land, compared to only 13,2% in Russia and 44,3% in the EU. Arable land at 32,5 million hectares has the largest area in Europe after Russia, accounting for 56,1% of the total land area – the highest percentage in Europe after Denmark.

So, about 80 percent of the agricultural area is arable land, two-thirds of it the agriculturally rich "black soil". The primary food harvest products are barley, maize, potatoes, rice, soybeans, sugar beets, and wheat.

Results. In recent years, agricultural production has declined drastically because of a decrease in the number of tractors and combine harvesters in working order and to the lack of fertilizers and pesticides. These shortfalls in agricultural inputs reflect declining investment in agriculture, and feed directly into declining production.

In general, the agricultural sector is experiencing serious internal difficulties, due to the transitional nature of the economy. A new policy and direction for Ukraine's agricultural sector is necessary. Agriculture poses the greatest challenge to the survival of Ukraine's political leaders, because almost half of the Ukraine's population live in rural areas [2].

In 2014 Ukraine total grain crop was estimated to be record 64 million metric tons, however as several regions are claiming their independence due to the War in Donbass and the Crimea Crisis the actual available crop yield was closer to 60,5 million metric tons [3].

So, as we can see, Ukraine's economy is on his knees after 20 years of neglect and robbery. But there is one sector that is already flourishing and could be an engine of recovery [4].

As farming is a low-margin, labour-intensive business, the sector was largely ignored by the incumbent oligarchs, who preferred to pick off the easy-to-steal metal plants and simple-to-run banks.

Living closer to the EU is obviously a good thing for Ukraine's farmers. However as be reported, under the terms of the free trade and association deal signed this year with the EU access for Ukraine's agricultural products to EU markets is actually limited to begin with, in order to protect the EU's own agricultural production. About 40% of the EU budget goes on farm subsidies, whereas only 1,8% of Ukraine's budget is spent this way. But we need to understand, if we move closer to the EU, we will not only change the market, we will change fundamentally the way they work.

While the task of reforming the country's agriculture sector looks daunting, there is actually a lot of money about given the pressure on the global food supply from the rising population.

Agriculture could provide the impetus for sweeping investment and reforms across the entire economy.

Putting more investment into leading agricultural companies is pointless unless it is accompanied by associated investment into the supporting infrastructure.

One key change for the agricultural sector is to finally push ahead with land reform. Ukraine has some 20mn hectares of arable land, of which 10mn hectares belong to the government, which could be sold off.

However, no one is expecting this to happen quickly; the privatisation of land remains one of the most politically charged issues that any country has to deal with.

The agricultural sector is experiencing serious internal difficulties, due to the transitional nature of the economy. A new policy and direction for Ukraine's agricultural sector is necessary. Agriculture poses the greatest challenge to the survival of Ukraine's political leaders, because almost half of the Ukraine's population live in rural areas [6].

In general, Ukraine has tremendous agricultural potential but this potential has not been fully exploited due to depressed farm incomes and a lack of modernization within the sector. Insecure land ownership and an inefficient registration system have also held back Ukraine's farming sector, but it has improved in recent years.

Ukraine should become attractive to foreign investors, get complex tax codes, laws and regulations, poor corporate governance and weak enforcement of contract law make doing business within the country difficult.

The World Bank ranked Ukraine 137 out of 183 economies in its Doing Business Report in 2013. Many foreign financial institutions have left the Ukrainian market, according to a February U.S. State Department report [7].

So, the main problems that we can identify in the sector: credit problems, problems of employment, lack of improvement of mechanisms of state regulation of agricultural sector's development of Ukrainian economics, investment climate, property rights, corruption, obsolete machinery and inadequate on-farm storage, shrinking livestock inventories, lack of full implementation of agrarian reforms, complicated, ever-changing schedule of charges in the tax system of the country.

Theoretically speaking, a sensible Ukraine land reform could set off an agricultural boom in a country commonly known as the "breadbasket of Europe."

The efficiency of agrarian reform largely determines the overall course and results of market transformation, since the agrarian sector accounts for 32% of Ukraine's population, almost a quarter of production assets and close to 14% of the annual output of goods and services. The documents that determine the strategy of reform in Ukraine point out that agricultural policy should be the "key element, stimulating factor" of accelerated market transformation of the economy.

The necessity for deep reform of the agrarian sector flows from not only the systemic nature of socio-economic transformation that Ukraine is presently undergoing, but also by the critical state of agriculture as such.

The documents that determine the strategy of the state policy define the goal of transformation in the agrarian sector of Ukraine's economy as follows: "The strategic goal of the agrarian policy lies in formation of a true owner and master of land, social and economic progress of the countryside, resolution of the food problem, and raising the agricultural sector of Ukraine's economy to the world level. Agrarian reform encompasses all basic elements of the agricultural sector: production or property relations, social structure, production technology, management, legislative support for all processes and results of reform.

Therefore, agrarian reform has a comprehensive, systemic character and should be pursued with account of the requirements of co-ordination and balance of the changes in each of the above aspects.

The Government of Ukraine has set the goals of agrarian reform along the following five directions:

- land reform and reform of property relations in the agro-industrial complex; establishment of new business entities on the basis of collective agricultural enterprises, employing private property and land ownership, widely relying on leasing;

- formation of a market infrastructure in the agro-industrial complex;
- modernization of production, establishment of competitive enterprises;
- perfection of the mechanisms of state regulation in the agricultural sector.

All state support to agriculture could be structured in big blocks: VAT exemption for farming industry, direct subsidies, general services, fixed agricultural tax.

The negative actions come through two ways: absence of VAT refunds and export quotas and duties. Of course, there are many small positives and negatives coming from the state policy but they are relatively immaterial.

Excessive taxation of agriculture exports: absence of VAT refunds on grain exports and export quotas and duties.

Conclusions. The following subsections present the results of analysis of the main gains and deficiencies of reform in the agro-industrial complex along the above directions.

Further progress toward improved efficiency in Ukrainian agriculture requires continued restructuring of farm enterprises into smaller autonomous units based on private ownership of land and assets, clear formulation of procedures that allow exit of individuals and small groups with shares of land and assets, development of land markets, and establishment of functioning market infrastructure for competitive input supply, marketing services, and financial services.

References:

1. <http://www.fao.org>
2. <http://www.nationsencyclopedia.com>
3. https://en.wikipedia.org/wiki/Economy_of_Ukraine#Agriculture
4. http://russia-insider.com/ru/ukraine_business_opinion/
5. <http://www.bmiresearch.com/ukraine>
6. <http://www.nationsencyclopedia.com>
7. <http://www.ibtimes.com/10-things-you-need-know-about-ukraines-economy>

WORLD ECONOMY

Kyrchata I.M.,

candidate of economic sciences, associate professor

Shershenyuk O.M.,

candidate of economic sciences, associate professor

Savina D.G.

student of the faculty of administration and business

Kharkov National Automobile and Highway University

STRATEGIC ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX TO ENSURE ITS ECONOMIC SECURITY

Кирчата І.М.,

к.е.н., доцент

Шершенюк О.М.,

к.е.н., доцент

Савіна Д.Г.

студентка факультету управління та бізнесу

Харківський національний автомобільно-дорожній університет

СТРАТЕГІЧНІ АСПЕКТИ РОЗВИТКУ АГРОПРОМИСЛОВОГО КОМПЛЕКСУ ДЛЯ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ ЙОГО ЕКОНОМІЧНОЇ БЕЗПЕКИ

Abstract. *The article deals with the essence of economic safety of the agro-industrial complex as a system of economic and national country interests. Priority directions of development are analyzed and strategic goals of economic safety achievement of agro-industrial complex as a strategic resource of country national security as a whole are highlighted.*

Keywords: *agro-industrial complex, economic safety, development*

Анотація. *У статті розглянуто сутність економічної безпеки агропромислового комплексу як системи економічних і національних інтересів країни. Проаналізовано пріоритетні напрямки розвитку та виділено стратегічні цілі досягнення економічної безпеки агропромислового комплексу як стратегічного ресурсу національної безпеки країни в цілому.*

Ключові слова: *агропромисловий комплекс, економічна безпека, розвиток*

Агропромисловий комплекс є однією з найважливіших сфер економіки України, його стабільний динамічний розвиток забезпечує зростання добробуту, рівня життя й зайнятості населення, яке проживає на сільських територіях, тим самим сприяючи збереженню територіальної цілісності і надійної інфраструктури регіонів в цілому.

В сучасних економічних умовах, розвиток як різних напрямків сільського господарства, так і всього агропромислового комплексу є нестабільним і, незважаючи на постійну державну підтримку, як на державному, так і

регіональному рівні у формі різних міжбюджетних трансфертів в ряді випадків виражається в негативних показниках. Недосконалість інфраструктури та обмежений доступ сільських товаровиробників до ринків збуту продукції, погіршення соціально-демографічної ситуації на сільській території є причиною серйозної нестачі кваліфікованих фахівців в галузі.

В рамках дослідження можливих напрямків розвитку агропромислового комплексу та різних його галузей особливу увагу слід звернути на стійкість агропромислового виробництва, оскільки в сучасній нестабільній економічній ситуації, як на зовнішньому так і на внутрішніх ринках саме цей показник дозволить зберегти ресурсний потенціал виробника і в умовах нестабільних ринкових змін реалізувати радикальні нестандартні заходи з модернізації засобів виробництва і реалізації готового продукту на різного рівнях ринках збуту. Сталий і динамічний розвиток агропромислового комплексу має стратегічне значення для стабільного існування держави. Залежність в імпорті життєвоважливих першочергових продуктів харчування створює певну вразливість суверенітету держави, внаслідок цього держава має відігравати важливу роль у розвитку агропромислового комплексу.

Сучасну структуру агропромислового комплексу слід розглядати як сукупність взаємопов'язаних елементів: сільське господарство - основоположна галузь АПК, основним завданням якої є забезпечення продовольством населення і створення сировинної бази різних промислових галузей. Основним показником ролі даної галузі є частка зайнятості в сільському господарстві економічно активного населення. У масштабі держави цим показником є питома вага в структурі ВВП; забезпечуючий комплекс - галузі, що забезпечують сільське господарство засобами виробництва: машинобудування, хімічна промисловість та ін; переробна промисловість - галузі, що виконують функцію первинної переробки виробленої сировини для подальшої передачі на підприємства харчової промисловості; інфраструктурний комплекс - мережа налагоджених виробничих етапів, що включають в себе заготівлю сировини, її зберігання, транспортування, виробничий процес, в результаті проходження

яких сировина перетворюється в готовий продукт, готовий для поставки на різні ринки збуту.

З метою ефективного розвитку аграрного комплексу напрямки державного впливу повинні бути розділені як мінімум за рівнями (табл. 1).

Таблиця 1

Пріоритетні напрямки розвитку АПК

Пріоритетні напрямки першого рівня		
1.	Сфера виробництва	Скотарство (виробництво молока і м'яса), як системоутворююча підгалузь, яка використовує конкурентні переваги країни, в першу чергу, наявність значних площ сільськогосподарських угідь.
2.	Економічна сфера	Підвищення доходів сільськогосподарського виробника
3.	Соціальна сфера	Сталий розвиток сільських територій як неодмінна умова збереження трудових ресурсів, територіальної цілісності країни
4.	Сфера виробничого потенціалу	Меліорація земель сільськогосподарського призначення, введення в обіг невикористовуваної ріллі та інших категорій угідь
5.	Інституційна сфера	Розвиток інтеграційних зв'язків в агропромисловому комплексі та формування продуктових підкомплексів, територіальних кластерів
6.	Сфера наукового забезпечення	Найважливіша умова формування інноваційного агропромислового комплексу
Пріоритетні напрямки другого рівня		
1.	Розвиток імпортозамінних підгалузей сільського господарства	
2.	Екологічна безпека сільськогосподарської продукції та продовольства	
3.	Нарощування експорту сільськогосподарської продукції, сировини і продовольства у міру насичення ними внутрішнього ринку	
4.	Мінімізація логістичних витрат і оптимізація інших факторів, що визначають конкурентоспроможність продукції	

Сутність економічної безпеки агропромислового комплексу (АПК) як системи економічних інтересів полягає в пошуку механізмів компромісу між забезпеченням національних інтересів країни, продовольчою безпекою та ризиками, в результаті яких забезпечується стійке функціонування АПК. У той же час економічну безпеку АПК слід розглядати і як функціональну систему, яка відображає процеси взаємовідносин інтересів учасників аграрних відносин в залежності від загроз, передумовами яких виступають ризики.

В даний час діюча система взаємовідносин в системі АПК не забезпечує його економічну безпеку, оскільки характеризується наявністю цілого комплексу загроз, відсутністю чіткого механізму управління ризиками, наявною корупційною складовою при просуванні виробленої продукції від

товаровиробника до споживача і при розподілі фінансових ресурсів в якості державної підтримки, а ринкові відносини виключають вплив органів влади на вибір спеціалізації, еквівалентність обмінних відносин, та слабку інноваційно-інвестиційну активність. Значимість АПК як стратегічного ресурсу в забезпеченні інтересів на світовій арені обумовлено наступними фактами: АПК відіграє провідну роль в забезпеченні національних інтересів країни, так як його частка в світовому ВВП має стійку динаміку до зростання за рахунок збільшення обсягу виробництва аграрної продукції і підвищення рівня її переробки; Україна має потужний потенціал для виробництва аграрної продукції; стійкість світового і національних агропродовольчих ринків, і їх окремих сегментів, що склалася в світі; система продовольчого забезпечення та міжнародного поділу праці в сфері АПК не забезпечує стійкість світового і національних агропродовольчих ринків, і їх окремих сегментів; активізувалася проблема голоду в світовому масштабі, при цьому частина жителів планети страждає від так званих прихованих форм голоду, пов'язаних з недостатнім споживанням життєво-важливих мікроелементів через бідність свого раціону.

Економічній безпеці АПК в системі національних інтересів України сприятиме досягнення наступних стратегічних цілей: а) на рівні макроекономіки: підвищення конкурентних переваг аграрної продукції за рахунок вдосконалення якісних характеристик з метою збільшення обсягу експорту; виділення пріоритетних галузей в розвитку АПК за рахунок диференційованого підходу, заснованого на визначенні ролі кожного виду аграрної продукції в забезпеченні продовольчої безпеки; введення державного замовлення на виробництво необхідного обсягу продукції з метою імпортозаміщення; диференціація бюджетних субсидій до закупівельних цін на продукцію аграрного призначення, а також вдосконалення алгоритму державної підтримки проблемних сільських територій; підвищення рівня самозабезпечення в продовольстві за рахунок активізації інноваційно-інвестиційної діяльності, а також інтеграції науки і виробництва; вдосконалення зовнішньоекономічної діяльності в галузі митної політики імпортованого продовольства; розвиток нормативно-правової бази, здатної

реагувати на сучасні умови господарювання; б) на мезорівні: вироблення інструментів, спрямованих на вдосконалення механізму організаційно-економічних відносин між суб'єктами у сфері АПК; наукове обґрунтування, створення та розміщення агромістечок, вибір їх спеціалізації відповідно до природно-кліматичних та інфраструктурних особливостей територій; вдосконалення програм розвитку пріоритетних галузей АПК, в т.ч. грантової підтримки; організація інформаційно-консультаційних центрів для доведення до керівників господарюючих суб'єктів у сфері АПК змін до нормативно-правових актів, проведення консультування в області оподаткування, бюджетування, економіки, фінансів; розробка програм розвитку соціальної інфраструктури села; в) на мікрорівні: підвищення мотивації персоналу, створення сприятливих умов праці і відпочинку, забезпечення достатнього рівня соціальної захищеності; впровадження нових технологій при виробництві аграрної продукції; розробка резервів зниження низькосортної, бракованої продукції, дотримання агротехнічних заходів на всіх стадіях виробничого циклу при виробництві продукції; вдосконалення маркетингової діяльності з метою активізації зовнішньоекономічного співробітництва; підвищення рівня кваліфікації управлінського персоналу з метою оперативності прийнятих управлінських рішень в сфері АПК.

Таким чином, ми можемо зробити висновок, що дослідження агропромислового комплексу України як сукупність взаємопов'язаних галузей дозволить найбільш докладно розглянути основні елементи та чинники, що впливають на формування стабільного і стійкого функціонування АПК і способи переходу на інтенсивний спосіб ведення господарства, що в свою чергу дозволить значно знизити ризики, які безпосередньо впливають на всі види діяльності галузей агропромислового комплексу. За таких умов, ефективне аграрне виробництво сприятиме продовольчій незалежності та забезпеченню національних інтересів України на світовій арені, а економічна безпека АПК – стане одним із стратегічних ресурсів національної безпеки країни в цілому.

Trushkina N.

Ph.D. (Economics), Senior Research Fellow

Institute of Industrial Economics of NAS of Ukraine, Kyiv, Ukraine

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE: THE EXPERIENCE OF PORTUGAL

Трушкина Н.В.

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт экономики промышленности НАН Украины, г. Киев, Украина

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ: ОПЫТ ПОРТУГАЛИИ

Abstract. *The article examines the current state of the development of transport infrastructure in Portugal and on this basis, barriers to its effective functioning have been identified. A set of measures to improve the development of transport infrastructure in Portugal was proposed in the context of the implementation of the European transport policy TEN-T.*

Keywords: *transport infrastructure, transport policy, infrastructure projects, investment resources, indicators, barriers, development prospects.*

Аннотация. *В статье исследовано современное состояние развития транспортной инфраструктуры в Португалии и на этой основе выявлены барьеры, препятствующие ее эффективному функционированию. Предложен комплекс мероприятий по повышению эффективности развития транспортной инфраструктуры в Португалии в контексте реализации европейской транспортной политики TEN-T.*

Ключевые слова: *транспортная инфраструктура, транспортная политика, инфраструктурные проекты, инвестиционные ресурсы, показатели, барьеры, перспективы развития.*

Приоритетом национальной экономики Португалии является транспортная логистика, которая играет важную роль в стратегии устойчивого развития этого государства. Для этого имеются объективные предпосылки. Португалия имеет развитую сеть транспортной инфраструктуры, которая включает 25 аэропортов (5 из них имеют международный статус; аэропорт г. Порту назван одним из трех лучших в Европе); 4 международные железнодорожные магистрали; 3 порта (Лиссабон, Сетубал, Синиш).

Португалия является важнейшим международным транспортным узлом. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, Португалия входит в тройку лидеров в ЕС по протяженности скоростных автодорог на душу населения.

Кроме того, Португалия – ключевое географическое звено европейского вектора китайского проекта Нового Шелкового пути. Китай стал ведущим торговым партнером Португалии в Азии. Объем товарооборота между странами составил в 2017 г. 5,6 млрд долл. США и имеет тенденцию к росту. Объем китайских инвестиций в экономику Португалии достигает 10,2 млрд долл. США. При этом особое значение приобретает глубоководный порт Синиш (глубина морского дна до 28 м, использование контейнеровозов Post-Panamax), который по праву можно назвать «морскими воротами» Португалии в Атлантику и Африку. Порт обладает развитой инфраструктурой и может служить «точкой перемещения» китайской продукции в США и Африку. Другой важный пункт – Азорские острова, выдвинутая вглубь Атлантики часть португальской территории. Здесь планируется строительство современной логистической инфраструктуры с привлечением инвестиций из Китая.

Как показывают исследования Всемирного банка [1], Португалия заняла в 2018 г. 23-е место среди 160 стран мира в рейтинге Индекса эффективности логистики (LPI). При этом по критерию «Эффективность работы таможни» страна заняла 35-е место; «Качество инфраструктуры» – 32-е; «Отслеживание поставок» – 23-е; «Качество логистики и компетентность» – 22-е; «Своевременность поставок» – 18-е; «Простота организации международных грузоперевозок» – 7-е место.

В 2017 г. в рейтинге глобальной конкурентоспособности, подготовленного Всемирным экономическим форумом [2], Португалия заняла 42-е место среди 137 стран мира. По показателю «Инфраструктура» Португалия находилась на 18-м месте, в том числе по показателям «Качество общей инфраструктуры» – 13-е место; «Качество железнодорожной инфраструктуры» – 31-е; «Качество инфраструктуры авиационного транспорта» – 29-е; «Качество портовой инфраструктуры» – 25-е; «Качество дорожной инфраструктуры» – 8-е место. Вместе с тем следует отметить, что за период 2013-2017 гг. наблюдается тенденция ухудшения позиций Португалии в рейтинге глобальной конкурентоспособности по показателю «Инфраструктура». Так, ранг индикатора «Качество общей инфраструктуры» опустился на 2 пункта;

«Качество железнодорожной инфраструктуры» – на 5 пунктов; «Качество дорожной инфраструктуры» – на 4 пункта; «Качество инфраструктуры авиационного транспорта» – на 2 пункта. В 2017 г. ранг индикатора «Качество портовой инфраструктуры» поднялся на 9 пунктов (табл. 1).

Таблица 1

Оценка Португалии в рейтинге глобальной конкурентоспособности по показателю «Инфраструктура»

Индикаторы	Ранг		2017 г. к 2013 г., пункты
	2013 г.	2017 г.	
Качество общей инфраструктуры	11	13	↓ на 2
Качество дорожной инфраструктуры	4	8	↓ на 4
Качество железнодорожной инфраструктуры	26	31	↓ на 5
Качество инфраструктуры авиационного транспорта	27	29	↓ на 2
Качество портовой инфраструктуры	34	25	↑ на 9

Составлено по данным: [2, с. 243].

По данным Европейской экономической комиссии ООН, объемы грузоперевозок автомобильным транспортом в Португалии увеличились за 2000-2017 гг. на 31,6%, а железнодорожным – на 17,2%. Грузооборот автомобильного транспорта вырос за этот период на 78,7%, а железнодорожного – на 31,4% (табл. 2).

Таблица 2

Динамика объемов грузоперевозок и грузооборота в Португалии

Годы	Грузоперевозки по видам транспорта, тыс. т		Грузооборот по видам транспорта, млн ткм	
	железнодорожный	автомобильный	железнодорожный	автомобильный
2000	9046	112529	2183	19658
2005	9570	165222	2422	42607
2010	10094	217915	2313	35368
2012	9701	147473	2421	32935
2013	9291	147304	2290	36576
2014	10304	145990	2438	33857
2015	11122	154832	2688	32525
2016	10420	148626	2774	34684
2017	10600	148121	2868	35124

Составлено по данным: [3, с. 158-161].

Таким образом, ситуация в стране с точки зрения эффективности логистики и цепей поставок требует фундаментальных изменений в рамках реализации транспортной политики ЕС [4-6]. В связи с этим в Португалии в

настоящее время уделяется значительное внимание развитию современной транспортной инфраструктуры как ключевой элемента транспортно-логистической системы.

Правительство Португалии планирует расширить существующий международный аэропорт Лиссабона имени Умберту Делгаду в Портеле, а также построить еще один аэропорт в Монтижу. Стоимость проектов оценивается в 1,15 млрд евро. Инвестором может быть французский инфраструктурный концерн Vinci, подразделение которого управляет аэропортом в Лиссабоне. Прогнозируется, что 650 млн евро (56,5% общего объема инвестиций) будут направлены на расширение аэропорта в Портеле и 500 млн (43,5%) – на строительство аэропорта в Монтижу до конца 2022 г.

Европейская комиссия планирует выделить Португалии 199 млн евро или 5% общего объема инвестиций для реализации железнодорожных проектов в странах ЕС. Планируется модернизировать участок Овар–Гайя линии Лиссабон – Порту в рамках создания трансъевропейской транспортной сети.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к такому выводу. Развитие транспортной инфраструктуры в Португалии может обеспечить экономический рост от 1% к темпам ежегодного прироста ВВП. При этом модель функционирования инфраструктуры должна соответствовать современным вызовам глобальной конкуренции [7] и максимально содействовать развитию транспортно-логистической системы.

Для эффективного внедрения проектов по развитию транспортной инфраструктуры в Португалии необходимо разработать инвестиционный механизм, который представляет собой аналитические инструменты и процессы, используемые для определения потребностей в инвестициях и оценки проектов, а также для поиска нетрадиционных источников финансирования этих проектов. Механизм инвестирования в транспортную инфраструктуру позволяет интегрировать инвестиционную политику с имеющимися ресурсами.

Реализация инвестиционного механизма позволит обеспечить оптимизацию движения логистических потоков (транспортных, материальных,

финансовых, информационных), рациональную организацию процессов логистической деятельности, а также занять конкурентные позиции на международном рынке транспортно-логистических услуг.

Литература:

1. Connecting to Compete 2018. Trade Logistics in the Global Economy. The Logistics Performance Index and Its Indicators / J.-F. Arvis, I. Ojala, C. Wiederer, B. Shepherd, A. Raj, K. Diarabayeva, T. Kliski. Washington, DC, The International Bank for Reconstruction and Development, The World Bank, 2018. - 82 p.
2. Global Competitiveness Report 2017-2018 / K. Schwab, X. Sala-i-Martin, R. Samans. Geneva: World Economic Forum, 2017. - 393 p.
3. Транспорт і зв'язок України за 2017 рік: стат. збірник. Київ: Державна служба статистики України, 2018. - 168 с.
4. Трушкіна Н.В. Імплементация правовых засад розвитку транспортно-логістичної системи України до норм міжнародного права. Economic and Legal Foundations of the Public Transformations in Conditions of Financial Globalization: monograph / Edited by Yu. Pasichnyk; New York University. Yunona Publishing, New York, USA, 2018. - P. 370-376.
5. Trushkina N. Improving the efficiency of the transport and logistics system in the context of sustainable development: the EU experience [Підвищення ефективності функціонування транспортно-логістичної системи в контексті сталого розвитку: досвід ЄС]. Territories' development: social, economic and humanitarian issues: monograph / Edited by T. Nestorenko, S. Sliwa; The Academy of Management and Administration in Opole. Opole: Publishing House WSZiA, 2019. - P. 142-149.
6. Трушкіна Н.В. Інтегрована транспортно-логістична система ЄС: актуальні проблеми та пріоритети розвитку. Стійкий розвиток національної економіки: актуальні проблеми та механізми забезпечення: матеріали III Міжнар. наук.-практ. інтернет-конф. (м. Кривий Ріг, 26 квітня 2019 р.) / М-во освіти і науки України, Донецький національний університет економіки і торгівлі імені Михайла Туган-Барановського. Кривий Ріг: ДонНУЕТ, 2019. - С. 44-48.
7. Україна в європейському науково-освітньому та інноваційному просторі: концепція адаптації та інтеграції в умовах Угоди про асоціацію з Європейським Союзом: навч.-наук. видання / С.В. Іванов, В.І. Ляшенко, І.Ю. Підоричева та ін.; НАН України, Ін-т економіки пром-сті. Київ, 2019. - 312 с.

ENTERPRISES ECONOMICS AND MANAGEMENT

Mastylo A.
postgraduate student,
National Management Academy

PROBLEM MARKET ANALYSIS INTELLECTUAL PROPERTY IN UKRAINE

Мастило А.
аспірант,
Національна академія управління

ПРОБЛЕМНИЙ АНАЛІЗ РИНКУ ІНТЕЛЕКТУАЛЬНОЇ ВЛАСНОСТІ УКРАЇНИ

Abstract. *A systematic approach to the analysis of the intellectual property market with the identification of the levels and objects of such analysis in the article was disclosed. The priorities of the development of the intellectual property market in Ukraine based on the results of the analysis were substantiated.*

Key words: *intellectual property market, patenting, invention, industrial design, intellectual activity.*

Анотація. *Розкрито системний підхід до аналізу ринку інтелектуальної власності з виокремленням рівнів та об'єктів такого аналізу. Обґрунтовано пріоритети розвитку ринку інтелектуальної власності в Україні за результатами проведеного аналізу.*

Ключові слова: *ринок інтелектуальної власності, патентування, винахід, промисловий зразок, інтелектуальна діяльність.*

Постановка проблеми. Ринок інтелектуальної власності є актуальним об'єктом наукових досліджень. Інтелектуальна власність є важливим чинником прогресивних змін кожного суспільства, відтак дослідження ринкового середовища її інституалізації носить високе практичне значення.

Дане дослідження орієнтоване на виявлення проблемних аспектів розвитку ринку інтелектуальної власності в Україні, що дає змогу обґрунтувати пріоритети їх вирішення.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Результати дослідження отримано на основі використання даних офіційної статистики, а також з врахуванням теоретичних напрацювань щодо різних аспектів інтелектуальної власності таких українських авторів, як В. Бабенко, О. Васильєв, В. Дем'юхін, Ю. Драчук, Т. Козьякова, О. Косенко, О. Левковець, О. Одінцова, В. Семенова, Ю. Цимбалюк, А. Череп, Л. Шикова та інших.

Виклад основного матеріалу. Україна в глобальному конкурентному просторі для розвитку ринку інтелектуальної власності потребує стабілізації політичної ситуації, посилення механізмів кредитування в сфері інтелектуальної діяльності, а також боротьби з масовим піратством і порушенням авторських прав. Водночас основним об'єктом регулювання має бути система відносин, яка виникає на ринку.

У даному контексті в першу чергу доречно проаналізувати показники, які розкривають діяльність основних суб'єктів ринку в розрізі науково-дослідницького і підприємницького сегменті [2; 3]. Науково-дослідницькі інститути наразі перебувають на стадії занепаду, будучи побудованим на моделі централізації в інституті Національної академії наук України. Натомість поступово розвивається сегмент приватних і громадських дослідницьких установ, які акумулюють достатні фінансові ресурси для мотивації персоналу до результативної інтелектуальної діяльності. Слабкий державний вплив на інтелектуальну діяльність в Україні породжує деформовану ринкову саморегуляцію зі збереженням відстаючих позицій країни за інноваційними показниками й здатністю виробляти комерціалізований інтелектуальний продукт. Особливий ризик становить інтелектуальна еміграція, у зв'язку з чим об'єктом новітньої інноваційної політики мають бути не інновації як такі, а самі новатори (творці – науковці, конструктори, технологи і т. д.) [1, с. 276].

Проблеми ефективного використання інтелектуального потенціалу населення в Україні з поступовим відтоком кадрів є наслідком нестабільної економічної ситуації та постійного браку сталого й цілеспрямованого бюджетного фінансування. Водночас, наявність значного кадрового базису в сфері інтелектуальної діяльності не є вихідною ознакою рівня розвитку ринку інтелектуальної власності. Необхідно виявити тренди щодо результатів такої діяльності, виражених в інтелектуальному продукті. Основним вимірником цьому є патентування.

Згідно з даними офіційної статистики, в Україні за останні 12 років спостерігається спадна динаміка щодо кількості заявок та видачі патентів, що відповідає загальним негативним трендам функціонування ринку

інтелектуальної власності в його суб'єктній основі (див. табл. 1). Залишається на рівні 60-70 % частка виданих патентів з усіх поданих заявок – станом на 2017 рік 64 %, найвище значення у 2010 році на рівні 73 % (рис. 1). У будь-якому разі, патентоспроможність результатів інтелектуальної діяльності повинна зростати. Це основний індикатор рівня розвитку ринку інтелектуальної власності в країні.

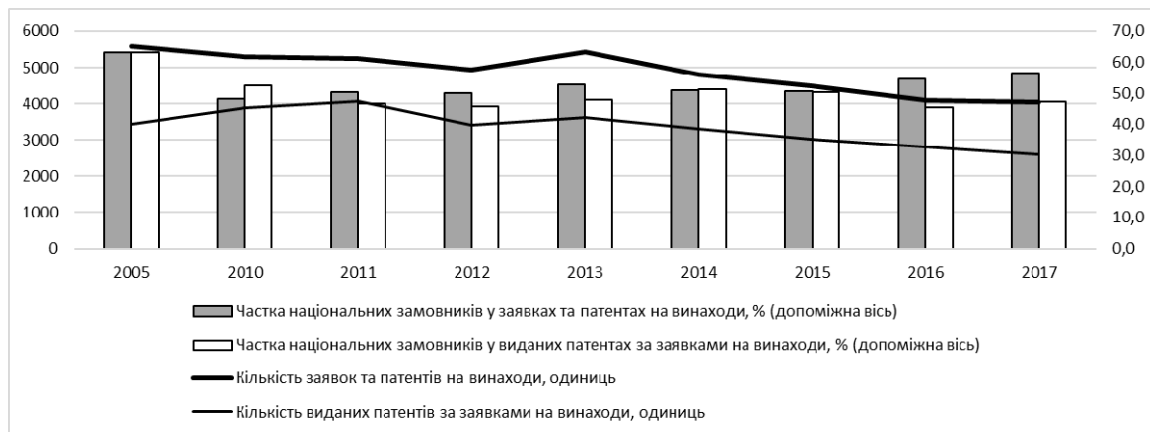

Рис. 1. Основні показники патентоспроможності ринку інтелектуальної власності в Україні у сегменті винаходів, 2005-2017 роки

Джерело: [2]

У структурі поданих заявок та отриманих патентів домінують національні замовники і їх вагомість поступово зростає. З іноземних країн найвищу патентну активність виявляють інвестори з Німеччини, Російської Федерації, Великої Британії та Польщі. Участь європейських партнерів у продукуванні об'єктів інтелектуальної власності в Україні формує один з пріоритетних напрямків його розвитку та використання резервів інтелектуального потенціалу населення.

Аналіз показників патентування також фокусує увагу на іншій специфіці розвитку ринку інтелектуальної власності в Україні – регіональній концентрації. У розрізі регіонів України за кількістю поданих заявок на винаходи упродовж усіх років залишаються явними лідерами м. Київ (29,6 % у загальному показнику 2017 року), Харківська (14,9 %), Дніпропетровська (10,2 %), Одеська (7,4 %) та Львівська (4,3 %) області. Даний аспект не слід сприймати як однозначний недолік. Світовий досвід підтверджує, що найбільш ефективною моделлю інноваційного розвитку є регіональна концентрація

людських, фінансових, матеріально-технічних ресурсів задля продукування і подальшої комерціалізації інтелектуального продукту. Тому в Україні слід формувати і підтримувати регіональні осередки інтелектуальної діяльності з розвитком на їх основі взірцевих та ефективних регіональних ринків інтелектуальної власності.

Галузевий розріз патентування підтверджує передові позиції окремих видів економічної діяльності у виробництві інтелектуального продукту. З даних офіційної статистики виявляється дуже низька частка в патентуванні винаходів реального сектору. Станом на 2017 рік на сільське господарство припадала лише 1 заявка на винахід, добувну промисловість – 2, переробну – 40. Це кризові показники, які в спадній динаміці демонструють сировинну орієнтованість реального сектору економіки з неспроможністю адаптації до ринкових умов глобальної конкуренції. За таких обставин економіка, базована лише на інноваційності сфери послуг, не має достатніх перспектив сталого довгострокового інноваційного розвитку.

Якщо аналізувати заявки і патенти на корисні моделі та промислові зразки, то тут статистика є більш стабільною. Особлива активізація подання заявок на промислові зразки спостерігалась у період 2012-2013 років. Однак на цей тренд слід дивитись критично – в розрізі країн походження. Якраз у цей період кількість заяв з Кіпру зросла з 34 до 72 одиниць. Зросла участь Російської Федерації у патентоактивності. Отож, дані тренди мали геополітичний та «офшорний» характер. З огляду на це, для даних об'єктів інтелектуальної власності слід посилювати якісну основу патентування та розширювати географію залучення інвесторів. Поки у патентуванні корисних моделей та промислових зразків ринок інтелектуальної власності України залишається залежним від інвестицій з Кіпру та Російської Федерації, що є загрозливим трендом монополізації сфер інтелектуальної діяльності та гальмування прогресивних інноваційних змін.

Специфічним сегментом ринку інтелектуальної власності є реєстрація знаків для товарів і послуг. Тут, на відміну від попередніх індикаторів, спостерігається позитивна динаміка: якщо в 2010 році було зареєстровано

20603 таких об'єктів, то в 2017 році – 30183. Це підтверджує поступовий розвиток і стабілізацію бізнес-середовища в Україні з активним застосуванням маркетингових інструментів у конкурентній боротьбі.

Висновки. Аналіз ринку інтелектуальної власності в Україні за основними показниками дає змогу виявити ключові особливості його розвитку в проблемному аспекті: по-перше, основним об'єктом стимулювання розвитку ринку інтелектуальної власності в Україні мають бути носії інтелектуального потенціалу; по-друге, з метою активізації патентоспроможності ринку інтелектуальної власності необхідним є залучення іноземних (у першу чергу європейських) партнерів, стимулювання розвитку регіональних ринків інтелектуальної власності з функціональним потенціалом рушіїв інноваційного розвитку економіки України та концентрацією носіїв найвищих інтелектуальних здібностей; по-третє, пріоритетними сферами стимулювання інтелектуальної діяльності мають залишатись види економічної діяльності, що формують реальний сектор економіки. Обґрунтування конкретних управлінських рішень на шляху досягнення визначених пріоритетів буде предметом подальших досліджень автора.

Література:

1. Драчук Ю. З. Механізми сприяння інноваційній діяльності та підприємництва у науково-виробничій сфері / Ю. З. Драчук, Л. О. Савюк // Сучасні підходи до управління підприємством. Збірник наукових праць. – 2018. – № 3. – С. 271–283.
2. Наука, технології та інновації: Статистична інформація: Державна служба статистики України. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/>
3. Наукова та інноваційна діяльність України. Статистичний збірник / Державна служба статистики України; Відповідальний за випуск О. О. Кармазіна. – К., 2018. – 178 с.

Philip Stoyanov

Chief. Assist. PhD

University of National and World Economy – Sofia, Bulgaria

SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS: HISTORICAL DEVELOPMENT

Abstract. *The Corporate Citizenship Model is considered as a condition for the survival of humanity in modern conditions. The stages of formation of academic concepts of corporate social responsibility are analyzed. The problems of reporting on sustainable development of companies in accordance with the GRI conditions are identified.*

Keywords: *corporate social responsibility, corporate citizenship model, profitability, sustainable development, risks*

In recent decades, the world has been confronted with a new socio-economic reality, especially in post-industrial economies, which seek to seek (and find) innovative transformational technologies that help to preserve and strengthen human civilization. "The formation of the main features of the post-industrial era, including the development of a network of transnational corporations and described in the scientific literature "decline of the nation-state", led in the late 1970's - early 1980's to formulate the concept of social responsibility of business. Large-scale corporate restructuring, coupled with job losses and more difficult working conditions, helped to strengthen the idea of corporate social responsibility. The globalization of the economy, which accelerates the transfer of disaster risk from one point of the planet to another, generates a qualitatively new format of the consequences of the risks themselves. The level of vulnerability of the global business has increased dramatically. To a certain extent, this was a decisive factor that required an understanding of the business effectiveness of social responsibility that goes beyond economic and legal obligations and not only solves specific social tasks but also minimizes the risks of doing business.

The globalized world at the turn of the XX and XXI centuries. characterized by the diversity and complexity of the acute socio-political and economic problems and challenges facing countries and peoples. With the seemingly endless possibilities of post-industrial (information) society for progressive social development and progress, many social expectations have not become a reality. Over the last decades, the socio-economic situation in the world has become more polarized both between countries

and within individual countries. UN documents emphasize that if the current nature and trends of world development continue, then the socio-economic differences between industrialized and developing countries will turn from the unjust to inhumane.

The growing discontent with the effects of globalization and the role of its flagships - large multinationals - is forcing the corporate community to take special care to promote a positive image. Despite the large amount of literature on corporate citizenship, the criteria for its assessment have not yet emerged in the expert and business community.

The corporate citizenship model focuses on the responsible assessment of the impact of business activity, social development and the environment, both within national communities and globally.

As an entity, business forms a system of relationships regarding the creation of mechanisms and tools for the rational use of resources based on the intellectualization of social reproduction. By creating new mechanisms and tools for responsibility for resources and, first and foremost, for a person, business becomes a system of relations for their effective use, formation of intellectual human capital. This obliges business structures to invest in the creation of innovative industries that reduce the total cost of social work per unit of output and increase their productivity. Business is moving from a one-dimensional scale of values, determined by the criterion of market rationality, to a multidimensional scale that takes into account economic, social, ethical and environmental aspects of the activity. This process causes the development of tendencies of socialization of economic development. By creating the preconditions for sustainable development, socially responsible behavior creates the preconditions for sustainable growth and economic benefits for both the individual enterprise and society as a whole.

Corporate social responsibility is a system of relationships that reproduces activities aimed at achieving economic and social impact in the process of social reproduction; creating a stable economic environment; intellectualization of the main resource of the national economy - human capital. The state, taking the idea of corporate social responsibility for arms, tightened market regulation and set stricter

standards in the field of labor law and the environment. Pressure on business and trade unions has increased. For their part, big business representatives embraced the idea of social responsibility without resistance, which was promoted on the one hand by the already established traditions of managerial culture based on the ideas of Fordism, on the other hand, a sharp increase in the level of competition and an obvious dependence between public opinion on the enjoyment and sales level. The growing role of big business in the socio-political life of individual countries and the world as a whole is increasingly noticeable in its relations with society and the state. Corporations are more deeply embedded in the social fabric of society and its structures and significantly alter the rules of the game by which these structures function. There is a growing understanding of the social significance of our own activities and within corporations themselves, which is reflected in the widespread adoption of corporate social responsibility.

Assessing the social role of business and the social costs of a market economy is one of the key themes of the political direction of the last century and the most important factor in dividing political forces. The corporation is a key player in world politics, and the corporate citizenship model also defines the field and priorities of corporate involvement in solving global problems. Discussion of the global governance of the corporation highlights the role of one of the key actors in the changing system of international relations.

The first two stages of the formation of academic concepts of corporate social responsibility can be characterized (Leipziger, D. (2017), Liang, H., & Renneboog, L. (2017)): the influence of religious ethical standards of economic activity; concentration of social responsibility of business mainly on its duties before the state legislation, ie social responsibility was mainly legal in nature; resistance from some academics on these concepts.

In the third stage, the main burden of discussion on the concept of corporate social responsibility has shifted from legal to economic aspects. The main problem was the profitability of social responsibility for doing business. The last, 4th period of formation of social responsibility can be called the period of institutionalization of social responsibility of the enterprise. He had several

directions. First of all, many international companies have developed systems of international social standards that directly or indirectly reflect the requirements of corporate social responsibility. A characteristic feature of the activity of these enterprises was to increase the role of moral and ethical standards of entrepreneurial activity. The most important of them are the Global Compact (2000, a voluntary educational and dialog platform for business organizations, created on the basis of ten globally recognized principles, among which were identified four groups of problems: human rights; the right to work; the environment; the fight against corruption) , Standards for Social Responsibility (developed by the International Organization for Standardization (ISO), in particular ISO 26000. It should be noted that this international standard was prepared with the participation of experts representing the interests of: consumers; employees in; States; industry; non-governmental organizations), AA 1000 Series Standards (developed by the Institute of Social and Ethical Accountability): AA 1000 APS defines the general principles of corporate responsibility; AA-1000 AS - on verification of reports; AA- 1000SES define the rules for stakeholder dialogue).

The GRI system consists of three performance groups, namely: economic (protocols that determine direct influence (consumers, suppliers, staff, sources of capital, public and public sector) and indirect impact); environmental (contains protocols in terms of raw materials, energy, water, biodiversity, emissions, discharges, waste, suppliers, products and services, regulatory compliance, transport); social (protocols that define approaches to work organization, human rights, society, product responsibility) of effectiveness.

Despite the significant impact of the GRI provisions on the domestic sustainable development reporting system, the reporting standards are not fully compliant with these standards, and some companies do not even verify them, which significantly reduces the information content and satisfaction of external and internal users. This state of affairs is due to the lack of an effective mechanism for methodological and accounting and analytical support for sustainable development reporting. Thus, in particular, separate protocols, provided they are made public by an industrial enterprise, are not completely false or the information provided is

irrelevant. That is, internal and external users receive information that does not allow to form a comprehensive vision of the performance of enterprises. To address this issue, it is necessary to develop a mechanism for methodological and accounting and analytical support for sustainable development reporting, which would take into account: information management need; specifics of priority management objects; domestic features of accounting reflection of economic activity of enterprises. Such a mechanism should underpin the development of sustainable development reporting and the formation of management information space.

Within each GRI performance group are available from implementing protocols that determine the nature of the information to be disclosed in the reporting. However, in the absence of a disclosure mechanism, such information is not always complete. Analyzing the peculiarities of disclosure of information in the part of the said protocols by domestic enterprises, it is established that the enterprises do not disclose all the protocols stipulated by GRI. This significantly reduces the quality of information support for management decisions aimed at ensuring an appropriate level of sustainable development. In this regard, the constituents of the procedure for the formation and accounting of the preparation of sustainable development reports have been identified, which is the main new mechanism for the publication of information on business activity of enterprises.

References:

1. Leipziger, D. (2017). The corporate responsibility code book. Routledge.
2. Liang, H., & Renneboog, L. (2017). On the foundations of corporate social responsibility. *The Journal of Finance*, 72(2), 853-910.

Philip Stoyanov

Chief. Assist. PhD

University of National and World Economy – Sofia, Bulgaria

MODELS OF STATE ACTIVITY ON THE DEVELOPMENT OF PUBLIC POLICY OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY

Abstract. *Foreign experience in the formation of national models of corporate social responsibility indicates that state policy in the field of social responsibility regulation is closely linked to socio-economic conditions, cultural traditions and peculiarities of national outlook. The differences between national models of corporate social responsibility are based on such factors as the role of the state in its formation, the degree of openness of public policy, the level of activity of business and the public sector in the implementation of ideas of corporate social responsibility.*

Keywords: *corporate social responsibility, partnership model, sustainable development, multi-stakeholder network, community investment*

In order to conduct a study on the effectiveness and features of corporate social responsibility policy at national level, it is important to investigate the following aspects:

- 1) the content, mission and goals of the national corporate social responsibility development policy;
- 2) state structures responsible for social responsibility policy;
- 3) institutional support from international agreements, participation and building relationships with international institutions in the field of corporate social responsibility;
- 4) regulatory policy in various forms of manifestation;
- 5) the existence and effectiveness of organizational structures created to support corporate social responsibility policies: centralized / decentralized, sectoral / cross-sectoral, multi-stakeholder structures / networks, and the creation of new agencies;
- 6) participants in the process of state regulation of corporate social responsibility;
- 7) socio-economic, political and cultural aspects, as well as the tradition of administration.

The analysis of national policies in the field of corporate social responsibility allows identifying the main areas of manifestation of state policy in the field of corporate social responsibility:

1) public, which includes national corporate social responsibility policies developed by governments to improve their social responsibility based on the desire to follow the example of other countries;

2) public-private, which aims to improve corporate social responsibility business practices;

3) public and public, aimed at improving the level of awareness of stakeholders;

4) Corporate Social Responsibility in the area of relations, which involves directing public policy towards the development of partnerships between stakeholders, business and government.

According to researchers Liang, H., & Renneboog, L. (2017), four types of national corporate social responsibility policies can be identified on the basis of these differences in EU countries:

1) Affiliate (Scandinavian model),

2) community based business (British model),

3) sustainable development and society (model of German-speaking countries and France),

4) Agora (Mediterranean model) (Table 1).

This typology reflects the convergence between governments' approaches and real actions in the area of corporate social responsibility development, as well as between national corporate social responsibility policies and the stakeholders involved.

The partnership model, which is characteristic of Scandinavian countries, is based on establishing close interaction between the state and business. Public-private partnership is seen as an innovative and even a key tool in solving complex social problems. The local government, which is responsible for creating such a partnership, is also deeply involved in the process and therefore promotes the idea of social responsibility between administration, companies and social organizations. Promoting partnerships has become a central idea in the development of corporate social responsibility policy in the Scandinavian countries.

Table 1

Models of government activity for the development of public corporate social responsibility policy in 15 EU countries

Model	Specification	Countries
Partnership	Partnership as a strategy jointly pursued by government sectors to address social and employment problems. Emphasis is placed on the transparency of corporate social responsibility information and the need to follow the positive example of others.	Denmark, Finland, the Netherlands, Sweden
Business in the community	A soft intervention policy that encourages business involvement in government actions aimed at community and private sector development (through entrepreneurship, volunteer services, staff development, start-ups, investments in depressed cities and rural areas).	Ireland, Greater Britain
Sustainable development and citizenship	Modernized version of the current social agreement and emphasis on sustainable development strategies, emphasis on the concept of "corporate citizenship" / Regulatory policy, state support for sustainable development activities	Germany, Austria, Belgium, Luxembourg, France
Agora	Creation of groups to discuss the problems of different participants in the social process in order to achieve social consensus on corporate social responsibility. The state approach to the implementation of corporate social responsibility policy is still in the formative stage (with the exception of Italy).	Italy, Spain, Greece, Portugal

Source: Written by Leipziger, D. (2017)

The "business in the community" model has become widespread in the UK and Ireland. Its characteristic features are the use of soft tools to encourage companies to engage in corporate social responsibility. The idea behind this approach to publicly regulating corporate social responsibility is based on the vision that companies should play a fundamental role in the economic development of the communities in which they operate. On the basis of such an approach, other similar concepts have been developed, such as "investment in the community", "involvement in the community", "reproduction of strategies for less privileged territories". supporting the private sector, reconciling economic and sustainable development, economic recovery, through support and cooperation with the private sector.

The Sustainable Development and Citizenship model has been extended to German-speaking countries and France, and is based on the perspective of companies as "good citizens". Governments, on the basis of the concept of "corporate citizenship," encourage enterprises not only to fulfill their tax obligations and to conduct honest and transparent business, but also to take on obligations above these

state-mandated requirements. The governments of countries using the Sustainable Development and Citizenship model have a long tradition of publicly discussing sustainable development. Also, the governments of Germany, Austria, Belgium, Luxembourg and France are promoting the idea of corporate social responsibility through business support and political awareness and trust initiatives between business and public authorities.

The Agora model is widespread in Mediterranean countries, including Greece, Italy, Portugal and Spain. The level of development of corporate social responsibility in these countries differs significantly: in Italy the process of coordination of government projects on social responsibility of business has already started, and other countries are only at the initial stage of development of this line of activity. The Agora model is based on the results of public discussions of socio-economic problems in order to find a common solution. It is customary to involve business, politicians, and civil society representatives in such discussions. Thus, in the Agora model, the role of public policy in the area of corporate social responsibility has taken the form of a rethinking of the role of business in society, and is based on relative governance and sustainable development.

Separately as part of the European model, they consider the corporate social responsibility model in countries that are new members of the European Union or are just applying for membership. These countries are characterized by a weak involvement of the state in the formulation of corporate social responsibility policies, combined with the strong influence of international institutions in this field; the decisive influence of the legislative and regulatory framework for corporate social responsibility, which is due to the weakness of other mechanisms of development; insufficient activity of public, scientific, educational institutions and mass media on forming a culture of social responsibility in society; the predominant role in the development of corporate social responsibility belongs to international corporations and large national corporations. This sub-model also identifies varieties (Central European, Baltic, Western Balkan) that can, under favorable conditions, be transformed into a single European corporate social responsibility model over time.

References:

1. Leipziger, D. (2017). The corporate responsibility code book. Routledge.
2. Liang, H., & Renneboog, L. (2017). On the foundations of corporate social responsibility. The Journal of Finance, 72(2), 853-910.

Lina Shenderivska

Associate Professor, Ph.D. (Economics),
National Technical University of Ukraine
"Igor Sikorsky Kyiv Polytechnic Institute", Kyiv, Ukraine

INVESTMENT EFFICIENCY ASSESSMENT INDICATORS: CONDITIONS OF THEIR APPLICATION

Abstract. *An investment management approach that provides a structural changes of investment sources is proposed. Profit and profitability indicators are justified as the basic criteria for investment efficiency assessment. The methodological bases of sampling of investment projects are determined to ensure the objectivity of their comparison.*

Key words: *discount rate, discounted net income, investment efficiency, investment planning, the market of innovations.*

INTRODUCTION

The investment activity of the enterprise is a prerequisite for its economic growth, and the achievement of investment efficiency requires a thorough evaluation of them at the stage of investment planning. In general, the evaluation of investment activities is used to solve various economic problems, in particular: justification of the feasibility of implementing an innovative project, the choice of enterprise development strategy from the set of generated alternatives, the assessment of prospective directions of investment of enterprise's free resources, the development of a commercial proposal for potential investors, etc.

At the stage of investment planning, it is necessary to get the most complete and objective information about the market, namely:

- the target market, because the prompt response and satisfaction of consumer needs will provide the enterprise with cash inflows, and thus return on investment;
- the market of innovations, for acquisition of strategic competitive advantages, ensuring of progressive enterprise development;
- the resource market that will allow the company to choose the combination of “quality and price” for the investment object;
- the capital market – to determine the rational structure of investment sources: own funds, borrowed funds, attracted means, budget, grant or charitable.

To use own funds is the most economically feasible, which, unlike borrowing, do not require to pay the usage price. The high cost of loans in Ukraine slows down

the investment development of enterprises at the expense of this source. Nowadays, the grants and charitable resources are becoming more widespread, in this case a thorough work is needed to find donors, business angels and to make professional presentation and promotion of an investment projects. Domestic companies need to adopt the philosophy of attracting different types of investment sources based on their rational combination and attracting progressive forms of investment, in particular leasing.

In order to evaluate the effectiveness of investment activity, two main methods are used – static and dynamic [1, 2]. The static method is based on the calculation of absolute and comparative efficiency. The absolute efficiency of investment characterizes the total value of their return. Comparative efficiency is calculated in order to choose between alternative investment projects.

The estimation of absolute economic efficiency is carried out by the indicator of the payback period for investments:

$$T_c = \frac{I}{P}, \quad (1)$$

I – the volume of investments;

P – net profit for the year.

The payback period calculated for the investment project (T_c) is compared with the regulatory one (T_r). The condition for making a decision on investing a project is the following inequality:

$$T_c < T_r \quad (2)$$

Another indicator that is used to estimate the absolute economic efficiency of investments is the coefficient of investment efficiency (E_i), it is calculated by the formula:

$$E_{i.c} = \frac{P}{I} = \frac{1}{T_c}, \quad (3)$$

Condition for making a decision on investing a project is:

$$E_{i.c} > E_{i.r}, \quad (4)$$

$E_{i,c}$, $E_{i,r}$ – respectively, the estimated and normative coefficients of investment efficiency.

The group of static methods for evaluating investment performance is the comparative efficiency method. It is advisable to apply in a case to choose the most cost-saving investment project. The calculation of the comparative efficiency of investments involves determining the comparative costs (C_c) for the projects that differ in output:

$$C_c = C_u + \frac{E_{i,r} \cdot I}{N}, \quad (5)$$

C_u – cost of accounting unit of production;

N – volume of production, accounting units.

The condition for making a project investment decision is the lowest level of comparative costs. The comparative efficiency method, such as cost-minimizing, can be attributed to progressive approaches to assessing investment performance in the case of comparing high-tech projects and high level of production capacity usage.

In general, it is advisable to use absolute and relative indicators as the criteria for comparing alternative investment projects: absolute is the profit per unit of time, relative is the average profitability of the project per unit of time. The correctness of the use of the profit indicator to compare different in magnitude and duration of investment projects is ensured by bringing it to the average annual value. Profitability is more versatile because it allows eliminating the difference in investment volume and time. In any case, it is methodically correct to compare those investment projects that are compatible with the volume of investment (according to the economic interpretation of the variation indicator – with fluctuations up to 30%); and also given their affiliation to one industry, since the level of return per unit of capital, the capital intensity of different industries may vary substantial.

In today's highly volatile economy, the dynamic method of assessing investment performance is more relevant because it takes into account the change in the value of money over time, that is, discounting. The essence of discounting is to bring all cash flows to one time (the base period). For this purpose the discount factor is applied, it is reversed to the calculation of compound interest on the deposit:

$$d = \frac{1}{(1+r)^n} \quad (6)$$

r – discount rate;

n – period.

The main indicators of the dynamic method include:

Discounted Net Income;

Profitability Index;

Internal Rate of Return.

Discounted Net Income (DNI) is calculated by the formula:

$$DNI = NPV - I_d \quad (7)$$

Net Present Value:

$$NPV = \frac{CF}{(1+r)^n} \quad (8)$$

CF – cash flow;

I_d – discounted investments.

If the $DNI > 0$, the project should be accepted for implementation. If $DNI = 0$, $DNI < 0$, the project should be rejected because it will not bring additional capital investment to the investor.

Profitability Index (P_I) is calculated by the formula:

$$P_I = \frac{NPV}{I_d} \quad (9)$$

If $P_I > 1$, the investment project is effective. The Profitability Index can be used to compare several alternative projects.

In the group of indicators of the dynamic method of assessing investment performance, it is also appropriate to distinguish the Internal Rate of Return. Internal Rate of Return (IRR) is the rate at which the Discounted Net Income (DNI) is zero. This is possible if the Net Present Value equals the amount of the investment. The indicator (IRR) applies if it is not possible to reasonably choose an annual discount rate.

Stages of calculation of Internal Rate of Return as follows:

1. Choose two discount rates where the Discounted Net Income changes from positive to negative.

2. In the interval of the specified discount rates, the Internal Rate of Return is calculated:

$$IRR = r_1 + DNI_1 \frac{r_2 - r_1}{DNI_1 - DNI_2}, \quad (10)$$

DNI_1, DNI_2 – Discounted Net Income, respectively, is positive and negative;

r_1, r_2 – discount rates that provide, respectively, the positive and negative value of Discounted Net Income.

If the investor is satisfied with the Internal Rate of Return at the level obtained by the results of the calculations, then the project is accepted for implementation. An investor may set a minimum Internal Rate of Return as a benchmark.

The choice of investment efficiency assessment indicators depends on benchmarks of investor, the industry particularities (average profit margin, investment attractiveness, innovation activity, technological features, pace of development, capital intensity, business scale, degree of integration, etc.), investment object – permanent establishment or startup. Regardless of which method of investment performance evaluation is chosen – static or dynamic, it is necessary to thoroughly study the market, to calculate several options (scenarios) of the investment project, which will increase the degree of validity of the investment decision.

References:

1. Dmytriiev, I. A., Levchenko, Ya. S. (2018) Otsinka i zabezpechennia investytsiinoi pryvabyvosti pidpriemstva v konteksti rehionalnoho rozvytku (na prykladi pidpriemstv avtomobilnoho transportu). Kharkiv: Brovin O. V., 267 p.
2. Yakovliev, A. I. (2017) Metodyka vyznachennia efektyvnosti investytsii, innovatsii, hospodarskykh rishen v suchasnykh umovakh. Vyd. 2-he, pererobl. i dopov. Kharkiv: Pidruch. NTU «KhPI», 99 p.

PRODUCTIVE FORCES DEVELOPMENT AND REGIONAL ECONOMY

Kolodynskyi S.B.,

Doctor of Economics, Associate Professor

Odessa State Academy of Civil Engineering and Architecture

Zakharchenko O.V.,

PhD, Associate Professor

Odessa State Academy of Civil Engineering and Architecture

Babiy O.N.

PhD, Associate Professor

Odessa National Economic University

INNOVATIVE ACTIVITY STRATEGY OF REGIONAL ECONOMIC SYSTEMS

Abstract. *Modern regional economic systems require a radical change in the strategy of innovative development, which, among other strategies, acquires a special meaning and needs to identify its features and priorities in the implementation of the directions of development of regional systems. The innovation activity strategy should be decisive among other strategies and should be designed to change the technical and technological base of regions, to influence information resources of a certain type of economic development and not only to technological upgrading, but also to a fundamental change in the entire resource base of the region in which priority will be provided with the latest developments in the high-tech field. Identify the peculiarities of the strategy of innovation activity of regional economic systems, indicate the purpose of such strategy, its means and tools for practical implementation and outline the possible expected results in the near future.*

Keywords: *innovation strategy, regional economic systems, active reaction to innovation.*

Ukraine's economy needs radical structural changes that would help to achieve optimal proportions of its structure and ensure its socio-economic efficiency. The most powerful source of economic development of the country, its economic potential is scientific and technological progress, which is based on the intellectual resources of the country, the state of its research sphere, the technical structure of production. The accumulation of the scientific component, which is reflected at all levels of production, in all its components, becomes a leading factor for its rapid and dynamic growth, highly raising the competitiveness of Ukrainian products in world markets.

Ukraine's national interests require immediate and effective measures aimed at maintaining its scientific and technological potential, ensuring effective use of innovative management to overcome crisis in economic and social development.

Today, in Ukraine, the starting scientific and technical potential that it received in the descendants of the Soviet Union is gradually disappearing. According to

domestic scientists, such as Denisyuk V., Gerasymchuk Z.V., Strykha M.V. and Yaremenko L., [1,2,3,4] the main cause of the gradual damping of economic transformations, the decline in the growth rate of the gross domestic product is not only the global economic crisis affecting the economies of all countries of the world, but first of all, scientific and technological stagnation in productive spheres of economy, reduction of production volumes, reduction of the number of jobs, mass emigration of the population, and as a result, the loss of Ukraine a worthy place among the countries that are moving along the path of market reforms and are leading in the volume of scientific and technical development. One, according to Strykha M.V. in his work "Strategy of innovative development of Ukraine for 2010-2020 in the context of globalization challenges", the main reasons are the lack of modern innovation management, which in the context of increasing the integration role of regional economies, strengthening the levers of regional self-development, should be aimed at increasing innovation in key areas of production. And in the work of Rud N.T. "Factors of post-industrial development of the regional economy" [5, p.21-28] proposes a schematic model of the organization of regional innovation system, which should function in the conditions of decentralization of regional structures of the economy of the country and strengthening their independence.

An important direction of structural changes, especially in the Ukrainian manufacturing sphere, is structural restructuring, a significant transition to the growth of intellectual, knowledge-intensive industries, resource-saving and energy-efficient modern technologies, the use of scientific and technological achievements. For this purpose it is necessary to put the organizational structure of innovative management in accordance with those processes that take place in the production spheres, to achieve the identity and synchronicity of actions of all structural elements of the socio-economic system of the country.

Management of innovation development should be carried out by influencing certain factors of structural schemes, ie on the properties and elements of the object of control in general, the properties of all constituent elements of the system, their relations with other elements of this system, as well as the connection of the object of control with the environment. The very process of influencing these or other

management factors relates to complex instruments - management methods and management resources.

At the same time, the ability of regional innovation structures to reproduce, accumulate and effectively use their resources is a category that can be attributed to management factors. Since the object of innovation management has the qualities of integrity, the change in the state of one or another factor under the influence of a management action, which leads to a change in the state of the object of management - innovation, as a whole, and its individual components. In order to simplify the decision-making process in the innovation management process, it is necessary to separate the management object into its structural components, but without breaking the internal dialectical relations between its components.

Each regional scientific and technological production system can be represented as a complex set of elements that can dissolve into several less complex objects:

- the scientific and technical level of the production process, the improvement of which is the purpose of management, which is achieved through the introduction of scientific and technological innovations;
- processes of scientific and technological development that realize the development goals act as a set of interconnected innovation fields that are integrated into the regional space;
- the production system of a region whose state is changing as a result of scientific and technological development is a highly dynamic and integral structure;
- structural elements or subsystems of a lower-order managed entity are subcontracted to higher-order structures.

Since the object of management is a complex set of socio-economic and scientific-technical relations that create a coherent system, to form the same coherent mechanism for managing such a system, it is necessary not to identify individual factors of influence, but the whole system of system management factors, different in their origin and composition of the instruments. The composition and structure of the management system is determined on the basis of the following principles:

- the system set of management factors is the image of the management object and its external environment;
- the system of governance factors has external, internal and hierarchical structures: the external structure reflects the interrelation of internal and external factors, the internal structure reflects the interrelation of internal factors with each other, hierarchical structure - the subordination of all factors;
- the importance of management factors is determined by management goals: there are a number of priority factors to achieve a specific goal. This approach allows to use for the detection of the composition and structure of the system of factors the apparatus of logical structural analysis of systems, rules for its construction and illumination of sources of active influence on systems [2, p.56-78].

The need for active integration of the factors of innovation management into a complex system and active forms of their management is confirmed by research and accumulated experience of world management. Many worlds, first of all, American companies did not receive a high return on the number of innovative developments that were invested in equipping, updating and automation of innovation processes for a long time in the development of innovative systems, entering the markets of innovative products. This state of affairs was explained by the low interest of employees in the results of their work, poor productivity, which did not grow for a long time, and the workers performed traditional technological processes on the new equipment. It has been suggested to raise productivity through its new organization, new forms of management, such as the Taylor system, which has had better effects in the coming times. There are several points that explain this situation:

The first is to channel innovation into production systems with low efficiency: when the production organization is low, the quality of production is low, the staff does not have a sufficiently high level of qualification and is not responsible for the work performed, even the most modern equipment will ensure productivity growth and its effectiveness.

Secondly, innovations aimed at poorly organized production do not produce the expected results due to the creation of decomposite conditions for their

coexistence and comparison. Only after the rationalization of operations within the system itself can we expect their compositional interconnection.

Third, innovation tends to be directed towards the implementation of labor and resource-saving technologies, while reducing labor costs, while material and stock-saving technologies, with an efficient computer-based management system, are more important.

Fourth, sophisticated and flexible production equipment is used for the most part not for its intended purpose, and sometimes where less expensive and valuable equipment can be used [3, p.121-135].

These arguments confirm the need for the formation of a system of factors for managing the scientific and technological development of production and the formation of a number of better, more predictable factors that will be consistent with the defined management goals, that is, along with innovation, to form rational forms of innovative management.

We propose to deploy at the regional level the process of innovation transformation by a schematic model, which should be presented as a sequence of interrelated steps of creating a coherent regional innovation system [5, p.21-30].

At the first stage of creation of the regional innovation system, the nucleus of the innovation system of the region is formed, which will be created at the expense of the existing in the system of a set of research and development institutes, research laboratories, higher educational establishments and other state and non-state research structures, which actively engaged in exploration and innovation.

References:

1. Denisyuk V. Development of innovative territorial structures as an important component Ukrainian Innovation System / V. Denysyuk // Economic Journal. - 2013. № 7-8. - P. 43-47.
2. Gerasymchuk Z.V. Innovation infrastructure of the region: methodology of formation and development / Z.V. Gerasimchuk // Current problems of economy. - 2010. - № 3 (105). - P. 197-207.
3. Strikha M.V. Strategy of innovative development of Ukraine for 2010-2020 in the conditions of globalization challenges: collection / M.V. Strykha, V.S. Shovkalyuk, T.V. Borovich et al. –K.: Prokbiznes, 2009.-40p.
4. Yaremko L. Regional innovation system / L. Yaremko // Regional Economics. - 2016. - No. 3. - P. 103-112.
5. Rud N.T. Factors of post-industrial development of the region's economy / N.T. Rud // Regional Business Economics and Management. - 2010. - No. 2 (26). - pp. 21-30.

Kondrova A.E.

PhD of Geography, Associate Professor,
Moscow Pedagogical State University, Russia

THE MAIN PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE NETWORK OF RAILWAY TRANSPORT OF RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

Кондрова А.Е.

к.г.н., доцент

Московский педагогический государственный университет, Россия

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕТИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Abstract. *This article presents a characteristic of the functioning of railway transport in Russia at the present stage, highlights the main problems of its development, taking into account the territorial and economic potential of the regions of our country; analyzed changes in the transport network of Russia in its different directions.*

Keywords: *railway transport, freight turnover, passenger turnover, transport system, regional problems, transport lines.*

Аннотация. *В данной статье представлена характеристика функционирования железнодорожного транспорта России на современном этапе, выделены основные проблемы его развития с учетом территориальных и экономических возможностей регионов нашей страны; проанализированы изменения транспортной сети России по разным ее направлениям.*

Ключевые слова: *железнодорожный транспорт, грузооборот, пассажирооборот, транспортная система, региональные проблемы, транспортные магистрали.*

Железнодорожный транспорт России в силу исторических тенденций и географических особенностей занимает ведущее место в отечественной транспортной системе, принимая на себя, в частности, львиную долю отечественного грузо- и пассажирооборота, является связующим звеном единой экономической системы, обеспечивает стабильную деятельность промышленных предприятий, своевременный подвоз жизненно важных грузов в самые отдаленные уголки страны, а также является самым доступным транспортом для миллионов граждан. Поэтому изучения современного состояния железных дорог играет значительную роль для всей страны.

На современном этапе в России можно выделить следующие проблемы развития железнодорожного транспорта:

1. Проблема диспропорции в развитии железнодорожного транспорта связана с исторически сложившейся неравномерностью железнодорожных путей на европейской и азиатской территориях страны. В европейской части страны четверть железных дорог перегружены, тогда как в некоторых регионах они практически отсутствуют (на Дальнем Востоке - в Чукотском автономном округе и Камчатском крае, в Северо-западном федеральном округе - в Ненецком автономном округе, в Сибирском федеральном округе - в республиках Алтай и Тыва, Магаданской области) [4]. Отсутствие дорог в этих регионах объясняется незначительным количеством населения, однако здесь сосредоточен большой запас природных ресурсов, к которым можно было бы провести дороги для вывоза груза.

Преобладающее значение магистралей в России имеют два направления: южное, меридиональное - от Москвы по Курскому направлению и восточное, широтное - от Москвы через Поволжье на Урал и Сибирь [9]. В этих направлениях существуют проблемы изношенности железнодорожных полотен, а также перегруза систем. Следствием этого является сокращение протяжённости маршрутов. [1]

2. Проблема нехватки меридиональных железнодорожных магистралей также имеет исторические корни, поскольку восточнее Урала строили широтные железнодорожные магистрали для связи европейской части России с азиатской, поэтому сейчас практически отсутствуют связи север-юг, связи сырьевых и промышленных районов. Как следствие, это привело к появлению промышленных тупиковых узлов. Сейчас эту проблему пытаются решить строительством меридиональных магистралей.

На данный момент в азиатской России существует только одна крупная магистраль, идущая с юга на север: Тюмень - Новый Уренгой. От неё отходит ветка Ульт-Ягун - Нижневартовск. По этой магистрали ОАО «РЖД» к 2030 году планирует провести ещё одну ветку от Салыма к Ханты-Мансийску. В 2007 году в Красноярском крае началось также строительство железнодорожной ветки Карабула - Ярки - первый участок СевСиб. [3]

Предполагается, что часть грузопотоков с Западно-Сибирской железнодорожной магистрали будет переведена на Севсиб, что частично сможет решить проблему перегруза дорожной сети.

Существует ещё один проект, связанный с магистралью Тюмень - Новый Уренгой - это путь до Норильска. На данный момент имеется изолированная железнодорожная сеть - Норильская железная дорога, соединяющая Дудинку, Норильск и Талнах. Другими словами, она соединяет филиал горно-металлургической компании «Норильский никель», рудники Талнаха и порт в Дудинке, всё вместе это образует промышленный район Норильска по добыче и производству цветных металлов.

В Сибири также планируется создать меридиональный путь, соединить БАМ и Транссибирскую магистраль, создав ветку из Могзона (Забайкальский край) в Новый Уоян длиной 700 км [3]. Таким образом не только появится соединительная дорога между магистралями, не имеющими связи на протяжении более чем 2000 км, но и образуется удобный путь к Озёрному свинцово-цинковому месторождению.

Реализация этих проектов даст начало решения проблемы малого количества меридиональных путей, особенно на севере европейской части России, пока же проблема остаётся актуальной.

3. Проблема отсутствия транспортной целостности страны вытекает из проблемы диспропорции в развитии железнодорожного транспорта между Европейской и азиатской частями России.

Железнодорожные пути проходят только по югу Азии, они имеют большую протяжённость и невысокую плотность. В южной части сосредоточена большая часть населения азиатской части России, проведены крупнейшие автомагистрали и находятся промышленные предприятия, дающие ресурс и работу местному населению.

Однако за пределами Транссиба и БАМа расположены крупные города-столицы регионов: Якутск, Магадан, Петропавловск-Камчатский; города-порты: Певек, Анадырь, и другие.

Строительство железной дороги здесь сыграло бы огромную роль в процветании территории и, возможно, приостановило бы депопуляцию в регионах севера Сибири и Дальнего Востока. Дорога соединила бы европейскую часть России с самыми отдалёнными обжитыми северными областями России, и сделала бы страну целостной.

В Стратегию развития железнодорожного транспорта РФ до 2030 года входит план по сооружению магистрали Правая Лена - Уэлен. Этот путь должен в итоге соединить Чукотку с Аляской через мост в Беринговом проливе. Естественно, это произойдёт при сотрудничестве с США и Канадой, иначе путь до Уэлена будет России не выгоден. Если строительство магистрали всё же произойдёт, она станет частью единой глобальной сухопутной транспортной сети и объединит четыре континента: Евразию, Северную Америку, Южную Америку и Африку, препятствием на пути к формированию которой является отсутствие связи транспортных и энергетических систем Евразии и Америки. Начальной точкой дороги станет город Томмот, конечной - село Уэлен, длина её составит 3967 км. Среди препятствий для строительства значатся суровый климат (путь лежит через “полюса холода”, где зафиксированы минимальные зимние температуры до -70 градусов), вечная мерзлота, сложный рельеф местности (множество горных хребтов, расщеченных реками). [5]

Существует территория, не связанная с остальной частью страны подконтрольной России железнодорожной сетью - Калининградская область. Железнодорожное сообщение с областью осуществляется через территории Беларуси и Литвы и зависит от тарифной политики их железных дорог. Это сказывается на стоимости доставки грузов. Эту проблему хотят решить перебросом грузов на другие виды транспорта. В частности, решается вопрос развития паромной линии Балтийск - Усть-Луга.

4. Проблема отсутствия связи с портами Северного Ледовитого и Тихого океанов

Для полноценного экономического развития страны все транспортные системы должны быть связаны между собой. Железнодорожный транспорт - самый удобный для грузоперевозок на большие расстояния, и порты Северного

морского пути давно нуждаются в нём. Пока железные дороги проведены только к крупным портовым городам - к Мурманску, Архангельску и Владивостоку. ОАО «РЖД» намеревается провести пути к менее значимым портам. Они не входят в Северный морской путь, но проведение к ним железных дорог главным образом повлияет на их развитие. К тому же эти магистрали имеют меридиональное направление и проходят через сырьевые базы природных ископаемых. Первая такая магистраль пройдёт от Салехарда по полуострову Ямал до побережья Карского моря в посёлке Харасавэй.

Основное назначение — доставка грузов для освоения Бованенковского нефтегазоконденсатного месторождения и Харасавэйского газоконденсатного месторождения.

Таким образом, благодаря строительству Севсиба и новых ханты-мансийских дорог решится проблема вывоза сырья из труднодоступных районов страны - проблема, наиболее актуальная на данный момент.

Баренцкомур - магистраль длиной 612 км, которая соединит Индигу, Сосногорск, Троицко-Печорск, Полуночное и Сургут. В Индиге будут созданы морской порт, который сможет принимать крупнотоннажные суда дедвейтом от 150 до 300 тысяч тонн и стационарный нефтяной терминал, который позволит ежегодно отгружать на экспорт до 30 млн тонн нефти из нефтегазоносных месторождений республики Коми и Ненецкого автономного округа (Тимано-Печорская нефтегазоносная провинция). [7]

5. Проблема перегруза транспортных систем также имеет исторический контекст. Транссибирская магистраль дала когда-то возможность перевозить грузы из Европы во Владивосток без использования паромных переправ. Это стало прорывом в экономике для Российской империи. При строительстве образовалось много городов и поселений: Могоча, Анжеро-Судженск, Биробиджан и другие. И сейчас БАМ и Транссибирская магистраль имеют огромное значение для страны. Эти пути не устарели и развиваются, и их актуальность видят не только в России, но и за рубежом. [6]

Так, в Японии предложили план по продлению Транссибирской железнодорожной магистрали до острова Хоккайдо под названием “План

евразийской железнодорожной переправы”. Этот путь должен пройти через остров Сахалин, в частности, через город Южно-Сахалинск, для этого потребуется провести два подводных тоннеля или надводных моста через Татарский пролив, который соединяет материк и о. Сахалин, и пролив Лаперуза, соединяющий о. Сахалин и о. Хоккайдо. Этот путь позволит Японии иметь сухопутную связь с материком, а России даст дополнительную возможность развития Дальневосточного региона. [2]

Но не только Транссиб и БАМ имеют проблему перегруза. Четверть железных дорог в центральных регионах страны работают в режиме, который превышает оптимальный уровень загрузки. Самые загруженные участки сейчас, согласно статистике РЖД, это пути от Кузбасса до балтийских, черноморских и дальневосточных портов: Кузбасс – Северо-Запад, Кузбасс – Азово-Черноморский бассейн, Кузбасс – Дальний Восток [6]. Из этого можно сделать вывод, что наибольший ущерб от перегрузки систем получают угольные компании.

В наше время всё усовершенствование европейских железнодорожных путей связано с увеличением числа пропускной способности. Для этого строят скоростные дороги и дороги в обход старых трасс.

В данный момент азиатская часть страны нуждается в соединительных трассах БАМа и Транссиба и доступе к новым месторождениям полезных ископаемых. Россия имеет вытянутую форму с запада на восток и транспортные системы повторяют эту форму. Их строят, в основном, в широтном направлении. По этой причине в стране мало меридиональных дорог. Также в стране не все важные порты имеют связь с железными дорогами, что тоже является проблемой, так как железнодорожный транспорт - самый быстрый после авиатранспорта, и их взаимосвязь будет выгодна для развития как железнодорожного транспорта, так и морского.

Итак, железнодорожная отрасль имеет ряд проблем, которые трудно решить в короткий срок и без вложения серьёзных средств. Необходимо не только преодолеть нарастающий износ основных фондов, но и обеспечить условия для создания новой для России инфраструктуры высокоскоростного

сообщения, для начала в европейской части страны. Кроме того, нужно обеспечить транспортную доступность новых мало обжитых территорий страны.

Для развития и модернизации данной отрасли критически необходимо привлечение значительных инвестиционных ресурсов, которых пока нет. Следовательно, вопрос о будущем железнодорожного транспорта в России остается открытым.

Литература:

1. Aksenov I.Ya. Unified transport system: Textbook for universities // M.: Higher School, 1991.
2. Kanev G. Big Ural should have access to the sea // Science of the Urals (1997-1998).
3. Penkovskaya N.A. Since January 1, some electric trains stopped running in Transbaikalia // Komsomolskaya Pravda, 1/13/15.
4. Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation. 2017: Stat. Sat / Rosstat. - M., 2017. - 751 p.
5. Strategy of development of railway transport in the Russian Federation until 2030 // <https://www.mintrans.ru/documents/1/1010>
6. Tarkhov S.A. - Evolutionary morphology of transport networks. - Smolensk — Moscow: Universum, 2005. - 384 seconds
7. Transport and communications in Russia. 2016: Stat.sb./ Rosstat. - T65 M., 2016. - 112 p.
8. Ugryumov O. // Chronicle of the Northern Highway: from the XIX century to the XXI century. - Yaroslavl, 2008. - P. 142-155, 158-169.
9. Uzdin M.M. Railways: General course. - M.: Transport, 1991

ACCOUNTING, ANALYSIS AND AUDIT

Lutsyk Yuliia

Ph.D. in Ec., Ass. Prof. of the Department of Economics and Financial Provision,
Institute of Operational Provision and Logistics,
Ivan Chernyakhovsky National Defense University

RISK-ORIENTED CHARACTER OF MODERN INTERNAL AUDIT

Луцик Ю.О.

к.е.н., доцент кафедри економіки та фінансового забезпечення
Інституту оперативного забезпечення та логістики
Національного університету оборони імені Івана Черняхівського

РИЗИК-ОРІЄНТОВАНИЙ ХАРАКТЕР СУЧАСНОГО ВНУТРІШНЬОГО АУДИТУ

Abstract. *The article studies the role of internal audit within the internal control and risk management system.*

It is proved that internal audit is an activity of providing independent and objective guarantees and consultations, based on systematic and consistent study, evaluation and improvement of risk management processes, in order to improve the organization's activities and achieve the goals set by public sector entities. However, like any activity, it has its own risk system that needs to be studied and taken into consideration.

Key words: *risks, internal audit, internal control, risk management, public sector.*

Анотація. *У статті розглянуто питання ролі внутрішнього аудиту в системі внутрішнього контролю і управління ризиками.*

Доведено, що внутрішній аудит – це діяльність з надання незалежних та об'єктивних гарантій і консультацій, побудованих на систематизованому і послідовному вивченні, оцінці і підвищенні ефективності процесів управління ризиками, з метою вдосконалення діяльності організації та досягнення поставлених цілей суб'єктами державного сектору. Однак, як і будь-яка діяльність має свою систему ризиків, яку так само необхідно вивчати і враховувати.

Ключові слова: *ризик, внутрішній аудит, внутрішній контроль, управління ризиками, державний сектор.*

Внутрішнім аудитом є діяльність підрозділу внутрішнього аудиту в бюджетній установі, спрямована на удосконалення системи управління, запобігання фактам незаконного, неефективного та не результативного використання бюджетних коштів, виникненню помилок чи інших недоліків у діяльності бюджетної установи та підвідомчих їй бюджетних установ, поліпшення стану внутрішнього контролю. Внутрішній аудит є діяльністю з надання незалежних та об'єктивних гарантій і консультацій, спрямованих на поліпшення функціонування організації. Внутрішній аудит допомагає

організації досягти поставлених цілей, використовуючи систематизований і послідовний підхід до оцінки системи управління ризиками.

Реалізація такої діяльності передбачає створення в державному секторі функціонально незалежного підрозділу внутрішнього аудиту. Основні засади здійснення внутрішнього аудиту та порядок утворення підрозділів внутрішнього аудиту визначаються Кабінетом Міністрів України.

На сучасному етапі, виникає природне бажання мати впевненість у майбутньому, що спонукає до стрімкого розвитку аудиторської діяльності як незалежному професійному контролю. Аудитор уособлює в собі арбітра, який надає гарантій і впевненість щодо ефективності функціонування організації.

Однак, проведення аудиту завжди супроводжується певним ризиком. І в даному випадку аудитор повинен чітко розуміти, у чому полягає аудиторський ризик, його суть, складові частини, процес його визначення і максимально припустимий рівень.

Загалом під час планування аудиторської діяльності, аудитору необхідно оцінити як зовнішні так і внутрішні аспекти, які впливають на діяльність установи і можуть зашкодити досягненню установою стратегічно важливих цілей. Так, при плануванні проведення аудиту, береться до уваги система управління ризиків, що застосовується в установі.

Інакше кажучи аудитору необхідно оцінити існуючу в організації систему внутрішнього контролю, переконатися в фактичній наявності системи, її існуванні і належному виконанні. Для цього необхідно вивчити структуру внутрішнього контролю. Відповідно оцінці підлягають всі елементи системи внутрішнього контролю, так як вони взаємопов'язані і стосуються всієї фінансової і нефінансової діяльності установи: внутрішнє середовище, управління ризиками, заходи контролю, інформація та комунікація, моніторинг.

Ефективність системи внутрішнього контролю та процесу управління ризиками надає керівництву установи обґрунтовану гарантію того, що вони володіють інформацією про те, якою мірою досягнуті стратегічні й операційні цілі, а також того, що звітність установи є достовірною, а відповідні положення законодавчих і нормативних актів дотримуються.

У разі відсутності системи управління ризиками – застосовується власне судження про ризики після консультацій, проведених з керівництвом установи та працівниками.

Відповідно вже на етапі планування своєї діяльності може виникнути певний відсоток ризику відносно правильності наряду аудиту, теми дослідження і обсягу аудиторського завдання.

В чому ж полягає аудиторський ризик? Яка його суть? Необхідно дати відповідь на дані питання для того, щоб усвідомити й оцінити вирішальне значення визначення аудиторського ризику для належного виконання аудитором своїх професійних обов'язків з найменшою вірогідністю припущення помилок та неточностей у роботі, забезпечення найбільшої ефективності.

Розглянемо дане питання на прикладі вивчення і аналізу системи бухгалтерського обліку. Аудитор в ході аудиторського дослідження повинен вивчити характер діяльності установи або організації, яка перевіряється, підняти накази про організацію облікової політики і бухгалтерського обліку, переглянути затверджений графік документооборту. Тим самим вивчити систему бухгалтерського обліку, яка застосовується. Крім того, необхідно звернути увагу на склад і кваліфікацію персоналу бухгалтерської служби, особливо головного бухгалтера, посадові інструкції і розподіл функціональних обов'язків між працівниками бухгалтерії.

В даному випадку ризик полягає в тому, що незавжди можливо своєчасно виявити помилки, припущені внаслідок документування господарських операцій, неправильного відображення їх в реєстрах бухгалтерського обліку та складання фінансової звітності. Інакше кажучи, це означає, що система обліку не є ефективною і повністю надійною. Оцінка такого ризику особливо важлива для аудиторів, так як система бухгалтерського обліку відповідає за суцільну реєстрацію всіх фактів фінансово-господарської діяльності.

Перед бухгалтером поставлено завдання щодо правильності ведення бухгалтерського обліку в ситуації, коли часто змінюється законодавство, нормативні інструкції, що потребує великої уваги, сумлінності, збільшує обсяг

облікових робіт і зумовлює можливість припущення помилок внаслідок як недостатнього розуміння суті, так і звичайних арифметичних неточностей, пропусків інформації. Звісно, неякісно відпрацьовані первинні документи або господарські операції потрапляють до показників фінансової звітності і призводять до викривлення інформації, що створює оманливе враження про суб'єкт господарювання. І в даному випадку, перетворення даних звітності в неконкретні, невизначені і неправильні показники, впливає на можливість отримання аудитором висновків, які протирічать дійсності. Відповідно всі ці аспекти посилюють і збільшують ризики невірному судженню аудитора, тим самим створюючи підстави для наступної відповідальності за якість роботи.

Таким чином, можна стверджувати, що аудиторський ризик присутній майже на всіх етапах діяльності і не є величиною сталою. Його значення може змінюватись, коригуватися у ході проведення аудиторського дослідження. Відповідно це може негативно вплинути як на якість послуг внаслідок недооцінки значущості інформації, так і на репутацію аудитора. Відповідно аудиторська діяльність, як і будь-яка інша має свою систему ризиків, яку так само необхідно вивчати, враховувати і вчасно реагувати. Що у будь-якому разі, вимагає від аудиторів глибокого знання міжнародних та національних стандартів, достатнього професійного досвіду і ретельного планування своєї діяльності.

Література:

1. Бюджетний кодекс України Глава 4 стаття 26 та 111 Контроль та аудит у бюджетних установах (встановлено основні засади організації та здійснення внутрішнього аудиту, а також контролю за їх станом);
2. Постанова Кабінету Міністрів України від 28 вересня 2011р. № 1001 “Деякі питання здійснення внутрішнього аудиту та утворення підрозділів внутрішнього аудиту”
3. Наказ Міністерства фінансів України від 29.09.2011р. №1217 “Кодекс етики працівників підрозділу внутрішнього аудиту”
4. Наказ Міністерства фінансів України від 04.10.2011р. №1247 “Стандарти внутрішнього аудиту”
5. Про бухгалтерський облік та фінансову звітність в Україні : Закон України від 16.07.1999 р. № 996-XIV, зі змінами та доповненнями [Електронний ресурс]. – Режим доступу:<http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/996-14>.

MATHEMATICAL METHODS IN ECONOMY

Vasil Bozev

Chief Assistant, Ph.D.,

Department of Statistics and Econometrics

University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria

STATISTICAL STUDY OF THE PROFILE OF THE COMPANIES APPLYING COST-BASED PRICING STRATEGY AND OPERATING IN BULGARIA

Abstract: *This report aims to suggest the major indicators for profiling of the companies applying cost-based pricing strategy and operating in Bulgaria. The profiling is done based on cluster analysis and in order to differentiate qualitatively homogeneous groups. It is the characteristics of these homogeneous groups which are of interest to this report.*

Key words: *cost-based pricing, company profiling, cluster analysis*

INTRODUCTION

Three major pricing strategies have established in companies' pricing practice: cost-based pricing, competition-based pricing and value-based pricing. No matter which pricing strategy a company will choose, it should take costs into account (Netseva-Porcheva, 2011, p. 309). With this regard the study presents the results from an online survey carried out with 200 CEOs/marketing directors/managers of companies for the period July-August 2017¹. Of them 51% have indicated that they apply cost-based strategy, the strategy on which the present report is focused on.

Cost-based pricing strategy is based on production and realisation costs. Its advantages are that it is easy to apply, the company has the necessary input information (costs and profit) for its use, higher costs in a situation of competition are an incentive for the introduction of technological innovations in product manufacturing, etc. Its main disadvantage is that it ignores the market conditions of demand and competition.

The choice of indicators for company profiling is based on two reasons: first, the previous research of scholars working in this field and, second, respondents' opinions.

¹ The results presented in this article are part of a scientific study called „Profiling of the companies operating in Bulgaria in terms of pricing strategies“ and financed by the Research and Development Fund of UNWE, agreement № R&D ScR-16/2017

The list of company profiling criteria in this study includes: company status (Bulgarian or foreign) (X1), kind of products (tangible products or services) (X2), kind of consumers (B2C or B2B) (X3), price level of the main product (X4), novelty degree of the new products that are being developed (X5), senior management attitude toward risk (X6), investment (X7), market share based on the sales volume of the main product (X8), sales revenue (X9), financial result reported for the last calendar year (profit or loss) (X10), level of company profit (X11) and number of employees (X12).

A company profile is made within each strategy with the use of cluster analysis. Seven hierarchical and one non-hierarchical (K-means cluster) clusterisation methods have been tested (Naidenov, 2016). The number of clusters for each strategy is determined based on a cluster dendrogram (Katrandjiev, 2011). The best clusterisation method within a strategy is chosen based on the highest amount derived from its contingency coefficients with other methods (Goev et al., 2019). After the choice of a clusterisation method, a statistical check of the hypotheses is done (Jelev, 2008; Nestorov, 2012) in terms of the criteria applied for the preparation of the profiles through Kruskal-Wallis test, which checks for a statistically significant difference between the homogeneous groups by a given criterion.

SURVEY RESULTS

Eight clusterisation methods were studied for this purpose and the choice of the best one was based on the highest cumulative value of the contingency coefficients of the corresponding strategy. The results from the cumulative value of the contingency coefficients are presented in Table 1.

There are three most appropriate methods (Average Linkage (Between Groups), Median Method, Ward Method) whose profile coincides completely. Since clusterisation methods are of little importance here, we have chosen the Average Linkage Method (Between Groups).

After the choice of the most appropriate clusterisation method, the criteria influencing the profile preparation are presented in Table 2.

Table 1

Choice of the best method for preparation of company profiles based on the cumulative value of the contingency coefficients

	<i>Average Linkage (Between Groups)</i>	<i>Average Linkage (Within Group)</i>	<i>Single Linkage</i>	<i>Complete Linkage</i>	<i>Centroid Method</i>	<i>Median Method</i>	<i>Ward Method</i>	<i>K-means Cluster (2 clusters)</i>	SUM
<i>Average Linkage (Between Groups)</i>		0,691	0,347	0,547	0,252	0,707	0,707	0,139	3,390
<i>Average Linkage (Within Group)</i>	0,691		0,166	0,530	0,036	0,691	0,691	0,163	2,968
<i>Single Linkage</i>	0,347	0,166		0,235	0,575	0,347	0,347	0,091	2,108
<i>Complete Linkage</i>	0,547	0,530	0,235		0,168	0,547	0,547	0,299	2,873
<i>Centroid Method</i>	0,252	0,036	0,575	0,168		0,252	0,252	0,064	1,599
<i>Median Method</i>	0,707	0,691	0,347	0,547	0,252		0,707	0,139	3,390
<i>Ward Method</i>	0,707	0,691	0,347	0,547	0,252	0,707		0,139	3,390
<i>K-means Cluster (2 clusters)</i>	0,139	0,163	0,091	0,299	0,064	0,139	0,139		1,034

Source: Author calculations

Table 2

Criteria of greatest importance for the profile preparation based on the Kruskal-Wallis H test

	Profiling criteria	Average Linkage (Between Groups)	Median Method	Ward Method
1	X1			
2	X2			
3	X3			
4	X4	✓	✓	✓
5	X5			
6	X6	✓	✓	✓
7	X7			
8	X8	✓	✓	✓
9	X9			
10	X10	✓	✓	✓
11	X11	✓	✓	✓
12	X12			

Source: Developed by the author

The three clusterisation methods lead to the same results. It can be concluded that the most important criteria are price level of the main product, senior management attitude toward risk, market share based on the sales volume of the main product, financial result reported for the last calendar year (profit or loss) and level of company profit.

The number of clusters is determined based on a cluster dendrogram. After the clusterisation of the companies that have adopted cost-based pricing, the set is divided to two subsamples (Figure 1).

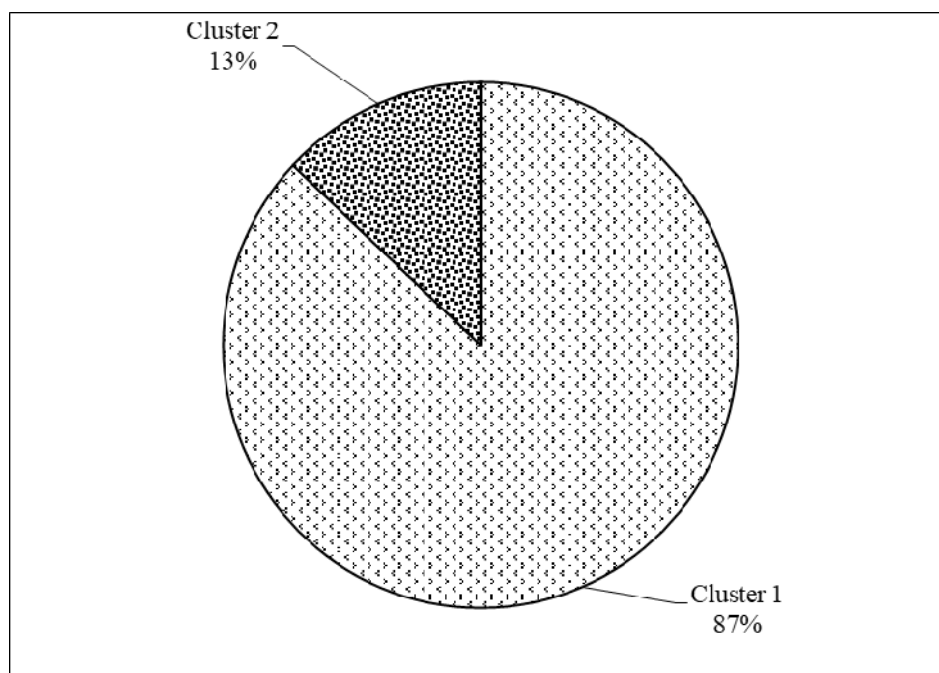

Figure 1. Size of the profiles of the companies

Source: Empirical survey from 2017

Over the last three years, these companies have developed and introduced a new product or product line. They offer mainly material products for end consumers. These companies have an average monthly number of employees between 10 and 49 people. The market share based on the sales volume of their main product is 21-34%. The managers are more likely to take risks and make investments. The sales revenue of these companies has increased over the last two years. In the end of the last year they had a positive financial result. They sell their main product at a price at the

average level for the sector. The profit they have is at the average level for the sector as well.

CONCLUSION

The analysis has revealed that the differentiation of homogeneous clusters of companies applying cost-based pricing was determined by five major characteristics: price level of the main product, senior management attitude toward risk, market share based on the sales volume of the main product, financial result reported for the last calendar year (profit or loss) and level of company profit. The profiling leads to the formation of two clusters. The cluster including 87% of the companies is the main one and shows the profile of the companies applying cost-based pricing strategy. These are small companies that offer mostly material products to their customers and that have offered a new product or a new product line at the market over the last three years.

References:

1. Goev, V., V. Boshnakov, Ek. Tosheva, K. Haralampiev, V. Bozev, (2019). Statistical analysis in sociological, economic and business research, UNWE Publishing Complex.
2. Katrandjiev, H. (2011). 'Typology of Consumer Behaviour in Times of Economic Crisis – A Segmentation Study from Bulgaria'. Quarterly Journal of Marketing, Volume 42, № 3, pp. 161-170.
3. Naidenov, A. (2016). 'Clusterization of the European Union Countries by the Gross Value Added, the Number of Employed Persons and the Gross Value Added Growth Components'. Economic and Social Alternatives, University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria, issue 2, pp. 47-57.
4. Nestorov, N. (2015). 'Quantitative methods of scientific analysis'. Algorithm, methods and communication in scientific research, 2012/1, pp. 18-20.
5. Netseva-Porcheva, T. (2011). Price Policy (Chapter 10, pp. 300-337). Key to Marketing. Durankev, B., Katrandjiev, H. et al. Sofia. Stopanstvo University Publishing Complex.
6. Zhelev, S. (2008). Marketing Research, Sofia, Stopanstvo University Publishing Complex.

PSYCHOLOGY, PEDAGOGY AND EDUCATION

Viktoriia Anishchenko

Associate Professor, Ph.D. in Engineering,
Academy of the State Penitentiary Service, Chernihiv, Ukraine

FEATURES OF PENITENTIARY OFFICERS' TRAINING IN THE USA AND UKRAINE

Abstract. *The article presents the study results, the purpose of which was to make a comparative analysis of professional training system of officers and personnel of the penitentiary system in the United States and Ukraine.*

The author of the article highlights the main features of the penitentiary system and the training process, the formation of officers and personnel's professional competencies of the US system. The research results are presented in the form of comparative tables, and the conclusions made about the similarities and differences in the step-by-step training of officers in the United States will be used in further scientific studies to build a universal model for the training of future penitentiary officers in Ukraine.

Key words: *penitentiary system, professional training; competence, professional competencies; training program; educational levels; forms of training; Professional Development; advanced training.*

Target setting. In Ukraine, the reform of the penitentiary system is ongoing. This process requires the study of overseas experience in the training of penitentiary personnel in different countries, including the United States. Currently, there is an established, step-by-step system in the United States for training of future penitentiary system officers. This system studying in a comparative aspect regarding the penitentiary officers' training in our country will make it possible to improve the national training of personnel for the State Criminal-Executive Service of Ukraine (hereinafter-SCES of Ukraine) and to fulfill the basic tasks of the Concept of Reform (Development) of the Penitentiary System of Ukraine [1].

Literary review. Problems of officers and personnel's training of the penitentiary system in the comparative aspect of domestic and foreign experience were considered by scientists of different countries E. Koil, Dzh. MakHakin, V. Dvortsov, O. Kovalev, V. Marchenko, S. Moraff, K. Muraviov, M. Puzyrev, E. Timofeeva and others.

Despite significant improvements in the officers' training of criminal-executive sphere from various foreign countries, the study of the experience and features of the training system for officers and personnel of the US penitentiary system is

insufficient and, at the same time, interesting in terms of the practice-oriented component of future penitentiary officers' training in the domestic system of forming the new specialists generation for SCES of Ukraine.

Purpose setting. To investigate, on the basis of a comparative analysis, the system of professional training of the penitentiary system officers and personnel in the USA and in Ukraine through the prism of the requirements of international law and the Concept of Reform (Development) of the Penitentiary System of Ukraine.

Main part. In the reforming of the Penitentiary system of Ukraine, the important issue is the qualitative training of penitentiary officers of the new generation, who have new professional competences, capable of solving complex, extraordinary tasks of quasi-professional service and professional activity.

Particularly interesting for Ukraine is the experience of implementing the system of professional training in the United States, since the penitentiary system of this country is the oldest in the aspect of historical formation, multidisciplinary and multifunctional, which is reflected in the specifics of the officers' training in different parts of the country. According to many researchers, the formation and development of the penitentiary system in the world, exactly the United States has made a significant contribution to the ideas and developments of theory and management of the system.

Structurally and organizationally, the United States Penitentiary System is a complex of various correctional institutions, medical, educational and social-educational centers. This requires particular attention to officers and personnel's training for the Penitentiary System in the field of Law, Administrative Management, Physical Training, and the development of their professional competences, which enable future officers and personnel to be able to carry out their duties properly, perform their service duties and remain the aware citizens of the country. Exactly the factors of influence of officers' quasi-professional activity of the US Penitentiary System influence the content and the process of its preparation for service and professional activity. Among the main factors are the following: territorial-administrative control of penitentiary institutions (due to the fact that each state has its own laws that determine the functioning of a particular state prisons);

differentiation in functions within a penitentiary institution; regional peculiarities affecting the functioning of the types of production facilities to which convicts are involved; ethnic and class composition of prisoners and others. It means the composition of the professional competencies of penitentiary officers is determined by a set of influencing factors, the features of future professional service in a particular penitentiary institution, and the process of socialization and humanization of the penitentiary system worldwide, which is related to compliance with international standards on security and protection of the convicts' personality, their human rights and freedoms, preventing torture, giving them opportunities and creating the conditions for their re-socialization.

The training systems of penitentiary officers in Ukraine and the United States differ significantly, but some structural elements of the educational process are similar. A comparative analysis of the officers and personnel's training of the penitentiary system in the United States and Ukraine showed the following:

- training programs of the United States, unlike domestic, based on a business approach, have a practice-oriented focus on formation of professional competencies to perform service and professional activities in a particular penitentiary institution;

- differences are also found in the gradual obtaining of education by a penitentiary officer: in the US it is possible to obtain the rank of an officer only on the basis of the already obtained level of "bachelor" and practical experience of service and professional activity, and in Ukraine - it is envisaged to obtain education by a future penitentiary officer at two levels: first (bachelor) level and second (master's) level of higher education;

- the length of training also differs significantly in the training of officers and in an advanced training;

- in the legal training of US penitentiary officers, as in most foreign countries, educational forms such as mentoring, honorary rooms, etc. are widely used, and in Ukraine these forms have a more formal appearance (boards of honor, professional museums);

- a significant difference in the formation of linguistic (linguistic) competence; so, in the USA officers study at A1 levels and more to establish verbal

communication with non-English-speaking prisoners, while in Ukraine, the focus is only on English;

- in the humanization of the penitentiary system worldwide, training programs in the United States are focused on the development of an evolved officer who is able to solve managerial (administrative, economic, financial and other problems), pedagogical, psychological, educational, social and other tasks. Unlike in Ukraine, training programs are overloaded with specific legal disciplines and there are very few training hours in the social and behavioral sciences;

- the training programs of the officer advanced training system, including other categories of personnel of the penitentiary system are narrowly oriented, aimed at qualitatively mastering new competencies and not tied to a specific position;

- the stimulation system for motivating officers and staff in the US penitentiary system is based only on personally-relevant factors that are associated with the desire to have a higher salary or career development; in Ukraine training is a commitment, and the completion of courses does not contribute to improving the financial status of personnel and no impact on career.

Conclusions. Unlike in Ukraine, penitentiary officers in the United States are officials with a high social significance of their activities for a society that has good legal knowledge, respect the rights, freedoms and dignity of their citizens. Their training system is more sophisticated and takes into account almost all requirements for the formation of practically oriented knowledge, skills and abilities of future penitentiary specialists, which significantly influences the effectiveness of their tasks of quasi-professional activity.

The prospects for further researches are seen in the study of the system of training of the penitentiary system officers in other countries of the world and the development and justification of a universal model of training of penitentiary officers in Ukraine that is approximated to foreign practices.

References:

1. On approval of the Concept of Reform (Development) of the Penitentiary System of Ukraine: Approved by the Decree of the Cabinet of Ministers of Ukraine of September 13, 2017 No. 654-p. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/654-2017-%D1%80> (accessed 12.02.2019) (in Ukrainian).
2. Koyl, E. (2002). Approach to prison management from the point of view of a human. London, UK: MTSTI. Available at: <http://www.prisonstudies.org/russian.pdf>. (in English).
3. Dz. Makhakin (2017). Modern prison management. Kyiv: Co. «K.I.S.» (in Ukrainian).
4. Dvortsov V. B., Dydenko A. V. (2016). System of professional training and advanced training for US correctional officers. Herald of the Kuzbass Institute. 2(27). 169-176. (in Russian).
5. Kovalev O. H., Sheremeteva M. V. (2013). Penitentiary system of the USA: organizational features and current trends. Penal system: Law, Economics, Management. P.19-22. (in Russian).
6. Marchenko V. Yu. (2017). Reforming the penitentiary system in Ukraine on the basis of foreign experience. Young scientist. 11(51). 942. (in Russian).
7. Moraff C. (2014). Can Europe Offer the U.S. a Model for Prison Reform? Next city. Available at: <https://nextcity.org/daily/entry/us-prisons-reform-european-prisons-model>. (in English).
8. Muraviov K. (2017). The experience of the United States and Great Britain in implementing the state policy in the field of execution of criminal penalties and the possibility of its use in Ukraine. Entrepreneurship, economy and law. 1. 193-197. (in Russian).
9. Puzyrev M. S. (2018). Foreign experience in the preparation of management personnel for penitentiary institutions and institutions. The theory and practice of training managerial staff for penitentiary institutions and institutions, O. M. Tohochynskyi (Ed.), (pp. 85-109). Chernihiv: Academy SPtS. (in Ukrainian).
10. Tymofeeva E. A. (2014). Features of training future employees of the penitentiary system in foreign countries. Herald of the Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences. 2(22). 192-202. (in Russian).

Ibragimova I.N.,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Rubtsov I.N.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Armavir State Pedagogical University, Russia

TO THE ISSUE OF TRAINING STUDENTS OF THE DEPARTMENT OF FOREIGN LANGUAGES FOR WORK WITH PUPILS' PARENTS

Ибрагимова И.Н.,
к.п.н., доцент
Рубцов И.Н.
к.ф.н., доцент
Армавирский государственный педагогический университет, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЛЯ РАБОТЫ С РОДИТЕЛЯМИ ВОСПИТАННИКОВ

Abstract. *The article considers the experience of students of the department of foreign languages in their preparation for interaction with pupils' parents. The review of cooperation between university teachers and students during classes, between administration and school teachers in the process of teaching practice is provided.*

Keywords: *new educational technologies, projecting, school practice*

Аннотация. *В статье рассмотрен опыт работы студентов факультета иностранных языков по их подготовке к взаимодействию с родителями воспитанников. Дается обзор сотрудничества преподавателей и студентов вуза на занятиях, администрации и учителей школы в процессе педагогической практики.*

Ключевые слова: *новые образовательные технологии, проектирование, педпрактика*

В числе приоритетных направлений политики Армавирского государственного педагогического университета называется непрерывное совершенствование образовательного процесса путем внедрения новых образовательных технологий, улучшения учебно-методических, материально-технических, информационных ресурсов вуза, укрепления связи университета с общеобразовательными учреждениями края. Актуальной для всех времён является не только подготовка педагогов, работающих с детьми, но и родителей, несущих и обязанных нести основную ответственность за детей.

В реализации направления, касающегося внедрения современных образовательных технологий в учебно-воспитательный процесс, преподаватели накопили серьёзный опыт работы. В частности, технологические подходы в нынешнем образовании помогают планировать учебно-воспитательный процесс

наиболее рационально. Перед технологией обучения в высшей и общеобразовательной школе стоят задачи разработки: целевых технологических проектов, адаптивных программ, алгоритмических процедурных предписаний в организации учебной деятельности с элементами эвристики; функциональных схем для различных педагогических систем, многовариантных методик, оценочных критериев их эффективности, концептуальных моделей будущих результатов; диагностических методик состояния педагогических систем, методик коррекционных процессов, индивидуальных технологий обучения и ряд других, оптимизирующих прежде всего труд учителя, потому что именно он, по мнению В.А.Сластёнина, в сложившейся иерархии целей современного высшего педагогического образования, находится на первом плане. Это человек гуманистической, духовно-творческой ориентации, он искренне озабочен судьбой России, знает и понимает ребёнка, умеет с ним работать. Это специалист в одной из областей науки, способный видеть её в системе современного знания и культурной практики. С момента возникновения педагогической профессии за учителями закрепились воспитательная единая неделимая функция. Учитель – это воспитатель, наставник. В этом его гражданское, человеческое предназначение. Наличие технологической культуры открывает перед будущим учителем новые пласты духовной жизни человечества, творческие перспективы профессиональной деятельности. Базовые основания профессиональной культуры учителя должны закладываться всем содержанием вузовской подготовки учителя. Учитывая творческий характер профессии учителя, необходимо в процессе подготовки создавать условия для творческой самореализации личности каждого и формирования его творческой индивидуальности такие, как:

- гуманизация и гуманитаризация образования;
- вариативность и свобода выбора обучающимися рода занятий;
- целостность и единство педагогического процесса в рамках

различных социально-педагогических комплексов;

- сотрудничество, сотворчество обучающихся и обучающихся;
- опора на опережение в обучении.

В работе со студентами мы используем проектирование. Так, на занятиях по Иностранному языку (английский) мы выделяем три этапа проектирования.

На первом определяются особенности, характеризующие ту или иную дидактическую среду. Начинается он с описания преподавателей, студентов, администрации и т.д., потребностей, а заканчивается определением проблем, которые следует решить, анализом задач, определением операциональных целей, составлением указаний, что должны знать и уметь обучаемые, какими они должны быть, чтобы начать обучение по планируемой системе.

На втором этапе проводится анализ, а затем синтез альтернативных действий преподавателя. Началом этого этапа является то, чем окончился второй этап, а концом – чёткий план обучения, упорядочивающий в структуру и очерёдность запланированный опыт обучаемого, определённый материал, с которым он должен определённым способом познакомиться, и определённый материал для преподавателя, которым он должен вполне определённым способом манипулировать.

На третьем этапе происходит применение проекта, начинается с того, чем заканчивается предыдущий, а на выходе имеет оценку занятий студентов, результаты наблюдений за поведением обучающихся в ходе запланированных действий.

Мы прорабатываем это наиболее активно в процессе педпрактики. Совместно с методистами по педагогике организуем работу со школьниками и их родителями. Анализ современной социальной ситуации показывает необходимость активизации работы родителей, осознания ими их обязанностей в полной мере. Соединены государственные и семейные стороны воспитания. Социальное партнёрство школы с семьёй (педагоги – дети – родители) есть стратегическая связь, обусловленная равносущностью миссии (ст. 58 Конституции РФ) и равносущностью ответственности (Федеральный Закон РФ «Об образовании в РФ») перед государством за воспитание будущего поколения. Законодательство РФ значительно расширило функции семейного воспитания, предоставив

родителям право выбирать место и форму дошкольного, школьного, дополнительного образования, оказав поддержку альтернативной системе обучения.

Систематическая работа с родителями – одно из важнейших условий достижения успехов в воспитании детей. Администрация Краснодарского края обращает пристальное внимание на эту работу. В нашем вузе разработана программа родительского всеобуча. Она включает проблемы сохранения и укрепления здоровья школьников. Важное социальное значение имеет и проблема поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Неоспорима роль традиций в патриотическом воспитании. На Кубани многое делается для воспитания казачьей молодёжи. В решении этой проблемы существенную роль должны выполнить родители, в новых условиях видоизменяется их воспитательное поле, усложняется деятельность. Мы предоставляем родителям информацию о воспитательной роли казачества, изучение ими самими истории, культуры, документов, традиций народного воспитания. В процессе педпрактики наши студенты включаются в работу с родителями. С помощью совместных усилий педагогов, родителей, общественности в лице казачьего общества, других организаций можно повлиять на правильный выбор жизненного пути воспитанников, их самовоспитание, развитие чувства патриотизма.

В работе с семьями используются формы:

- интерактивные – анкетирование, диагностика, дискуссии, круглые столы, конференции, вечера вопросов и ответов, консультации;
- традиционные – тематические классные часы, открытые уроки с приглашением родителей, родительские собрания (классные, общешкольные, городские, районные), вечера отдыха, спортивные состязания, конкурсы;
- просветительские – использование средств массовой информации;
- государственно-общественные – сотрудничество с органами местного самоуправления.

Совместная работа преподавателей, студентов вуза, администрации и учителей школы, родителей даёт свои положительные результаты. В настоящее время эта работа продолжается.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Официальное издание. – М.: Юрид.лит., 2009.
2. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации». Москва: Проспект, 2015.

Kondur O.,

PhD in Physics and Mathematics, Associate professor;
*Dean of the Teacher's Training Department of the Vasyl Stefanyk Precarpathian
National University, Ukraine*

Ridei N.,

Doctor of pedagogical sciences, professor of adult education department;

Katsero O., Bogutskyi Yur., Pavlenko D.

PhD student of adult education department;
Dragomanov National Pedagogical University, Ukraine

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE QUALITY MANAGEMENT POLICY OF EDUCATIONAL SYSTEMS IN UKRAINIAN UNIVERSITIES

Кондур О.С.,

к. ф.-м. н., доцент; декан педагогического факультета
Прикарпатского национального университета им. В. Стефаныка, Украина

Ридей Н.М.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры образования взрослых,

О.К. Кацера, Ю.П. Богуцкий, Д.Г. Павленко,

PhD студенты кафедры образования взрослых,
НПУ имени М.П. Драгоманова, Украина

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ ВУЗОВ УКРАИНЫ

Abstract. *The materials substantiate the methodological aspects of the quality management policy of educational systems of Ukrainian universities.*

Keywords: *educational process of professional preparation; specialists of education quality; cross-border integration.*

Аннотация. *В материалах обоснованы методологические аспекты политики управления качеством образовательных систем ВУЗ-ов Украины.*

Ключевые слова: *образовательный процесс профессиональной подготовки; специалисты по качеству образования; трансграничная интеграция.*

В настоящее время активно обсуждаются теоретико-методологические проблемы модернизации систем профессиональной подготовки специалистов по качеству образования в ВУЗ-ах Украины. Необходимость развития исследований управления образованием и контроля ее качества в условиях глобализации это реальная необходимость конкурентно способности выпускников. *Цель исследования* – формирование методологии управления системой профессиональной подготовки специалистов по качеству образования ВУЗ-ах Украины в условиях глобальной модернизации сферы образования, науки, инноватики пространства в фундаментально-теоретических, методико-

организационных и практически-прикладным началах; *задачи*: исходя из теоретико-аксиологического анализа понятийно-категориального аппарата исследования и системного анализа этиологии Болонского процесса осуществить теоретическое обоснование влияния глобализации на образовательные трансформации как современного феномена; выявить и характеризовать в ходе структурно-логического анализа международные тенденции трансформаций и перспектив управления качеством систем профессиональной подготовки ВУЗ-ов; обосновать методологические аспекты политики управления качеством образовательных систем ВУЗ-ов на принципах устойчивого развития.

Раскрыто в авторском толковании понятия – управления на основе качества, политика в области качества, управление планированием и эффективность обеспечения качества, принципы и модели обеспечения качества, дерево целей моделей качества по векторам. Осуществлен системно-аксиологический теоретико-интегральный анализ Форумов по качеству для внедрения опыта взаимодействия образовательно-научных систем различного уровня для реализации в Украине. Установлено, что в XXI веке инструментами технического регулирования управления качеством образовательно-научных систем определены: внедрение культуры качества высшего образования, применение политики качества через стандарты управления ею в ЕС; программы обучения на протяжении жизни, креативные механизмы преодоления препятствий в достижении желаемого качества на уровнях организации образовательно-научных систем (европейском, национальном и институциональном); контроля и мониторинга для разработки процедур улучшения в сфере качества, академического доверия при внедрении, контроле качества при реализации образовательной политики субъектами, осознание роли управления качеством образования в формировании качества жизни (обеспечение ее качества при подготовке докторов); имплементация финансирования национального уровня (синергетическая реализация потенциала международной интеграции образовательных систем в разработке учебных и научных программ), трансформация образовательно-научных систем

от преподавания в обучение с социальными гарантиями студент централизованного образования, исследования, занятости в течении жизни, усовершенствованных стандартов на основе составляющих не только качества образовательно-научных процессов глобализации, но и качества и безопасности жизни; адаптации конкретно дисциплинарных, институциональных и национальных контентов культуры качества для формирования синергетики модернизации архитектуры взаимодействия образовательно-научного синергизма, геополитики качества и взаимодействия всех заинтересованных.

Перспективными научными направлениями определены темы: «Обучение и преподавание: консолидация европейского измерения», «Обеспечение качества и признание: практика и вызовы», «Стратегическая перспектива Европейского реестра обеспечения качества и осмысление решений комитета Реестра», «Европейские стандарты и рекомендации 2015: политика и практика», «Усиление основ развития культуры качества», «Глобальная перспектива регионального сотрудничества по обеспечении качества», «Обеспечение качества и этика».

Акцентируется на особенностях правового регулирования управления качеством в Украине как технического регулирования средствами стандартизации, сертификации, лицензирования, аккредитации, метрологии и наукометрии. Выделены международные принципы технического регулирования. Конкретизировано понятие качества научного познания и исследований, а также определен дефицит методологического осмысления и обеспечения качества оценивания, состояния и развития систем различного развития трансформаций и их перспектив не только в образовательно-научных процессах, но и глобальных социально-экономических эколого-безопасных явлений для гарантирования постоянства в реализации целей трансграничной политики глобализации в сфере качества образования для устойчивого развития Общества и Природы. Сформулированы современные квалитологические научные направления познания. Раскрыты методологические подходы к профессиональной подготовке будущих специалистов по качеству, охарактеризованы концепция профессиональной подготовки будущих

специалистов по качеству, представлена модель профессиональной подготовки будущих специалистов по качеству. Предпосылки обоснования регламента делопроизводства: I этап – это концептуально-стратегический контент, который служит системо-формирующим базисом ратификации мировых глобальных концепций и стратегий развития в сфере образования, науки и инноватики; II этап состоит из контентов нормативно-правового регулирования в сферах образования и науки, природоохранной сфере и социальной защиты.

Обоснование и формирование регламента делопроизводства как части политики управления качеством в учреждении высшего образования: III этап – это политико-квалитологичный контент, который определяет политику управления качеством в ВУЗ-ах, что реализует миссию институции в достижении желаемого качества предоставления образовательных, научных и инновационных, а также сервисных наукоемких продуктов и услуг с целью обеспечения траектории профессионального успеха, саморазвития и самосовершенствования выпускников с пролонгированием пожизненной занятости и гарантий качества и безопасности жизни; реализует кадровую политику управления качеством в учреждения, которая заключается в создании системы административного управления развитием кадрового потенциала с высоким уровнем профессионализма и корпоративной академической культуры, этики межличностных взаимоотношений в благоприятном морально-психологическом климате коллектива, способствует саморазвитию и самосовершенствованию каждого представителя академического сообщества в профессиональной и личной жизни; IV этап – это морально-нравственный контент, который обеспечивает соблюдение кодекса академической чести профессионального реноме и научно-метрического имиджа рейтинга представления учреждения через инструктивно-процедурные, организационно-управленческие мероприятия основных положений по предупреждению, предотвращению и устранению академического плагиата, а также организационно-управленческие процедуры системы обеспечения качества в учреждении на основополагающих системообразующих принципах поведения

участника и заинтересованных сторон системных процессов управления и по видам процедур.

Обоснование, формирование и самоанализ эффективности процедур регламента делопроизводства как части политики качества в учреждении высшего образования: V этап – назидательно-инструктивный контент, который обеспечивает программу организации мониторинга качества предоставления образовательных услуг учебными подразделениями в учреждении, систему внутреннего обеспечения качества с организационно-управленческими процедурами согласно с принципов и видов организации управления, регламентными положениями и установками.

В ходе изучения международного и отечественного опыта правового, нормативного, программного обеспечения регулирования качества образовательно-научных систем в авторском трактовке изложены методологические основы формирования политики качества в ВУЗ-ах Украины.

Литература:

1. Управління якістю освітніх систем в умовах глобалізації: теорія, методика організації, практика : [Монографія] / О. С. Кондур. – Івано-Франківськ : НАІР, 2018. – 486 с.
2. Мультимодусні засади післядипломної освіти для сталого розвитку. [колективна монографія] / за заг. редакцією Рідей Н.М., Сергієнко В.П. – Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2018.– 642 с.
3. Управління системами післядипломної освіти для сталого розвитку. [колективна монографія] / за заг. редакцією Рідей Н.М., – Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2019.– 689 с.

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Marin Paunov

Ph.D., Professor

University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria

THE VALUES OF BULGARIAS AND PORTUGUESE (COMPARATIVE ANALYSIS IN A PAN-EUROPEAN CONTEXT)

Abstract: *From a purely geographical perspective, Bulgaria and Portugal stand at the easternmost and westernmost points of Europe and the EU. This spatial distance conditions also the relatively great distance the two countries keep each other at, economy-wise and communication-wise. At the same time this paper argues that despite some differences between the two cultures in their outlook, value preferences, beliefs and everyday ideologies, there are in place some rather interesting and significant similarities too between the Bulgarians and the Portuguese. The paper provides for a comparative analysis of key value orientations based upon Hofstede's 6D model and the data of European Social Surveys. The similar values in question are a fine prerequisite for ease of reciprocity and for considerable enhancement and amplification of the economic and cultural relations between the two states.*

Key words: *comparative analysis, geographical perspective, spatial distance conditions*

From a purely geographical perspective, Bulgaria and Portugal stand at the easternmost and westernmost points of Europe and the EU. This spatial distance conditions also the relatively great distance the two countries keep each other at, economy-wise and communication-wise. The data on trade turnover between the two economies, from the point of view of Bulgaria, as provided in Table 1, speaks volumes about their standing apart. The structure of the trade turnover between the two countries is non-varied and has hardly changed in recent years. Bulgarian exported goods to Portugal include mainly raw materials and goods being only slightly processed. The import to Bulgaria from Portugal hardly offers variety too. The data on investments of the Portuguese business in Bulgaria and of the Bulgarian business in Portugal is far from impressive as well.

In 2018 Bulgaria was visited by 16,166 Portuguese nationals, a drop of 0.8% being registered in comparison to the same period in 2017. Portugal was visited by 20,126 Bulgarian nationals, which constitutes a growth of 0.5% compared to the

same period in 2017. In 2017 Bulgaria was visited by 16,297 Portuguese nationals, enjoying a growth of 61.1% compared to 2016. Portugal was visited by 20,030 Bulgarian nationals, which constitutes a drop of 0.1% compared to 2016². Even though both countries are not large in area and population in European terms, this data too is indicative of communication intensity far from the possible.

Table 1

**Data on the trade turnover between Bulgaria and Portugal
in the 2005-2018 period (in M euro)**

Year	Trade turnover	Export	Import
2005	50.9	20.5	30.3
2006	79.3	50.6	28.7
2007	39.8	21.9	17.9
2008	46.1	26.4	19.7
2009	71.1	41.8	29.3
2010	101.3	45.3	56.0
2011	132.9	83.2	49.6
2012	253.5	183.1	70.4
2013	194.6	143.7	51.0
2014	156.7	104.2	52.5
2015	150.5	94.7	55.8
2016	150.3	102.6	47.7
2017	170.4	117.7	52.7
2018	186.6	99.5	87.1

(<https://www.mi.government.bg/bg/themes/portugaliya-264-333.html>)

The awareness of the two peoples about one another, as well as the difference in self-perception and ‘the other-about-me’ (external) perception can again be qualified as not very good. An interesting picture of this knowledge is provided by a recent survey among around 200 students in the two countries, the outcomes of which are given in Figure 1, 2³. The Portuguese self-image is dominated by the topics of history, cuisine, port wine and fado, whereas Bulgarians tend to highlight sport, culture, (for no obvious reason) Madeira and the cork oak in their external perception of Portugal. On the other hand, Bulgarians tend to build their self-image around history, nature, folklore and the Bulgarian rose, while the Portuguese associate

² <https://www.mi.government.bg/bg/themes/portugaliya-264-333.html>

³ I am grateful to Nikolay Bratanov for this survey.

Bulgarians primarily with their cuisine, sport (mainly football) and the ‘Balkan’ concept, in addition to nature, history and culture (rated lower by the Portuguese).

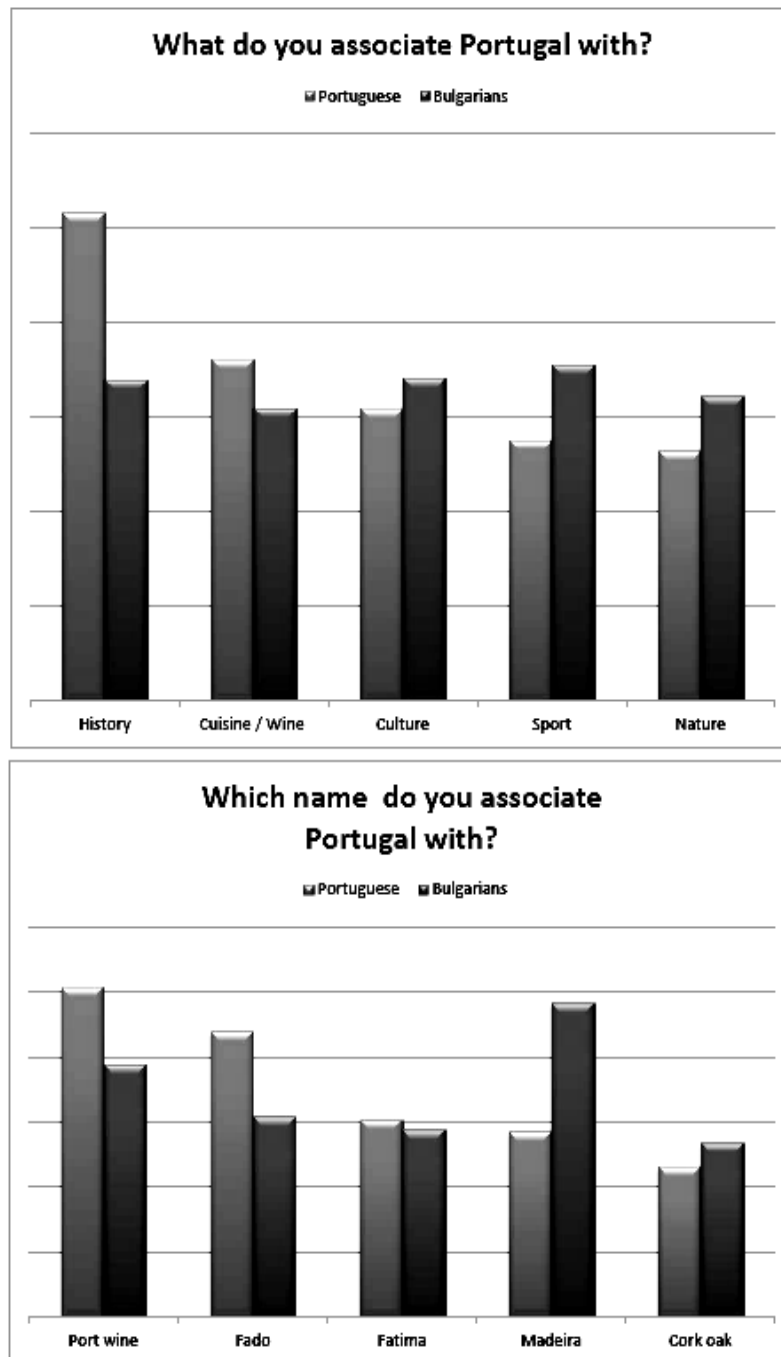

Figure 1. Responses of Bulgarians and Portuguese about what they associate Portugal with

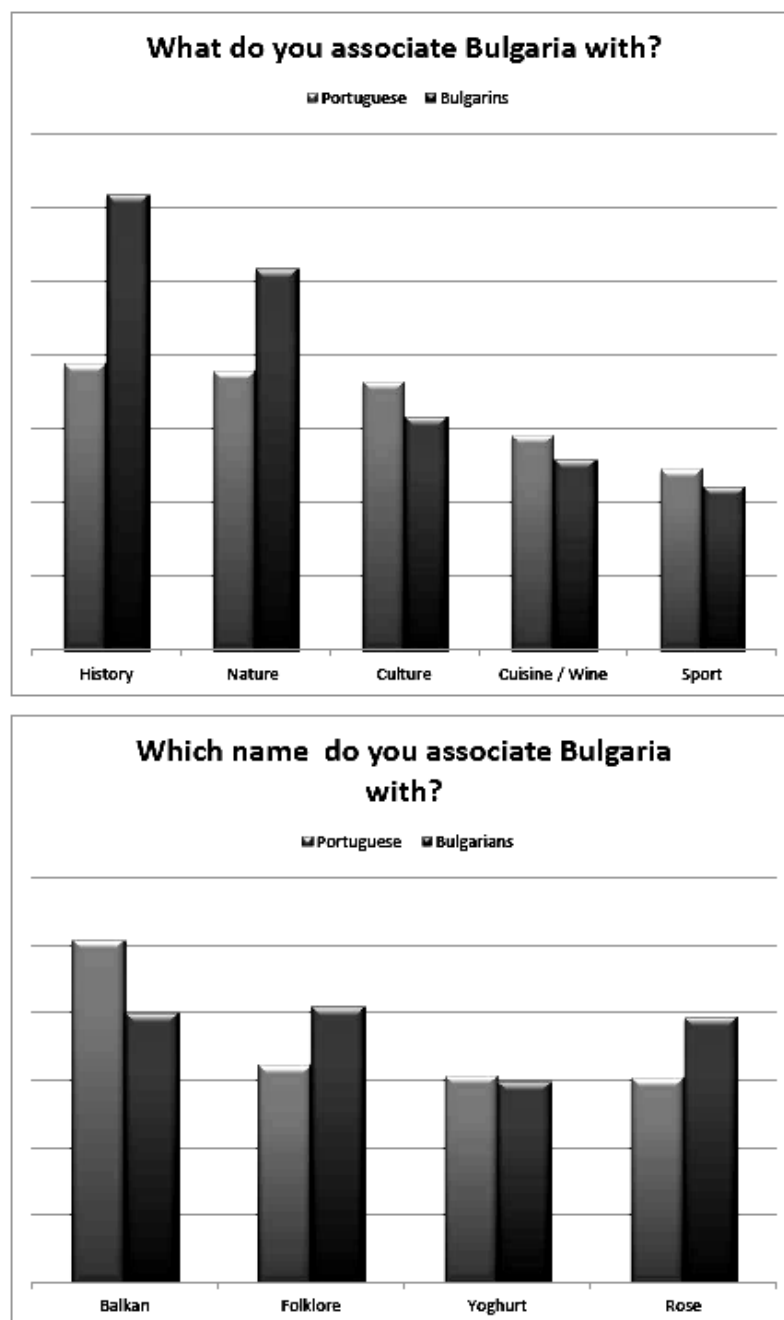

Figure 2. Responses of Bulgarians and Portuguese about what they associate Bulgaria with

The picture obtained up until now can, however, be interpreted in a positive light too: there is vast potential for development of economic relations, for getting to know each other and being on friendlier terms. What is more, objective prerequisites are in place for such convergence and for intensification of economic relations, and it

is to them that this study is devoted. I am referring to the closeness of and similarities between Bulgarians and Portuguese as regards the value specifics of their national cultures.

The current study is based on data from the European Social Surveys (ESS)⁴ looking into values through Shalom Schwartz's methodology and the Portrait Value Questionnaire (PVQ). The data used is from the latest year Bulgaria was included in the survey, namely 2012. Other data used are the data from the World Values Survey⁵ and Geert Hofstede's data - Hofstede 6D⁶. ESS data alone covers 43,000 respondents across over 20 countries i.e. it provides a representative sample.

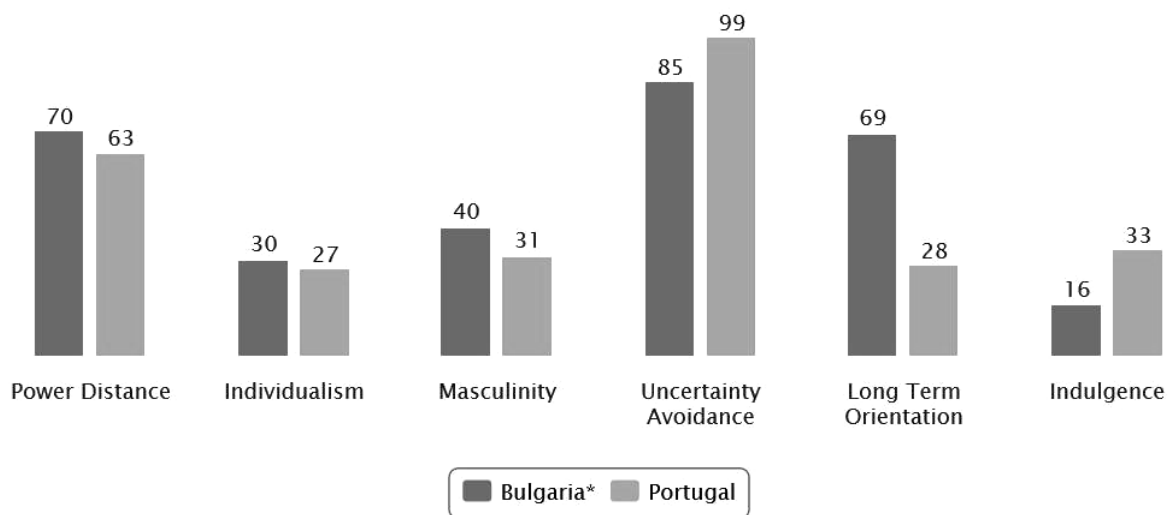

Figure 3. A comparison of the sets of values of Bulgarians and Portuguese according to Geert Hofstede's 6D model

Figure 3 is indicative of a remarkable closeness under some of the 6 basic dimensions in Hofstede's model. (It should be noted that the latter contains primary data only for Portugal. Bulgaria was not researched directly, the data on Bulgaria being collected from many different sources. In this sense, comparisons here are a little more approximate and tentative, compared to those involving data from the series of ESS-based charts to follow). In Hofstede's framework Bulgarians are more individualistically oriented; and even though there is no huge difference, as we shall

⁴ <https://www.europeansocialsurvey.org/>

⁵ <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

⁶ <https://geerthofstede.com/culture-geert-jan-hofstede-6d-model-of-national-culture/>

see, the Bulgarian individualism, unlike the Portuguese, contains envy as a special ingredient. We witness a similar attitude to power in terms of acknowledging the legitimacy of seniority based on sheer position in the hierarchy.

Still, once granted power, the Portuguese are more inclined to remain closer to the people; meanwhile, people expect from those in power arguments in support of their status. In Bulgaria there is a greater power distance and a wider gap between those with and without power in their hands. Both cultures demonstrate very low ambiguity tolerance (they strive for certainty) and according to Hofstede the Portuguese are ahead of us. It is about this striving for certainty, which is characteristic of communities who had to live for a long time under conditions of uncertainty and lack of clarity. There is quite a difference along the masculinity/femininity lines i.e. Bulgarians take the lead in stressing on things material, the aggressively competitive juxtaposition at the expense of harmony, balance and spirituality, which are more valid for the Portuguese. Still, the most striking differences are in the dimensions designated as “attitude to time” (long-term orientation) and the so called “indulgence” (extent of control over desires and impulses). The Portuguese are prouder of their past and have more respect for rules/norms. They treat the traditional with more respect, although the traditionalism of Bulgarians is proverbial too. Both nations are rather conservative. Responsibility for the community is stronger with the Portuguese, but equally they have a greater sense of freedom and would be less frequently than Bulgarians heard to say: “What would people say...”, “Let’s not discredit ourselves in front of foreigners”, etc.

Schwartz’s model, called Portrait Value Questionnaire and used in the ESS rounds, contains 10 sets of values that can be loosely defined as follows:

- **SELF-DIRECTION:** Independent thought and action-choosing, creating, exploring.
- **STIMULATION:** Excitement, novelty, and challenge in life.
- **HEDONISM:** Pleasure and sensuous gratification for oneself.

- **ACHIEVEMENT:** Personal success through demonstrating competence according to prevailing social standards or in competitive interaction.
- **POWER:** Social status and prestige, control or dominance over people, events or resources.
- **SECURITY:** Safety, harmony and stability of community, of relationships, and of self.
- **CONFORMITY:** Restraint of actions, inclinations, and impulses likely to upset or harm others and violate social expectations or norms.
- **TRADITION:** Respect, commitment and acceptance of the customs and ideas preached by traditional culture or religion.
- **BENEVOLENCE:** Preservation and enhancement of the welfare of people with whom one is in frequent personal contact.
- **UNIVERSALISM:** Understanding, appreciation, tolerance and protection for the welfare of all people and for nature.

These sets of values have a certain structure that can come down to the two axes shown in Figure 4: Conservation vs. Openness to Change and Self-Enhancement vs. Self-Transcendence.

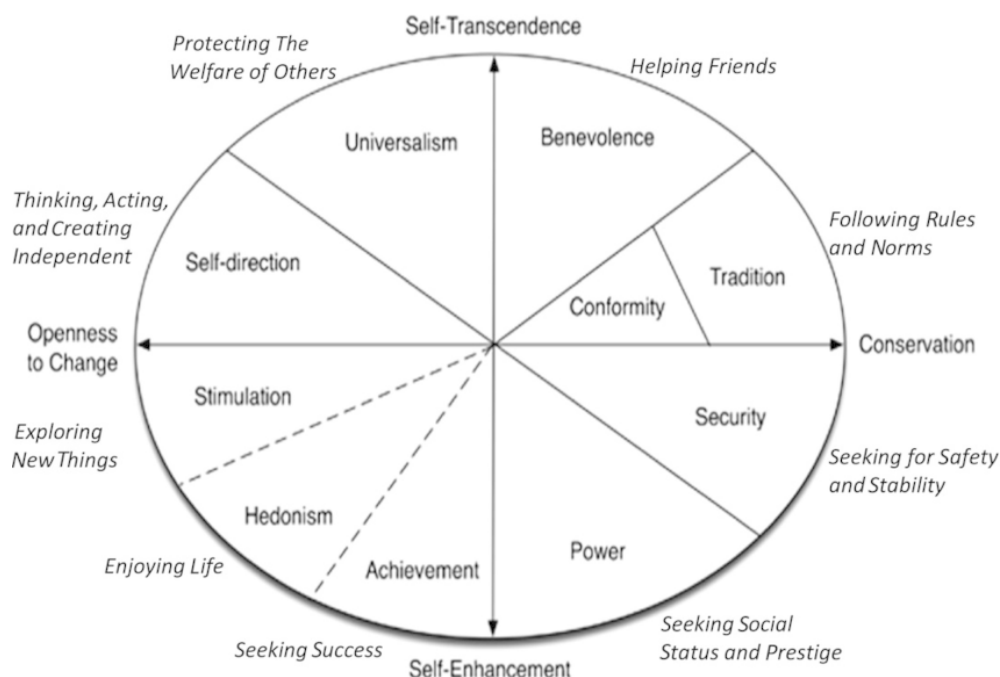

Figure 4. Structure of the sets of values according to Schwartz

If we proceed now with direct comparisons of the value preferences of Bulgarians and Portuguese by set of values, we would find out the following:

Figure 5. Achievement

Striving for achievement (Figure 5) can be regarded as showing ambition, wishing to feel successful, feel “somebody”, desire to fulfil one’s potential; but also as a desire to demonstrate to oneself and the world your achievements or something that can pass as an achievement. The closeness of Bulgarians and Portuguese, which is apparent, is primarily along the first line of interpretation, while the conspicuous show-off displays are rather a Bulgarian ‘specialty’ that is hardly to be found in Portugal. One of the easy-to-pick characteristics of the Portuguese ambiance is the one-of-a-kind ‘unaffectedness’ i.e. the extremely low levels of fussiness and showiness compared to many other nations residing primarily in the southern half of

Europe. In any case, along this indicator the Bulgarians and the Portuguese share not only similarity but also the leadership at the European level. In as much as this cultural dimension contains an urge to succeed and fulfil oneself and is related to McClelland's *Achievement* as a dominant motivator, the picture suggested by Chart 5 is positive and optimistic.

Figure 6. Stimulation

Stimulation (Figure 6) is a set of values covering strong sensations, adrenalin, spirit of adventure. Impulsive outbursts of strong-sensation-seeking behaviours are not very characteristics of either culture; still, Bulgarians are seen here as a little more adventurous and less reasoning. This might seem a bit surprising, if one has observed a frigate in an ocean and one tries to imagine what it must have been like to discover half of today's world crossing the latter on board of the former. In any case, it is

worth mentioning that the Portuguese desire for strong sensations and external sensitive stimulation is shown on the chart as one of the lowest in Europe, which leads us to the questions what it is they consider a ‘thrill’ and if their idea of stimulation is not more introvert, engrossed, a matter of depth of experience rather than externally-derived strong sensations.

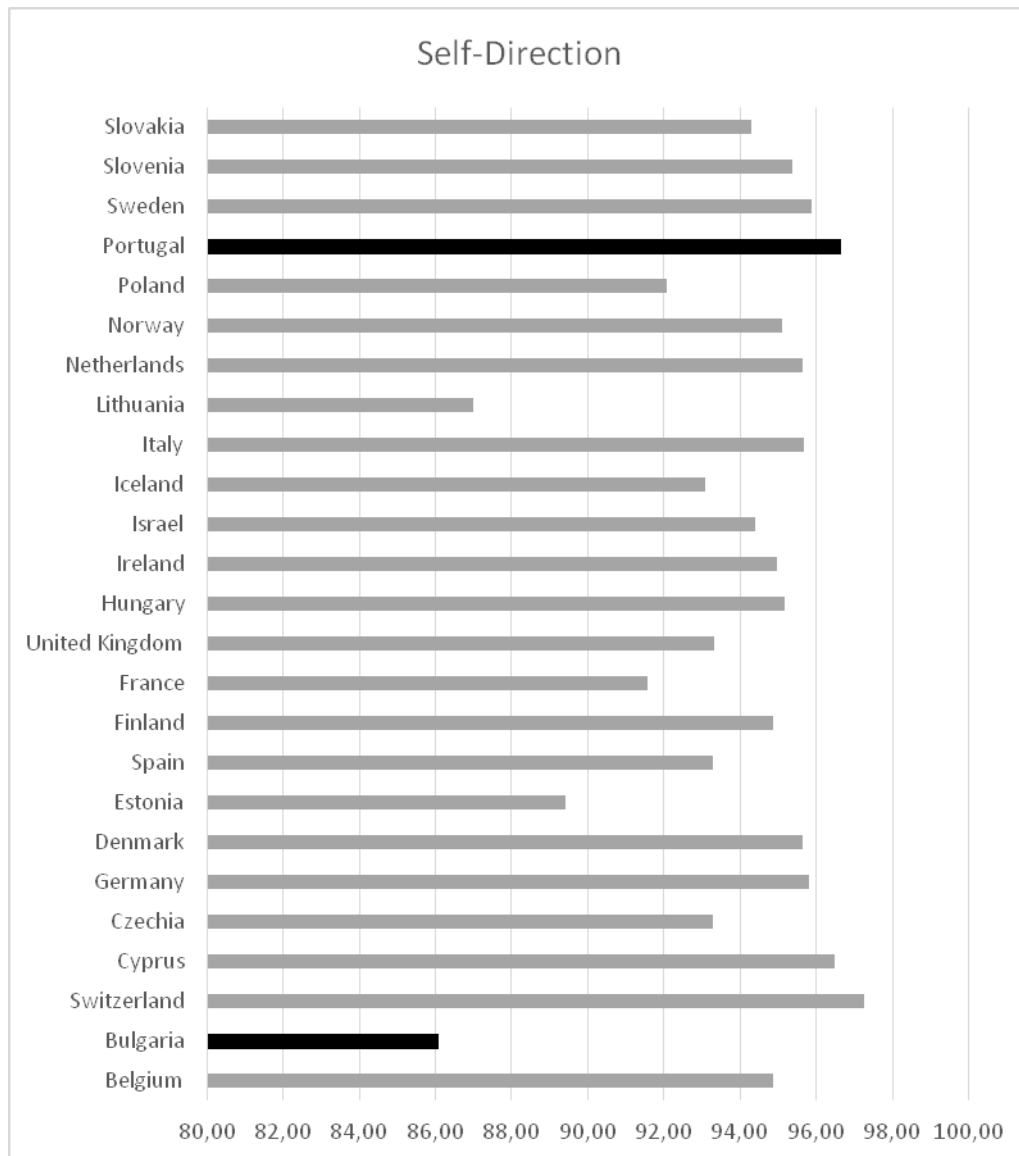

Figure 7. Self-direction

We are remarkably distant as regards self-direction (Figure 7) and perhaps this is the greatest value gap between the two nations. Bulgarians look discouraged about what in Europe has been termed ‘civil liberties’ since the Enlightenment. Independence of thought and action, freedom of choice and creativity seem to the ordinary person in Bulgaria rather naïve and illusionary. Indeed, here we are touching

upon this peculiar Bulgarian understanding of civil liberties and “patience”, which can be misleading to many researchers. Bulgarians are described by practically all professionals who have studied their national culture as “a patient people”; however, under the guise of this patience, a rather feverish behaviour of the ‘save-your-own-skin’ type is observed, involving acting and responding individually or in small groups. In practice, here we also witness one of the effects of the Bulgarian individualism and the impossibility to create a society in the European sense of the word.

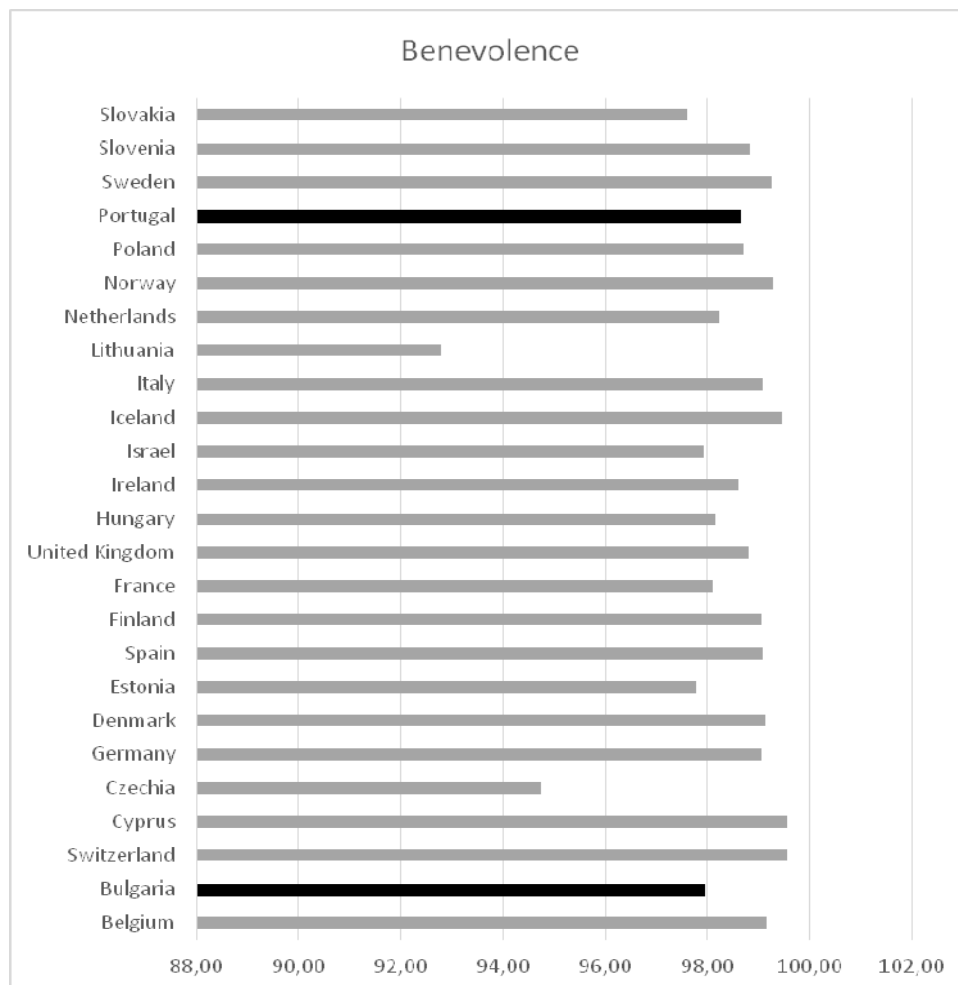

Figure 8. Benevolence

The Bulgarian indifference, when it comes to civil liberties and the difficult-to-achieve sense of “us” as a society, replaces the collective social behaviour characteristic to a much higher extent of the Portuguese and the remaining countries in Europe. Here we have an interesting result for Portugal because, even though with both nations we have the unifying workings of the same outlook on life and the world

– fatalism (a trait known as ‘locus of control’ in personality psychology), a sense of ordainment, predestination, fate, a power larger than a man’s or a nation’s will, this proves no obstacle to the Portuguese sense of self-direction, the possibility to achieve self-actualisation, civil liberties and individual dignity.

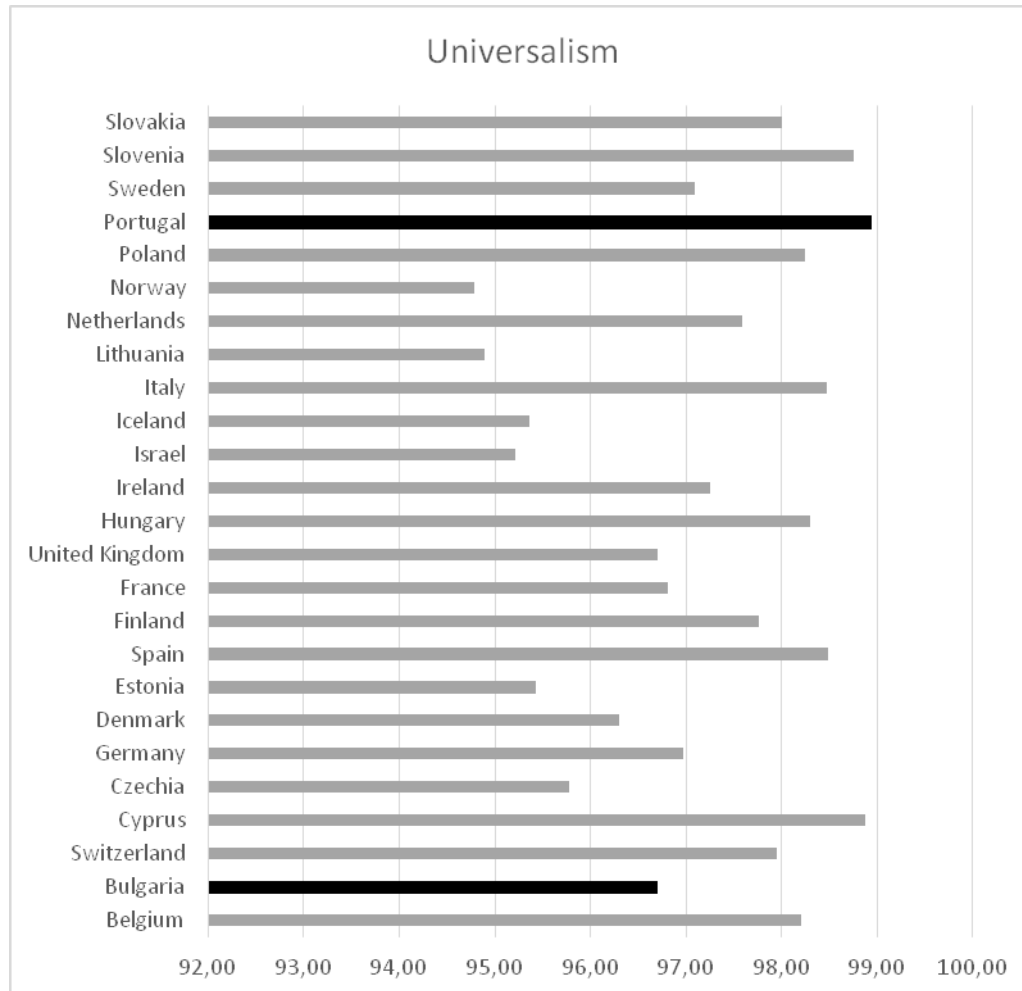

Figure 9. Universalism

In this model there are two levels of values describing one’s attitude towards the well-being of others – a small number of close others (Benevolence, Figure 8) and a wider circle of others (neighbourhood, town, nation, mankind – Universalism, Figure 9). And if we are ‘twins’ on the former, on the latter the Portuguese are much more universalistic than we are (generally well-intentioned, considerate about a wider circle of other people). Which means also they are more positively oriented to people in general. Both nations demonstrate comparatively high levels of tolerance to others and otherness, but in this case a prerequisite is in place for the Portuguese to be more tolerant in their responses. An additional interesting and generally bypassed question,

which we will touch upon here just in passing, is what precisely tolerance is and in relation to what otherness we mean this tolerance. Perhaps Bulgarians have high tolerance for otherness that is of secondary importance, not so significant aspects such as religion, which leaves us far less tolerant for characteristics deemed important, such as sexual orientation. Indeed, this specific feature holds true for the Portuguese too – conservative in many respects but far more passive in their conservatism.

Figure 10. Tradition

Both nations are markedly tradationalistic (Figure 10). Their self-confidence rather rests on the past. They find a sense of enhanced security in sticking to traditions, rituals, what has passed the test of time. Even so, though, the Bulgarians' striving for security is more distinct. And, in this regard, so is attachment to traditions and rituals (martenitsi, folklore, rituals and customs on holidays). With the British,

for example, being attached to one's traditions and what is proven with time, is an instrument to justify the statusquo, to build self-confidence. Here these traditions are as much a question of self-definition, as an indication of their striving for security, peace and order. This, in turn, poses the question why and along what lines the two nations have felt an anxious lack of security over long periods of time.

One of the greater differences between Bulgarians and Portuguese are in the fields of conformity, shown in Figure 11, and hedonism, Figure 12. The levels on these indicators for the two nations are very close but still Bulgarians are more likely to be concerned with “what will people say”. As regards hedonism, the Portuguese are better capable of enjoying the simple pleasures of life, even though they are far from the best examples of hedonism in Europe.

Figure 11. Conformity

Figure 12. Hedonism

As a whole, both nations are pent up, introvert, with an individualistic slant, but it is also about, as we saw, the *type* of individualism, because the Portuguese take somebody else's success more lightly and in a more relaxed manner, their envy being significantly more in hand.

As regards the set of values entitled *Power* (Figure 13), which encompasses the attractiveness of social status and prestige, control or dominance in relation to other people, events or resources and the aspiration for purely material prosperity, the two nations are again relatively similar, the Bulgarians, though, honouring it more. Among other things, this means higher levels of materialism among Bulgarians in comparison with the Portuguese.

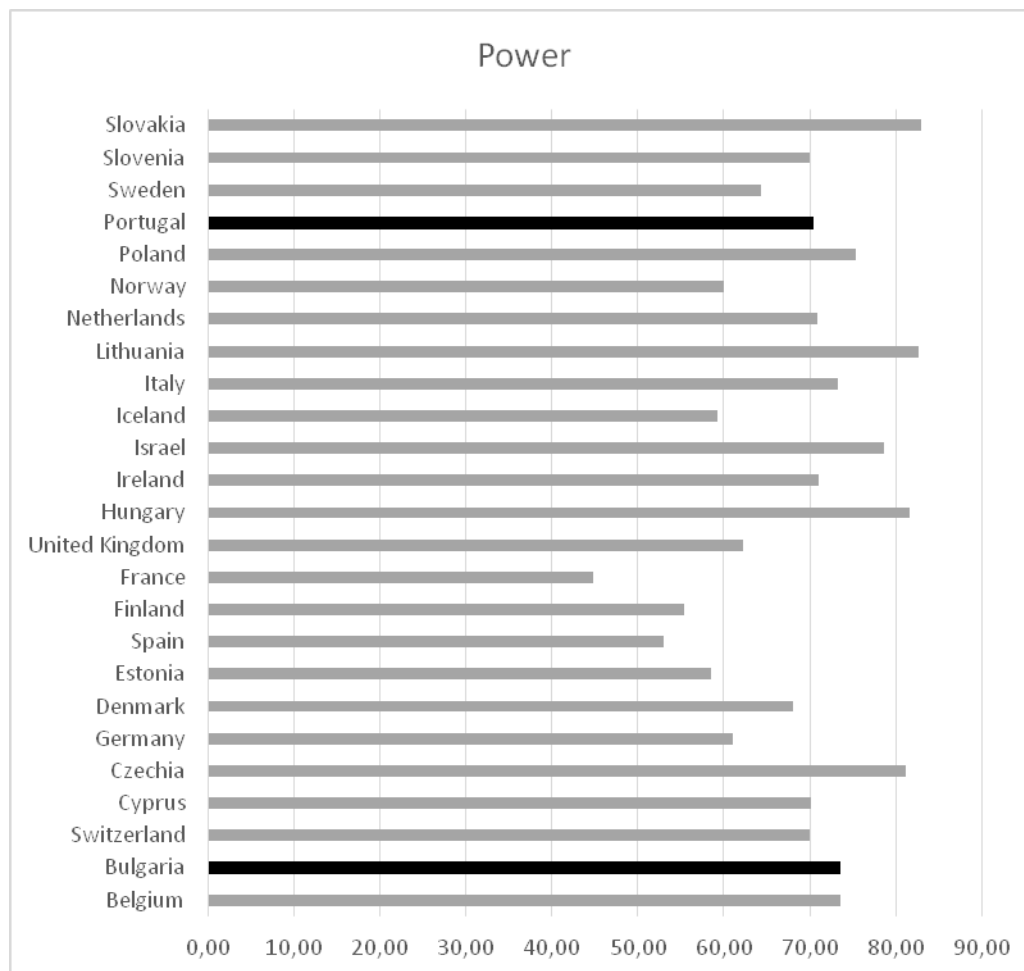

Figure 13. Power

Both cultures are deeply dissatisfied. Dramatically and alarmingly dissatisfied, it can be argued (Figure 14). Dissatisfied with everything – democracy, education, healthcare... The Portuguese, though, are slightly less dissatisfied, which is no way near satisfied. Both cultures are Europe's record holders in pessimism, giving way only to the traditional leaders in this area – the Hungarians (Figure 15). Significantly enough, both nations are characterised with very low levels of general social trust (Figure 16); in practice, they are again the leaders on the entire continent, sharing the top position. Both nations demonstrate record low levels of specific kinds of trust on the old continent – trust in parliament, in the legal system, in the police, in politicians (Figure 17 to 20). They do not particularly trust anyone. The Portuguese have slightly more trust than the Bulgarians in their police force but manage to come first in not trusting their politicians, when we compare the two nations. This striking closeness

between the two cultures in terms of the lack of trust should not mislead us – after all, the cynicism and suspiciousness of Bulgarians are hard to beat by any other culture.

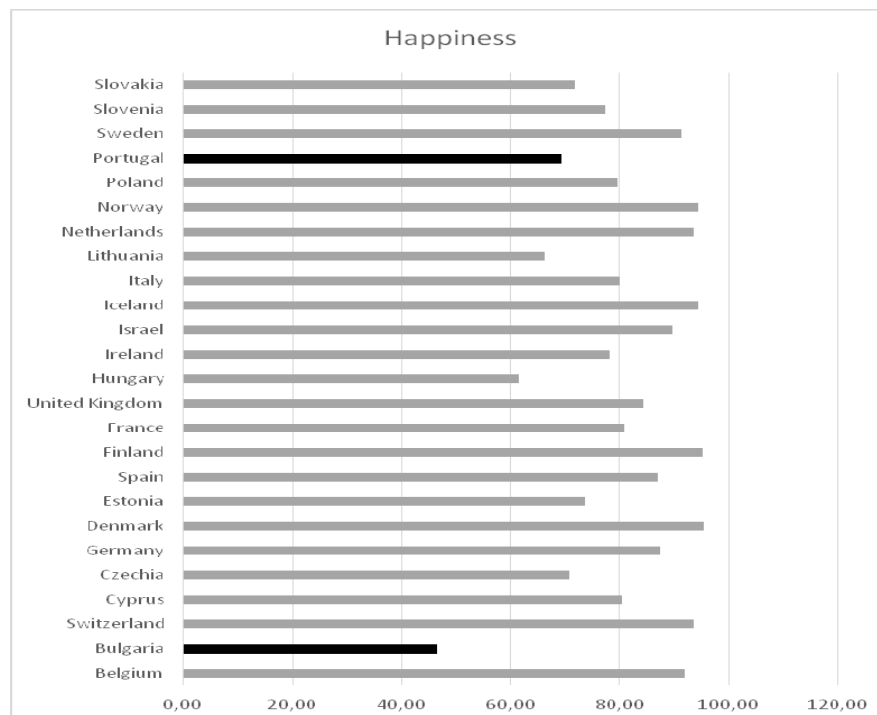

Figure 14. Are you happy?

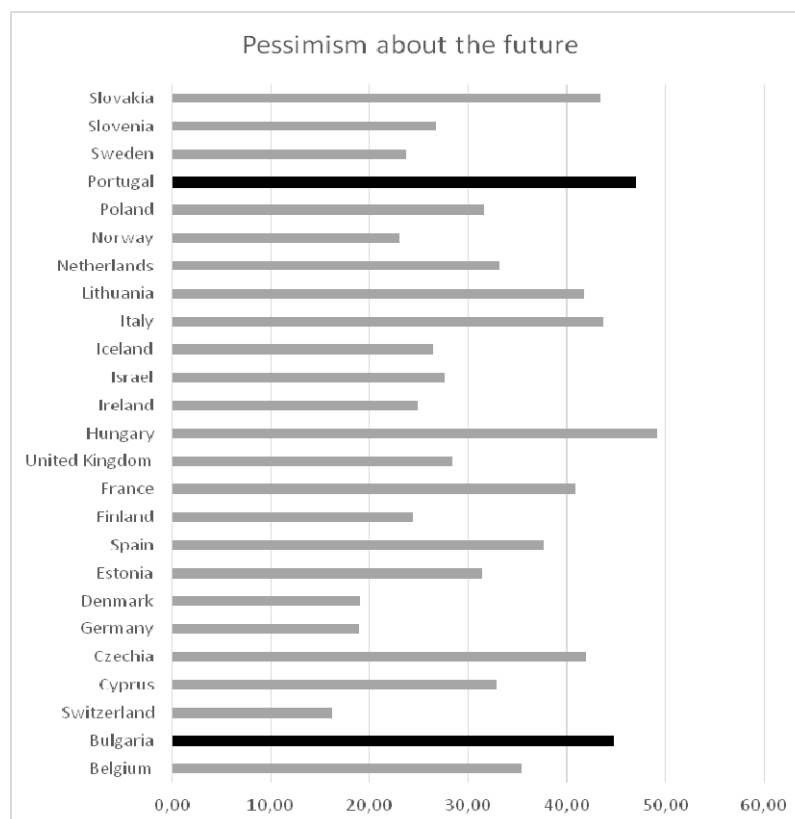

Figure 15. Pessimism about the future

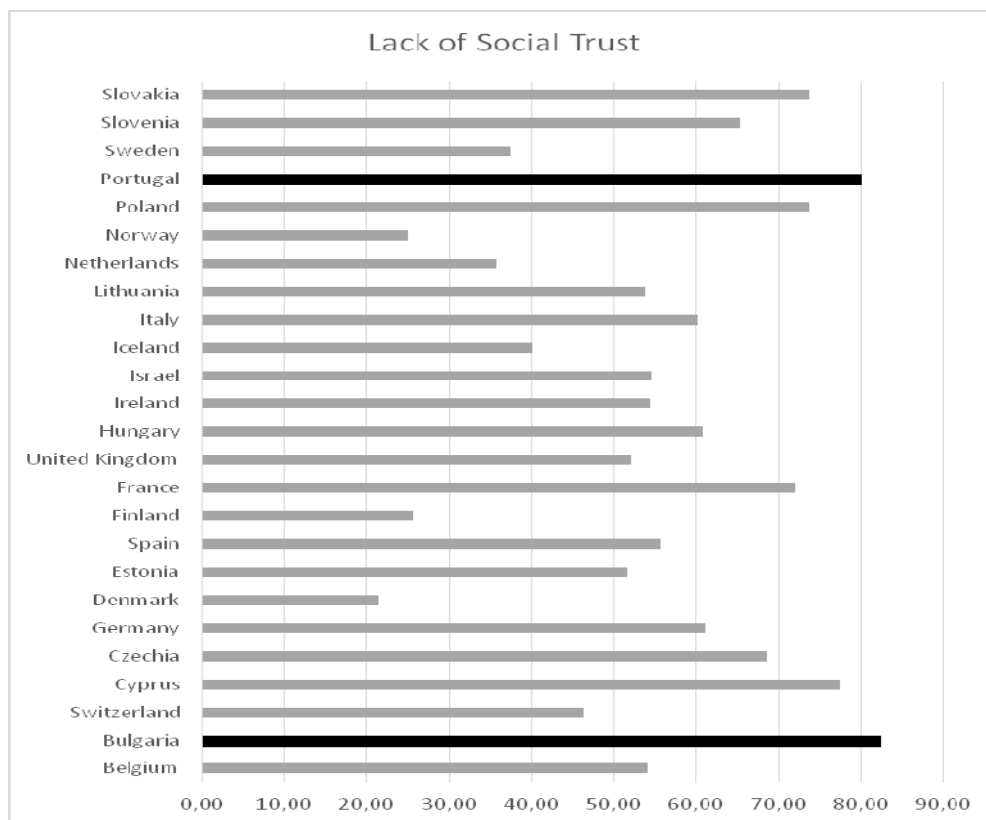

Figure 16. Lack of social trust

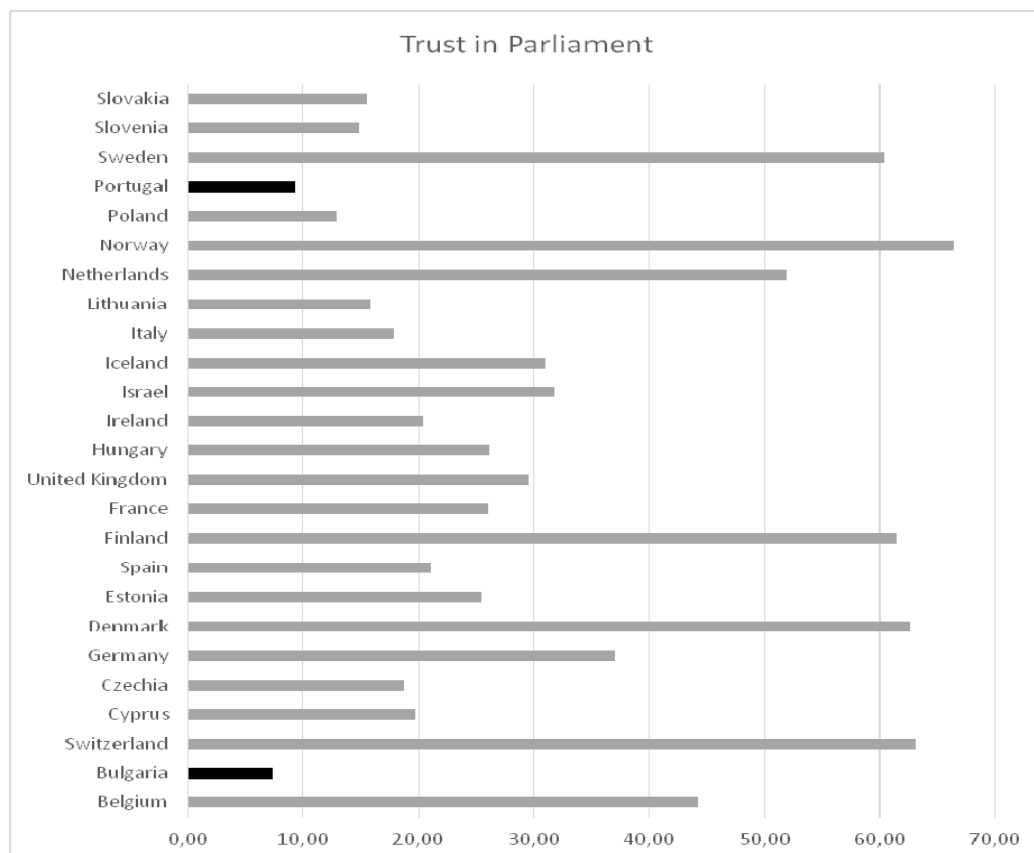

Figure 17. Trust in Parliament

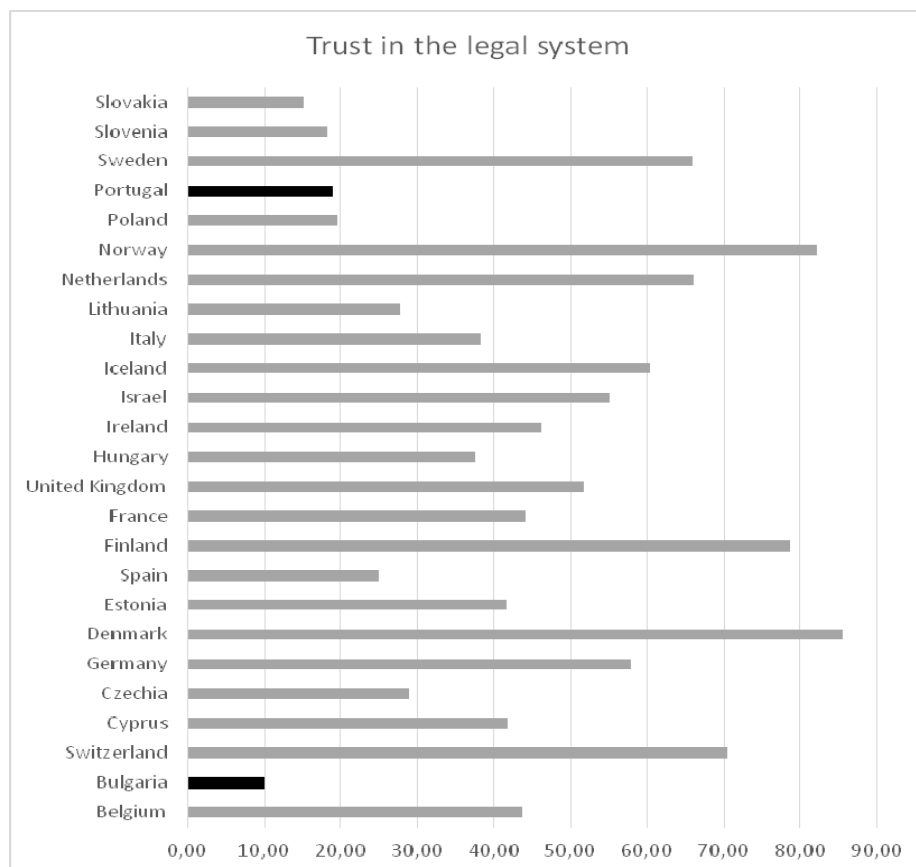

Figure 18. Trust in the legal system

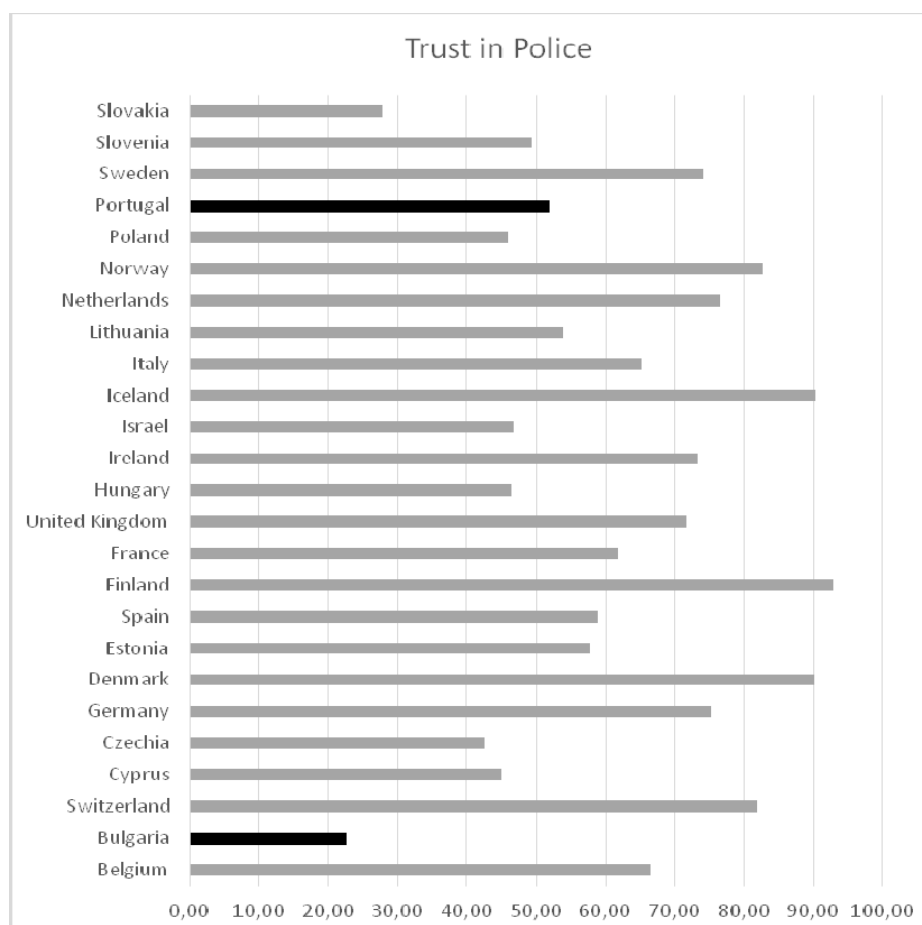

Figure 19. Trust in the Police

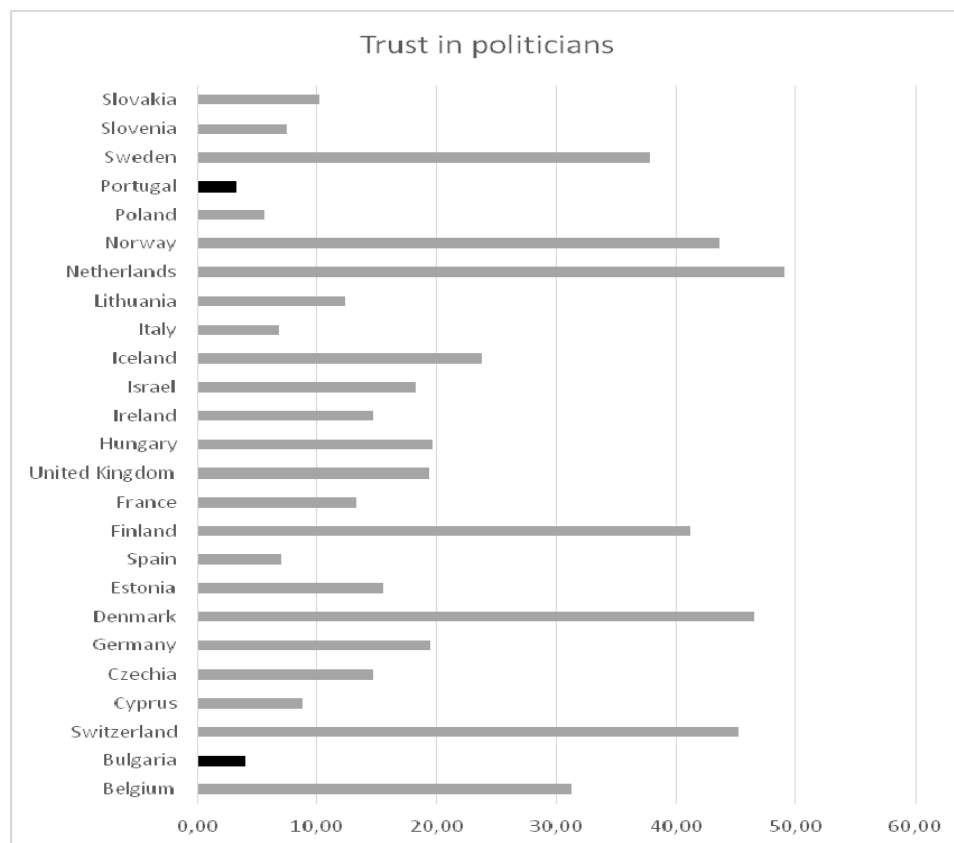

Figure 20. Trust in politicians

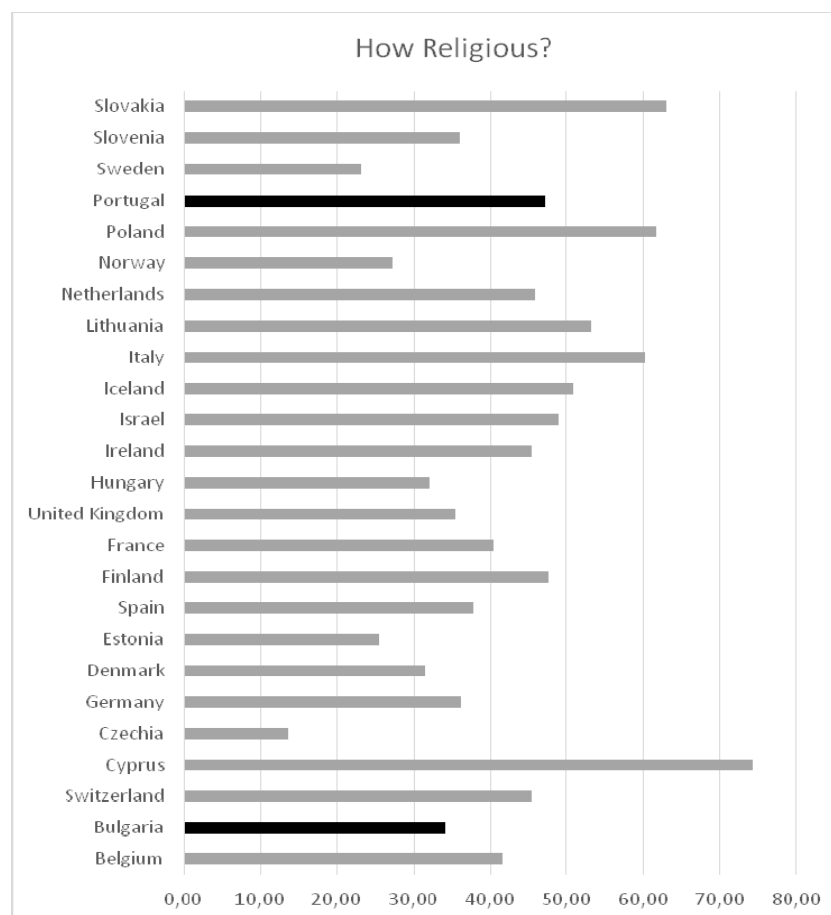

Figure 21. Extent of religiousness

One of the greatest differences comes with the extent of religiousness, the trust in God and the interest in the spiritual; in this field the Portuguese are far ahead of the Bulgarians, even among the more religious nations in Europe (Figure 21). Another difference, even though not so noticeable, is related to Euroscepticism, where we find Bulgarians more favourably inclined (Figure 22).

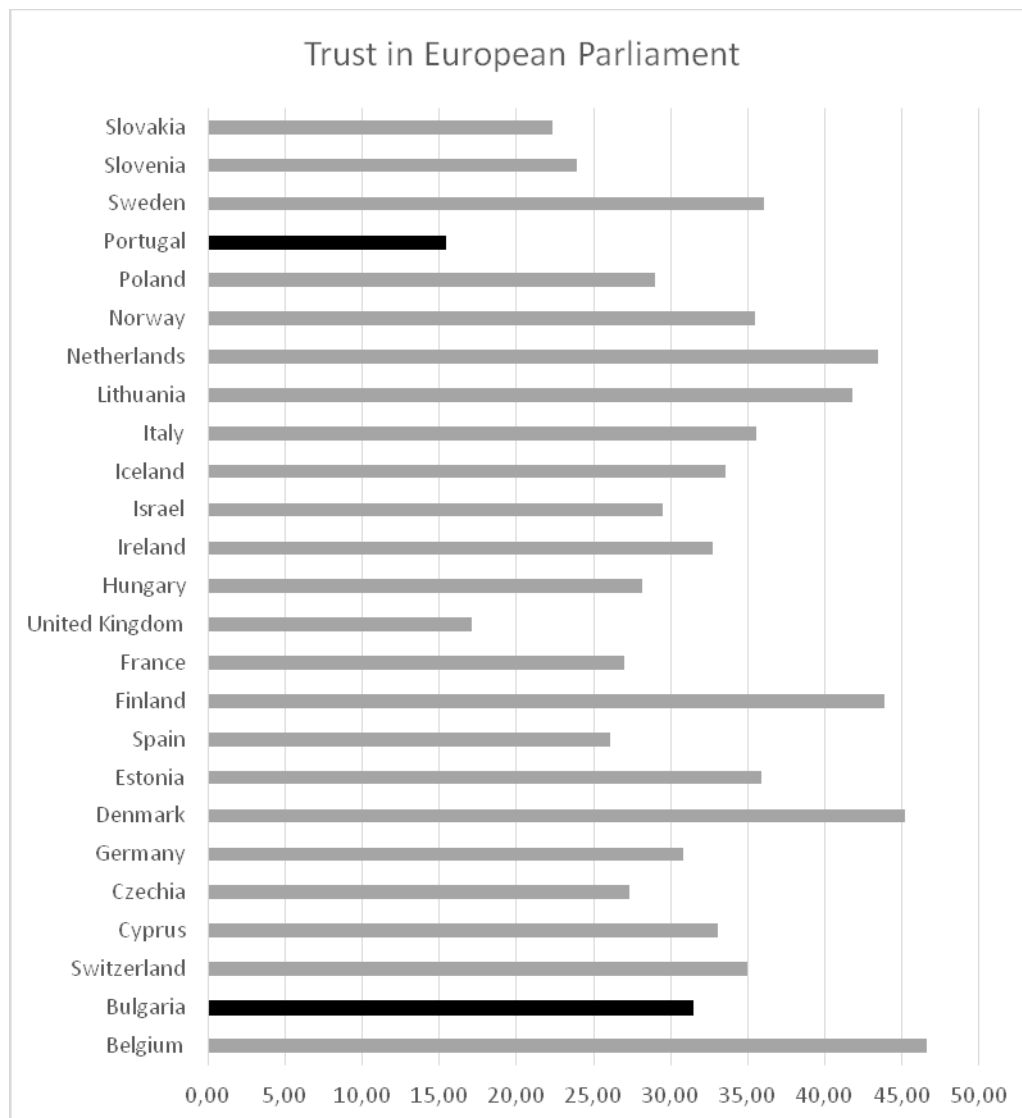

Figure 22. Trust in the European Parliament

What was said up until now is a vague and rough review but perhaps interesting food for thought. It is important in our case not to lose sight of the danger of stereotypisation. You get all sorts of Portuguese and Bulgarians. They bear to a different extent, in different combinations and in different forms the cultural characteristics of their national populations. It is about the tendencies characteristic of

the groups as a whole. But, above all, a man is a man, an individual, a unique personality, and only then is he/she a member of some nation.

Still, if we allow ourselves a bit more figurativeness extracted from the impassive data, we cannot but mention the following too.

Perhaps the certain similarity between the two peoples is an effect of their fate in their new history. In both cases there is certain pessimism, a general dissatisfaction with life, with the standard of living, with politicians. There is a desire for more security. There is certain fatigue (not to call it despair) with the fact that progress and wellbeing are only possible to achieve on your own assets, efforts and work. And it is not that there are no merry people around or no merrymaking in both communities, but the mindset in both cultures has a pessimistic streak in it – something sombre with the Bulgarians and something creatively melancholic with the Portuguese. The last statement contains other informative differences too. Bulgarians are being negative in the sense of grumbling and sullen, while the Portuguese are being negative in their typical melancholy, a brand of theirs (*suadade*), which is beautifully embodied in the Lisbon school of fado and in not a small fraction of the Portuguese literature and art. And, at that, there is another huge difference in the effects of this not so optimistic outlook on life: the Bulgarian levels of cynicism and empoisonment (aggression) are far from anything that can be felt among the Portuguese. Naturally, there are reasons that come to explain this. One of the reasons is rooted in the different types of individualism. I have no intention to enter into disputes about whether it is possible to call these cultures collectivistic at all, which sometimes they *are* called. It is my deep and evidence-based conviction that it is not possible. However, with a very high level of certainty, we can point it out that the Portuguese are far more capable of collective action and in-group macro-social attachment than Bulgarians. This wider and more altruistic social horizon and capacity for national unity of the Portuguese, unlike the Bulgarians, is to be seen in the *Universalism* dimension, which was already shown with very different values for the two communities. Otherwise, on a daily, family, friends, etc. basis, both cultures are similarly concerned about the well-being of others. A distinctive feature of Bulgarian individualism (spotted in fact by all serious researchers) is envy, the inability to

‘swallow’ the success of the other – a phenomenon which, if there at all, is present at far lower and acceptable levels with the Portuguese. This is why they find it easier to build a society, come together for a certain cause, overcome differences and partialities. The divide as regards Salazar’s dictatorship regime in Portugal, say, is perhaps present in some layers of the national memory but it has been a long time since it gave rise to personal hatred and opposition on a wide public scale. Whether this is the case in Bulgaria as regards totalitarianism is a question everyone can answer for themselves.

Conservatism is a predilection for the traditional. Both nations are relatively conservative. The question is what *is* conservative. Whether it is good upbringing, a sense of rules and regulations, a more or less strong moral standing or value disorientation. Because the conservative Portuguese is well-brought-up, contained, relatively disciplined (with the exception of the days with decisive football matches). In Portugal the good old sense of decency, in the positive sense of the word, is preserved. Whereas the conservative Bulgarian is a victim of complexes and fears (and if he/she is not, he/she is arrogantly inconsiderate of those around, repulsively so) and a victim of a true value impasse. It boils down to this – the whole world suffers a value crisis. In the public consciousness gapes a “God-shaped hole”, as Sartre would put it. There is this hole in Portugal too, but it is far smaller and it is so not only because the Portuguese are more devoted Catholics but because at all levels of public life and along all sorts of lines – school, church, media – there is this traceable scarlet thread of aspects of the conservative Portuguese ways. To this day the way they address people, in real life and in correspondence, smacks of the 18th century. Meanwhile, the degradation of values in Bulgaria is startling and all-pervasive. With the Portuguese there is still a perceptible, comparatively strong and stable normality of value priorities. We could go on to say that outside the cosmopolitan zones, in the very groundwork of both the Portuguese and the Bulgarian outlook on life, there is a kind of conservatism that can be called ‘old-fashionedness’. It shows in the lack of inclination to boldly experiment with clothing and aesthetics in general, in the mass preferences for literature and other forms of art, for example music. Pop music, for example, as a type of music and the show that

went with it in the 70-ies, is alive and liked by huge layers of the population to some extent in Bulgaria too, but at least in this area the Portuguese seem surprisingly old-fashioned and ‘archaic’.

Other analogies are remarkable too. Every single Portuguese is permeated with the sense of national, but also purely personal, dignity. Equally, you will not hear any vulgarian-sounding grandstanding on the part of anyone. Amazingly enough, the dignity in question and their well-founded pride in their imperial past do not in the least overshadow their common sense, their just-as-natural modesty and their sense of tact and decency. In 711 AD the North-African moors came to Al-Gharb al-Andalus (western Andalusia, as they called Algarve) to stay for 500 years. You will never ever hear the word “yoke” used, a word so favoured by Bulgarians. You are even less likely to detect the use of this period of history as some resigned excuse for the ill successes to follow, in whatever form and inasmuch as they had them. With the Bulgarians there is a distinct paradoxical split between national nihilism and an inferiority complex, on the one hand, and belligerent acts of patriotism, on the other (the latter feature being developed to unprecedented levels by Bulgaria’s neighbours, the North Macedonians). A realistic, healthy balance is rare to find.

The attitude to time (the sense of urgency and tension in respect of time) is another palpable difference. While in many cases the Bulgarian daily life, at least in larger towns, is nearly hysterical, the Portuguese one is slower, more relaxed, sometimes, by our own measure, even too relaxed. We are alike, though, in our tendency to stress spontaneously on the past rather than the future or the present. Both nations are not particularly inclined to be punctual, like the English or the Swiss, and I don’t mean it in respect of time only.

As a whole, the Portuguese are more introvert and more contained when expressing their emotions than the Bulgarians, their cousins the Spanish or than all remaining southern cultures for that matter (including the Greek). In Trompenaars’ terms this means that, outside fado, the Portuguese culture is neutral rather than affective. This also holds true for their artistry and aesthetics. Their design, architecture and taste are no less remarkable than those of the Italians or the French,

for example, but I am not convinced the Portuguese themselves see that clearly enough.

As already mentioned, both cultures rate high in terms of the *Achievement* set of values i.e. in rather general terms, it is typical to witness an aspiration for success, the Bulgarians being the highest-ranking nation along this indicator. This can mean real ambition for self-actualisation or, more likely, a thirst to see oneself as successful and make sure the others see him/her as such in order to be rated as such. Perhaps the nuanced differences here lie also in how the two nations interpret success. For sure the Bulgarian culture is more masculine according to Hofstede's model i.e. it is far more materialistic. Success and achievement are measured primarily by competitive dominance, material well-being and power. The Portuguese outlook is more balanced and, to put it in rather general terms, it hosts much more spirituality and harmony. Ostentation as a demonstrative display of success is rather a Bulgarian trait, which is to be observed in Portugal much more rarely.

Portugal is pressed into one corner of the map of Europe, and Bulgaria – into the opposite one. The history of both states has its dazzling moments of grandeur; meanwhile, the present has too little to do with this grandeur. Currently, Bulgaria is the poorest country in the EU and prior to the 2007 accession wave, it was Portugal that held this unenviable leader position. The unyielding adherence to a distinctive national identity in the vicinity of large and influential neighbours (England, Spain and France in one case and Greece, Turkey and Russia in the other case) is among the factors that bring us closer.

Overall, by way of summary, it can be argued that despite some important differences between the two cultures in their outlook, value preferences, beliefs and everyday ideologies, there are in place some rather interesting and significant similarities too between the Bulgarians and the Portuguese. The similar values in question are a fine prerequisite for ease of reciprocity and for considerable enhancement and amplification of the economic and cultural relations between the two states.

Zemlianska N.G.,

PhD student

Semigina T.V.

Doctor in Political Sciences

Academy of Labour, Social Relations and Tourism, Ukraine

INTERNATIONAL ONLINE PLATFORMS AND THEIR IMPACT ON LABOUR RELATIONS

Землянская Н.Г.,

аспирантка

Семыгина Т.В.

доктор политических наук

Академия труда, социальных отношений и туризма, Украина

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Abstract. *The article considers the concept of a “platform economy”, the impact of international online platforms on labour relations, international experience in counteracting negative influences on national human capital.*

Keywords: *platform economy, digital economy, online platform, Uber, Glovo, ILO.*

Аннотация. *В статье рассмотрено понятие «платформенной экономики», влияние международных он-лайн-платформ на трудовые отношения, международный опыт противодействия негативным влияниям на национальный человеческий капитал.*

Ключевые слова: *платформенная экономика, цифровая экономика, он-лайн платформа, Uber, Glovo, ILO.*

В сегодняшнем глобальном мире с повсеместным использованием интернета, смартфонов, скоростного мобильного интернета, все большее влияние приобретает «платформенная экономика». Явление, начинавшееся с простых решений: «твиттеризация» (обмен короткими сообщениями), «фейсбукизация» (социальные взаимосвязи), «юберизация» (транспортные услуги) и др. привело к появлению более серьезных понятий – «цифровая экономика», «гиг-экономика», «цифровой капитализм», «цифровой рантье», базирующихся на экспансии в реальный мир платформенной экономики.

Важным понятием стала «цифровая платформа», то есть «обеспеченная высокими технологиями бизнес-модель, которая создает стоимость, облегчая обмены между двумя или большим числом взаимозависимых групп участников» [1]. В исследовании консалтинговой компании «Accentura plc» (2016 г.) упоминается о платформенной экономике как о фундаменте для

создания новой стоимости в цифровой экономике [2]. Это подтверждает и беспрецедентный рост цифровой экономики в составе мировой, с 15% в 2005 г., до 25% в 2020 г. [3].

Наше исследование ставит своей целью охарактеризовать трудовые отношения в условиях платформенной экономики и проанализировать ситуацию защищенной легальной занятости в Украине, при включении в экономику страны международных он-лайн-платформ.

Прежде всего следует отметить, что аккумуляция и распределение капитала с использованием цифровых платформ помимо влияния на экономику, имеет серьезные социальные последствия. Ключевой социальной проблемой, привлекающей все больше внимания, является трудовой статус тех, кто работает в экономике он-лайн-платформ. Это водители, курьеры, уборщики, дизайнеры, переводчики, техники и представители других профессий; они являются такими же участниками-пользователями платформы, как и клиент, который заказывает их услуги посредством платформы. Размытость трудовых отношений, социальная незащищенность, отсутствие правовых механизмов защиты своих прав, использование собственных активов (например, автомобиля), автономия рабочего времени или неконтролируемая переработка, все это ведет к социальной дестабилизации работника и может привести к трудовой эксплуатации.

Де Стефано говорит, что труд на цифровых платформах принимает различные формы, но условно проводит различие между: 1) трудом со множеством исполнителей (crowdwork) и 2) трудом по требованию через приложения [4]. Рассмотрим более детально эти формы.

Труд со множеством исполнителей обычно относится к действиям или услугам, которые выполняются в он-лайновом режиме, независимо от месторасположения. Поскольку коллективную работу можно легко выполнять в любой точке мира при условии наличия надежного подключения к интернету, такая занятость является хорошим источником рабочих мест особенно в развивающихся странах, возможность выбирать когда, где и как, они хотели бы работать дает определенную гибкость для работников и возможность

преодолеть временные финансовые трудности, такого рода дополнительным заработком, и главное - люди с инвалидностью могут широко реализовать свой потенциал с помощью crowdwork.

Труд по требованию через приложения, такие как Uber, Uklon, Glovo, относится к физическим действиям или услугам: транспортировка, курьерская доставка и бытовые услуги, которые выполняются локально. В этих случаях онлайн платформа используется для обеспечения баланса между спросом на рабочую силу и ее предложением, как правило в пределах какой-либо географически определенной области.

И хотя, с точки зрения бизнеса, платформы воспринимаются как эффективный способ ведения дел, поскольку компании могут получить доступ к разнообразному объему трудовых ресурсов по низкой цене, работники все больше высказывают недовольство рядом проблем: отсутствием четкого статуса занятости, несправедливым к ним отношением, низким уровнем доходов, участившейся невыплатой заработной платы, отсутствием социальной защиты и права голоса. Преобладающее большинство платформ не обеспечивают защиту работников в соответствии с действующим трудовым законодательством в странах своего присутствия.

В странах социального благополучия довольно жестко защищают права работников от негативного воздействия цифровых платформ. Так, например, Uber, который позиционирует себя как сервис по вызову такси, а на самом деле аккумулирует на своей онлайн-платформе сотни водителей, оказывающих транспортные пассажирские услуги, зайдя в 2011 г. на европейский рынок, уже в апреле 2017 г. был запрещен в Дании. Причиной послужил новый закон, предусматривающий установку счетчика тарифа, видеонаблюдение и датчики сидений. Некоторые страны подали иски в суды против Uber, а Болгария, Италия и Германия приостановили или полностью запретили низкие тарифы, чтобы защитить водителей такси от неконкурентных действий он-лайн-платформы [5].

В конце 2017 г. Европейский суд вынес решение в ответ на жалобу профсоюза таксистов Барселоны на недобросовестную конкуренцию со

стороны Uber. Uber был отнесен к транспортной компании, а не к информационному сервису, что дало возможность странам Евросоюза регулировать его деятельность согласно транспортному законодательству [6].

Международная Организация Труда (МОТ) обеспокоена деструктивным характером технологических изменений и их потенциально масштабными последствиями, связанными с разрушением устойчивых рабочих мест. По мнению МОТ, расширение масштабов цифровизации повлияет, как на количество, так и на качество рабочих мест. Созданная в августе 2017 г. Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда занимается поиском вариантов политики, влияющих на распределение технологических дивидендов, предотвращение поляризации рынков труда и неравенство доходов.

Украина не осталась в стороне от глобальных трендов развития цифровой экономики и монополизации украинского рынка международными игроками. В 2014 г. компания из Нидерландов OLX приобрела Slando.ua (украинскую онлайн-платформу объявлений для покупок, обмена товарами и услугами). В том же году, выкупив успешный украинский стартап «Подорожник», в Украине обосновался французский BlaBlaCar (сервис совместных поездок). В 2016 г. американский Uber (сервис по вызову такси) начал набирать украинских водителей для оказания транспортных услуг в крупных городах Украины. В 2018 г. испанская компания Glovo, оказывающая услуги по доставке товаров курьерами, вышла на украинский рынок.

Летом 2019 г. в Киеве прошли акции протестов курьеров сервиса доставки Glovo, в ответ на изменение системы начисления бонусов, формирующих основную часть дохода курьера. Для того, чтобы получать достаточный доход, исходя из новых правил компании, им теперь придется работать по 13 часов 7 дней в неделю. Также повышенная протестная активность курьеров обуславливалась тем, что в это же время, в Харькове был сбит автомобилем их 20-летний коллега, курьер на велосипеде, который, не приходя в сознание умер в больнице. Для защиты своих прав молодые курьеры (со слов некоторых из них, компания Glovo допускает к работе даже

подростков 14–15 лет) объединились в профсоюз. Международные профсоюзные организации курьеров, такие как Precarious Riders Unite, британский профсоюз IWGB, который добился статуса для курьеров аналогичной платформы Deliveroo статуса наемных работников, поддерживают начинания украинцев по защите своих трудовых и социальных прав [7].

В Украине со стороны правительства не уделяется достаточного внимания предотвращению и борьбе с рисками для украинских работников, которые несет платформенная экономика. Утвердив в январе 2018 г. «Концепцию развития цифровой экономики и общества Украины на 2018–2020 гг.», украинское правительство уделило внимание исключительно развитию цифровых технологий в государственном секторе, упрощению получения различного рода справок от госчиновников, совершенно обойдя вниманием регулирование деятельности онлайн-платформ в частном секторе и защиты прав, как участников-исполнителей, так и участников-потребителей [8].

Следует отметить, что в Украине экономика он-лайн-платформ развивается не с целью предоставления инновационных и более качественных услуг в интересах клиентов и с эффектом в виде создания возможностей для трудоустройства, а как инструмент несправедливой конкуренции, выведения всех заработанных средств на внутреннем рынке за рубеж, нерегулируемого использования человеческого ресурса и наращивания собственной прибыли ценой истощения человеческого капитала и разрушения устойчивости социальных систем.

Литература:

1. Van Alstyne M., Parker G., Choudary S.P. Pipelines, Platforms, and the New Rules of Strategy // Harvard Business Review. 2016. April. URL: <http://ide.mit.edu/sites/default/files/publications/Pipelines%2C%20Platforms%2C%20and%20the%20New%20Rules%20of%20Strategy.pdf.pdf>
2. Platform Economy: Technology-driven business model innovation from the outside in // Accentura plc. 2016. URL: https://www.accenture.com/t20160823t222808_w_/us-en/_acnmedia/accenture/omobono/technologyvision/pdf/platform-economy-technology-vision-2016.pdf#zoom=50
3. Digital Economic Value Index // Accenture. 2016 January. URL: https://www.accenture.com/_acnmedia/pdf-5/accenture-it-tech-trends-technology-vision-exec-summary-2016.pdf

4. De Stefano V. The rise of the “just-in-time workforce”: On-demand work, crowdwork and labour protection in the “gig-economy”. Geneva: ILO, 2016. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_443267.pdf
5. Seferou A. Why Is Uber Still Not Available in Denmark? // Culture Trip. 2018. 7 August. URL: <https://theculturetrip.com/europe/denmark/articles/why-is-uber-still-not-available-in-denmark/>
6. Левчук К. Uber у США відправлятиме водіїв на 6 годин відпочинку після 12 годин роботи // KFUND-MEDIA. 2018. 13 лютого. URL: <https://kfund-media.com/ru/evropejskyj-sud-pryznal-uber-transportnoj-sluzhboj/>
7. Працівники Glovo в Києві готуються до протестів // Соціальний рух. 2019. 22 липня. URL: <http://rev.org.ua/glovo-protest-globalizuyetsya-i-shukaye-novix-form/>
8. Про схвалення Концепції розвитку цифрової економіки та суспільства України на 2018—2020 роки та затвердження плану заходів щодо її реалізації : Розпорядження Кабінету Міністрів України від 17 січня 2018 р., № 67-р. URL: <https://www.kmu.gov.ua/ua/npas/pro-shvalennya-koncepciyi-rozvitku-cifrovoyi-ekonomiki-ta-suspilstva-ukrayini-na-20182020-roki-ta-zatverdzhennya-planu-zahodiv-shodo-yiyi-realizaciyi>

Science, Technology and Innovations

Collection of scientific articles

Copyright © 2019 by the authors
All rights reserved.

WARNING

Without limitation, no part of this publication may be reproduced, stored, or introduced in any manner into any system either by mechanical, electronic, handwritten, or other means, without the prior permission of the authors

Edited by the authors.

ISBN 978-989-54130-5-9